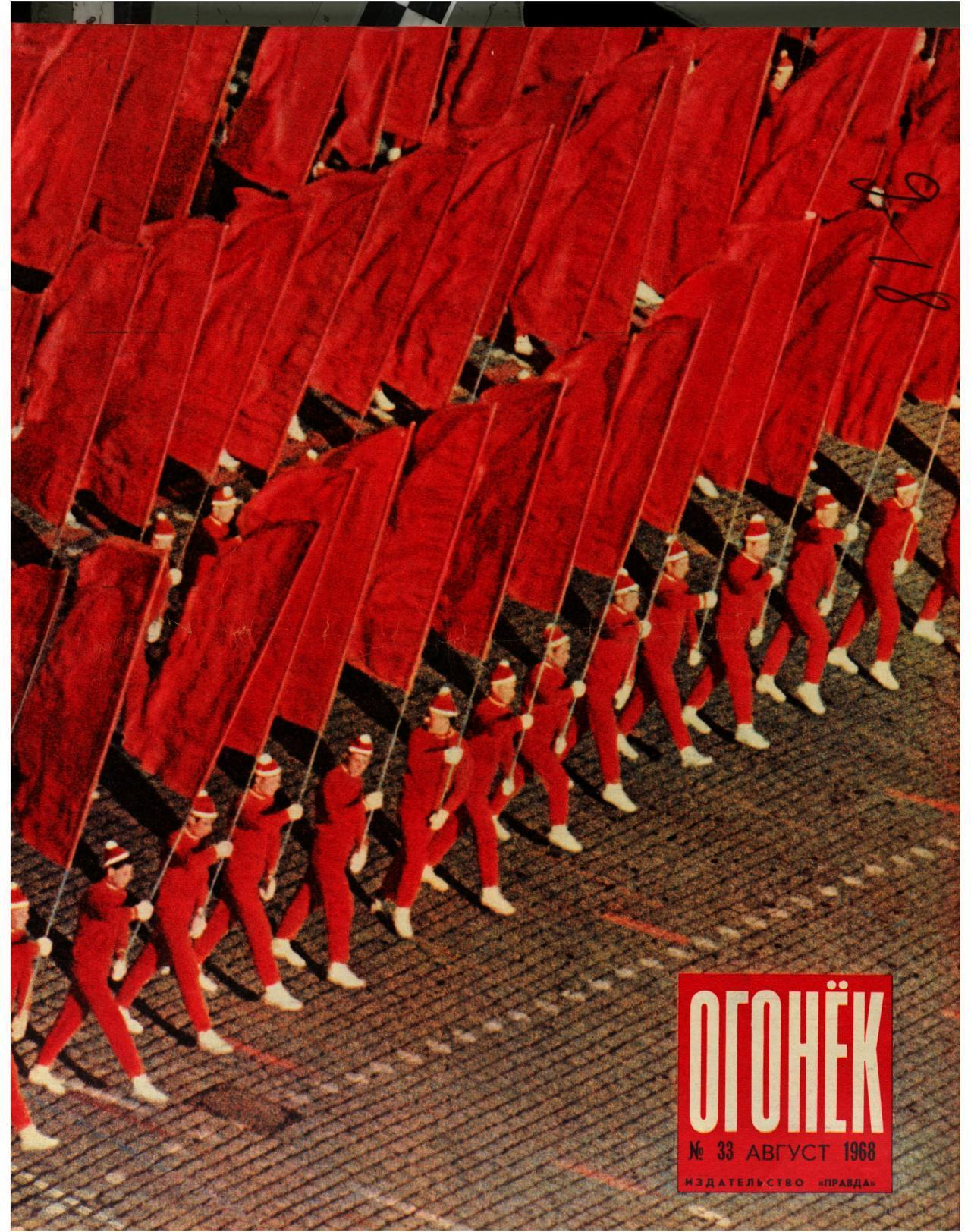
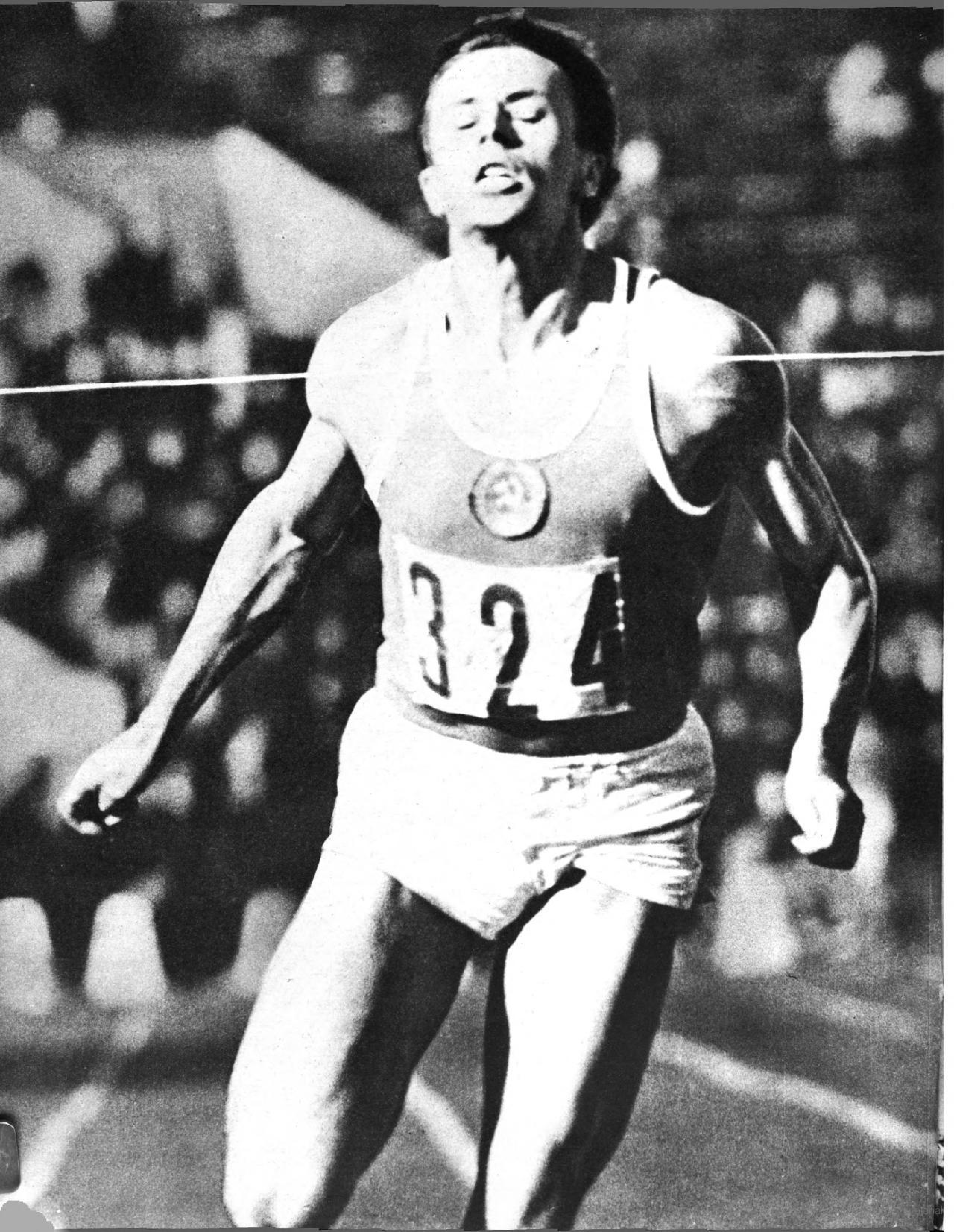

ОГОНЁК
№ 33 АВГУСТ 1968
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

324

Р. Клим, олимпийский чемпион по метанию молота.

В этом году Советская страна отмечает праздник молодости, красоты и силы — Всесоюзный день физкультурника с особой торжественностью: подводятся итоги нашего физкультурного движения за полвека. И в знак этой большой даты и больших успехов, достигнутых за это время, обнародован Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями СССР известных спортсменов, лучших тренеров, ученых, активистов заводских, сельских, школьных коллективов физкультуры, работников советов спортивных союзов, рабочих, производящих спортивный инвентарь.

Широчайший размах получило физкультурное движение в нашей стране!

Оно начиналось в отрядах Всеобуча в 1918 году. В то время такие страны, как Великобритания, США, Франция, гордились своим спортом, и их атлеты являлись неизменными лидерами всех крупных международных соревнований. Эти времена отошли в прошлое. Новая спортивная держава вышла на международную арену. Сперва СССР выслал на разведку свои передовые отряды — штангистов, гимнастов, лыжников, борцов, легкоатлетов, хоккеистов, которые успешно выступали на чемпионатах мира и Европы. Затем советские спортсмены впервые приняли участие в Олимпийских играх.

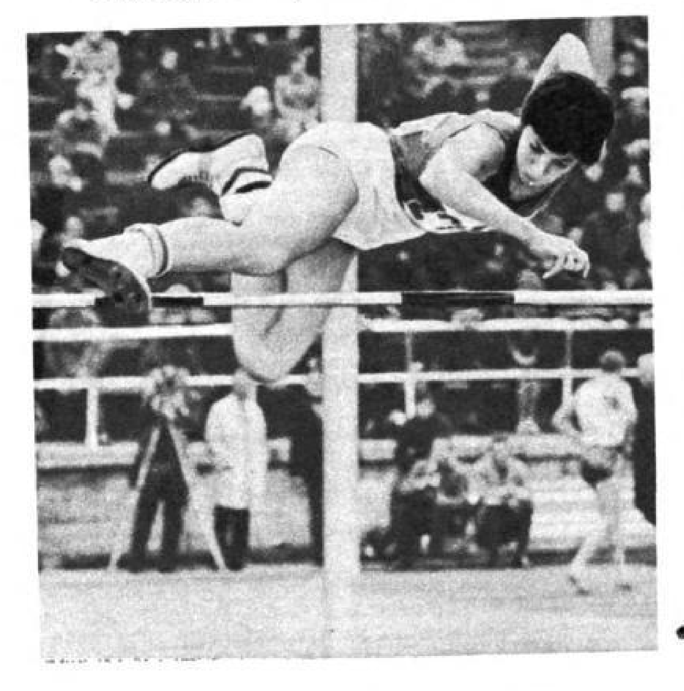
На XV олимпиаде в Хельсинки в 1952 году «новички» поистине стали героями игр. Они установили 9 олимпийских рекордов, из которых 2 превышали мировые, они увезли домой 67 олимпийских медалей (из них 22 золотых). Через четыре года в Мельбурне команда СССР завоевала 98 олимпийских медалей (из них 37 золотых) и в неофициальном командном зачете заняла первое место. На XVII Олимпийских играх в Риме успехи советского спорта были еще разительней — снова общекомандная победа, 103 олимпийских медали (из них 43 золотых), а в Токио советским спортсменам удалось завоевать 96 олимпийских медалей (из них 30 золотых).

И вот прошло еще четыре года. Все чаще мелькает в печати название мексиканской столицы — Мехико. Все ближе старты XIX олимпиады. Завершаются генеральные репетиции, окончательно формируется состав олимпийской команды, и весь советский народ с огромным интересом и надеждой следит за усилиями своих сынов и дочерей, испытывает олимпийское беспокойство. Где бы ни находились наши атлеты, они всегда чувствуют взволнованное дыхание земляков, и как бы подтверждением этого являются тысячи телеграмм, летящих из разных мест страны в те далекие края, где выступают спортсмены.

Массовость и мастерство — под этим девизом растет и ширится наше физкультурное движение. И мы никогда не забываем, что истоки его начинаются в низовых физкультурных коллективах, в спортивных залах Горьковского автомобильного завода, или «Уралмаша», или Краснодарского политехнического института, о спортсменах которого рассказывается в этом номере. В Гомеле, в борцовской секции, начинал свой путь Вячеслав Сапея, ныне прославленный легкоатлет, пробежавший недавно 100 метров за 10 секунд. В одной из ленинградских школ приобщилась к спорту молодая спортсменка В. Грушкина, победившая всех в прыжках в высоту на международных соревнованиях имени братьев Знаменских...

От стартов на заводской площадке до олимпийских стартов — таков размах нашего физкультурного движения, чей праздник отмечает сегодня вся Советская страна!

В. Грушкина на соревнованиях имени братьев Знаменских взяла высоту 1 метр 80 сантиметров.

З. Воронина, обладательница Кубка по гимнастике.

Спортивная честь

В. Сапея — быстрейший из быстрых.

Фото Л. БОРОДУЛИНА.

ОГОНЁК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 33 (2146)

10 АВГУСТА 1968

СИЛА — В ЕДИНСТВЕ

ОТЪЕЗД ДЕЛЕГАЦИИ КПСС

28 июля с. г. из Москвы для участия во встрече между Политбюро ЦК Коммунистической партии Советского Союза и Президиумом ЦК Коммунистической партии Чехословакии, договоренность о которой была достигнута ранее, отбыла делегация КПСС.

СОВМЕСТНОЕ КОММЮНИКЕ О ВСТРЕЧЕ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС И ПРЕЗИДИУМА ЦК КПЧ

29 июля — 1 августа 1968 года в Чиерне-над-Тиссой состоялась встреча Политбюро ЦК КПСС и Президиума ЦК КПЧ.

Во встрече приняли участие:

со стороны КПСС — Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, члены Политбюро ЦК КПСС Г. И. Воронов, А. Н. Косыгин, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, П. Е. Шелест; кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС П. Н. Демичев, П. М. Машеров; секретари ЦК КПСС К. Ф. Катушев, Б. Н. Пономарев;

со стороны КПЧ — Первый секретарь ЦК КПЧ А. Дубчек, члены Президиума ЦК КПЧ Ф. Барбирек, В. Биляк, О. Черник, Д. Кольдер, Ф. Кригель, Я. Пиллер, Э. Риго, Й. Смрковский, Й. Шпачек, О. Швестка; кандидаты в члены Президиума ЦК КПЧ — А. Капек, Й. Ленарт, Б. Шимон; председатель Центральной контрольно-ревизионной комиссии М. Якеш.

С чехословацкой стороны во встрече принял участие Президент Чехословацкой Социалистической Республики Л. Свобода.

На встрече состоялся широкий товарищеский обмен мнениями по вопросам, интересующим обе стороны.

Участники встречи обменялись подробной информацией о положении в своих странах.

Встреча Политбюро ЦК КПСС и Президиума ЦК КПЧ проходила в атмосфере полной откровенности, искренности и взаимопонимания, была направлена на поиски путей дальнейшего развития и укрепления традиционных дружеских отношений между нашими партиями и народами, основанных на принципах марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. В ходе бесед обе делегации по взаимному согласию решили обратиться к Центральным Комитетам коммунистических и рабочих партий Болгарии, Венгрии, ГДР и Польши с предложением о проведении многосторонней товарищеской встречи. Указанные братские партии согласились с этим предложением.

Встреча представителей БКП, ВСРП, СЕПГ, ПОРП, КПСС и КПЧ состоится 3 августа с. г. в г. Братиславе.

ПРИБЫТИЕ ДЕЛЕГАЦИИ КПСС В БРАТИСЛАВУ

2 августа для участия в совещании коммунистических и рабочих партий Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Советского Союза и Чехословакии в Братиславу прибыла делегация КПСС в составе Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, членов Политбюро ЦК КПСС А. Н. Косыгина, Н. В. Подгорного, М. А. Суслова, П. Е. Шелеста, секретарей ЦК КПСС К. Ф. Катушева, Б. Н. Пономарева.

Делегацию КПСС встречали руководящие партийные и государственные деятели Чехословакии: Президент Чехословацкой Социалистической Республики Л. Свобода, Первый секретарь ЦК КПЧ А. Дубчек, члены и кандидаты в члены Президиума ЦК КПЧ Ф. Барбирек, В. Биляк, О. Черник, Й. Смрковский, Й. Шпачек, О. Швестка, А. Капек, Й. Ленарт, председатель Центральной контрольно-ревизионной комиссии КПЧ М. Якеш, Председатель Словацкого национального совета О. Клокоч, представители Западно-Словацкого обкома и Братиславского горкома КП Словакии.

Делегацию КПСС тепло и сердечно приветствовали жители Братиславы.

*

В тот же день в Братиславу прибыли:

делегация Болгарской коммунистической партии во главе с Первым секретарем ЦК БКП Т. Живковым;

делегация Венгерской социалистической рабочей партии во главе с Первым секретарем ЦК ВСРП Я. Кадаром;

делегация Социалистической единой партии Германии во главе с Первым секретарем ЦК СЕПГ В. Ульбрихтом;

делегация Польской объединенной рабочей партии во главе с Первым секретарем ЦК ПОРП В. Гомулкой.

СОВЕЩАНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КОММУНИСТИЧЕСКИХ И РАБОЧИХ ПАРТИЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

Утром 3 августа 1968 года в Братиславе начало работу Совещание представителей Болгарской коммунистической партии, Венгерской социалистической рабочей партии, Социалистической единой партии Германии, Польской объединенной рабочей партии, Коммунистической партии Советского Союза и Коммунистической партии Чехословакии.

Первый секретарь ЦК КПЧ А. Дубчек приветствовал присутствующих на Совещании представителей братских партий.

После этого участники Совещания приступили к переговорам.

*

3 августа 1968 года вечером в Братиславе закончилось Совещание представителей коммунистических и рабочих партий Болгарии, Венгрии, Германской Демократической Республики, Польши, Советского Союза и Чехословакии. Переговоры проходили в откровенной товарищеской атмосфере и закончились единодушным принятием совместного Заявления.

Братислава, 3 августа 1968 года. Совещание представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран.
Фото **В. Соболева.** (ТАСС—ЧТК).

ЗАЯВЛЕНИЕ

КОММУНИСТИЧЕСКИХ И РАБОЧИХ ПАРТИЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

3 августа 1968 года в Братиславе состоялось Совещание представителей коммунистических и рабочих партий Народной Республики Болгарии, Венгерской Народной Республики, Германской Демократической Республики, Польской Народной Республики, Союза Советских Социалистических Республик, Чехословацкой Социалистической Республики. В Совещании приняли участие:

От Болгарской коммунистической партии — Т. ЖИВКОВ, Первый секретарь ЦК БКП, Председатель Совета Министров НРБ; С. ТОДОРОВ, член Политбюро, секретарь ЦК БКП; П. КУБАДИНСКИЙ, член Политбюро ЦК БКП, заместитель Председателя Совета Министров НРБ.

От Венгерской социалистической рабочей партии — Я. КАДАР, Первый секретарь ЦК ВСРП; Е. ФОК, член Политбюро ЦК ВСРП, Председатель Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства; З. КОМОЧИН, член Политбюро, секретарь ЦК ВСРП.

От Социалистической единой партии Германии — В. УЛЬБРИХТ, Первый секретарь ЦК СЕПГ, Председатель Государственного совета ГДР; В. ШТОФ, член Политбюро ЦК СЕПГ, Председатель Совета Министров ГДР; Э. ХОНЕККЕР, член Политбюро, секретарь ЦК СЕПГ; Г. МАТЕРН, член Политбюро ЦК СЕПГ, председатель Центральной партийной контрольной комиссии СЕПГ; Г. МИТТАГ, член Политбюро, секретарь ЦК СЕПГ; Г. АКСЕН, кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК СЕПГ.

От Польской объединенной рабочей партии — В. ГОМУЛКА, Первый секретарь ЦК ПОРП; Ю. ЦИРАНКЕВИЧ, член Политбюро ЦК ПОРП, Председатель Совета Министров ПНР; З. КЛИШКО, член Политбюро, секретарь ЦК ПОРП; А. СТАРЕВИЧ, секретарь ЦК ПОРП.

От Коммунистической партии Советского Союза — Л. И. БРЕЖНЕВ, Генеральный секретарь ЦК КПСС; Н. В. ПОДГОРНЫЙ, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР; А. Н. КОСЫГИН, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР; М. А. СУСЛОВ, член Политбюро, секретарь ЦК КПСС; П. Е. ШЕЛЕСТ, член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Украины; К. Ф. КАТУШЕВ, секретарь ЦК КПСС; Б. Н. ПОНОМАРЕВ, секретарь ЦК КПСС.

От Коммунистической партии Чехословакии — А. ДУБЧЕК, Первый секретарь ЦК КПЧ; О. ЧЕРНИК, член Президиума ЦК КПЧ, Председатель правительства ЧССР; Й. СМРКОВСКИЙ, член Президиума ЦК КПЧ, Председатель Национального собрания ЧССР; В. БИЛЯК, член Президиума ЦК КПЧ, Первый секретарь ЦК КП Словакии; Й. ЛЕНАРТ, кандидат в члены Президиума, секретарь ЦК КПЧ. С чехословацкой стороны также присутствовал Президент ЧССР Л. СВОБОДА.

Представители коммунистических и рабочих партий социалистических стран, исходя из того, что сложная международная обстановка, подрывные действия империализма, направленные против мира и безопасности народов, против дела социализма, требуют дальнейшего сплочения стран социалистической системы, а также учитывая, что развитие социализма выдвигает новые задачи, для решения которых необходимо дальнейшее объединение усилий социалистических государств, сочли нужным созвать настоящее Совещание в Братиславе.

В духе сложившихся традиций, в обстановке полной откровенности, принципиальности и дружбы братские партии обсудили актуальные вопросы борьбы за социализм, дальнейшего укрепления социалистическо-

го содружества, сплоченности мирового коммунистического движения. Состоялся обмен мнениями по проблемам современной международной обстановки и усиления борьбы против империализма.

Представители коммунистических и рабочих партий обсудили пути укрепления и развития братского сотрудничества социалистических государств.

За годы, прошедшие после разгрома фашизма и прихода к власти рабочего класса, народы европейских стран, ставших на путь социализма, добились побед во всех сферах общественной жизни. За эти годы партии, преодолевая трудности и постоянно совершенствуя работу, обеспечили в каждой социалистической стране создание могучей индустрии, преобразование жизни деревни, добились неуклонного роста народного благосостояния, расцвета национальной культуры. Миллионы трудящихся подняты к сознательной политической жизни. Особенно крупных успехов в строительстве социализма и коммунизма добился Советский Союз. Неизмеримо выросло международное влияние социалистических государств, их роль в решении крупных вопросов мировой политики.

Поддержка, укрепление и защита этих завоеваний, доставшихся ценой героических усилий, самоотверженного труда каждого народа, является общим интернациональным долгом всех социалистических стран. Таково единодушное мнение всех участников Совещания, которые выразили непреклонную решимость развивать и защищать социалистические завоевания в своих странах, добиваться новых успехов в строительстве социализма.

Братские партии на основе исторического опыта убедились, что идти вперед по пути социализма и коммунизма можно, лишь строго и последовательно руководствуясь общими закономерностями строительства социалистического общества и в первую очередь укрепляя руководящую роль рабочего класса и его авангарда — коммунистических партий. При этом каждая братская партия, творчески решая вопросы дальнейшего социалистического развития, учитывает национальные особенности и условия.

Непоколебимая верность марксизму-ленинизму, воспитание народных масс в духе идей социализма, пролетарского интернационализма, непримиримая борьба против буржуазной идеологии, против всех антисоциалистических сил являются залогом успехов в укреплении позиций социализма и в отпоре проискам империализма.

Братские партии твердо и решительно противопоставляют свою нерушимую солидарность, высокую бдительность любым попыткам империализма, а также всех других антикоммунистических сил ослабить руководящую роль рабочего класса и коммунистических партий. Они никогда никому не позволят вбить клин между социалистическими государствами, подорвать основы социалистического общественного строя. Братская дружба и сплоченность в этом направлении отвечают кровным интересам наших народов, составляют надежную основу для решения социально-экономических и политических задач, над которыми работают коммунистические партии наших стран.

Братские партии считают своим долгом проявлять постоянную заботу о повышении политической активности рабочего класса, крестьянства, интеллигенции, всех трудящихся, о всестороннем прогрессе социалистического общественного строя, о дальнейшем развитии социалистической демократии, совершенствовании стиля и методов партийной и государственной работы на принципах демократического централизма.

Многообразные задачи созидания социалистического общества в каждой из наших стран значительно легче решать при взаимной помощи и поддержке.

Братские связи расширяют и умножают возможности каждой страны социализма. Участники Совещания выразили твердое стремление делать все от них зависящее для углубления всестороннего сотрудничества своих стран на базе принципов равноправия, уважения суверенитета и национальной независимости, территориальной целостности, братской взаимопомощи и солидарности.

Коммунистические и рабочие партии придают первостепенное значение тому, чтобы, эффективно используя огромные природные ресурсы наших стран, применяя новейшие достижения науки и техники, совершенствуя формы и методы социалистического хозяйствования, добиваться дальнейшего развития экономики, повышения материального благосостояния трудящихся. Эффективным путем достижения этих благородных целей является развитие экономического сотрудничества социалистических стран на двусторонней и многосторонней основе. Все большее значение приобретает совершенствование деятельности Совета Экономической Взаимопомощи, развитие кооперирования и специализации производства стран социализма, что позволяет полнее использовать преимущества международного социалистического разделения труда.

В этой связи была вновь подтверждена актуальность проведения в ближайшее время экономического совещания на самом высоком уровне.

Участники Совещания считают своим долгом обратить внимание народов на то, что в результате агрессивной политики империализма международная обстановка в последнее время остается сложной и опасной. В этих условиях братские партии социалистических стран, исходя из интересов борьбы за укрепление всеобщего мира и безопасности народов, за организацию решительного отпора агрессивной политике империализма и утверждение принципов мирного сосуществования государств с различным общественным строем, вновь подтверждают готовность согласовывать и координировать свои действия на международной арене.

Рабочий класс, крестьянство, интеллигенция, все трудящиеся жаждут мира и спокойствия для своих стран, для всех людей земли. Социалистические страны делали, делают и будут делать все, чтобы эти сокровенные чаяния народов сбылись. Наши партии заявляют, что они и впредь будут сотрудничать в решении этой благородной задачи со всеми коммунистическими и рабочими партиями, со всеми прогрессивными силами мира в борьбе за всеобщий мир, свободу, независимость и социальный прогресс.

Коммунистические и рабочие партии Болгарии, Венгрии, Германской Демократической Республики, Польши, Советского Союза и Чехословакии вновь торжественно заявляют о своей непреклонной решимости и впредь поддерживать героический вьетнамский народ, оказывать ему необходимую помощь в справедливой борьбе против американских интервентов.

Мы также озабочены тем, что положение на Ближнем Востоке в результате агрессивной политики правящих кругов Израиля продолжает оставаться напряженным. Наши партии будут делать все возможное для ликвидации последствий израильской агрессии на основе резолюции Совета Безопасности Организации Объединенных Наций от 22 ноября 1967 года и вывода израильских войск с оккупированных арабских территорий.

Рассмотрев положение в Европе, участники Совещания отмечают, что активизация сил реваншизма, милитаризма и неонацизма в Западной Германии непосредственно затрагивает безопасность социалистических государств и создает угрозу делу всеобщего мира. Мы будем и впредь последовательно проводить в европейских делах согласованную политику, отвечающую общим интересам социалистических стран, интересам европейской безопасности, давать отпор любым попыткам пересмотреть итоги второй мировой войны и нарушить сложившиеся в Европе границы; мы будем продолжать настаивать на недействительности мюнхенского соглашения с самого начала; мы будем решительно поддерживать Германскую Демократическую Республику — социалистическое государство немецких трудящихся, отстаивающее дело мира; мы будем оказывать постоянную поддержку Коммунистической партии Германии и всем тем силам, которые борются против милитаризма и реваншизма, за демократический прогресс.

Коммунистические партии социалистических стран выражают решимость добиваться обеспечения европейской безопасности, подтверждают принципы Бухарестской декларации и Заявления Конференции европейских коммунистических и рабочих партий в Карловых Варах. Они готовы сделать все необходимое для созыва конгресса народов Европы в защиту мира на нашем континенте. Не допустить нарушения европейского мира — это имеет решающее значение для сохранения мира во всем мире. На достижение этой цели, затрагивающей интересы всех народов, будут направлены наши совместные усилия.

Сегодня, когда империалистические силы США, ФРГ и других стран проявляют свою агрессивную активность, упорно предпринимают попытки ослабить социалистическое содружество, представители братских партий считают необходимым еще раз подчеркнуть особое значение Варшавского Договора. Этот Договор, заключенный социалистическими государствами в ответ на вступление реваншистской Западной Германии в агрессивный империалистический блок НАТО, был и остается мощным фактором мира и безопасности народов Европы. Он служит непреодолимым препятствием для всех, кто хотел бы ревизовать итоги второй мировой войны. Он надежно защищает завоевания социализма, суверенитет и независимость братских государств. Он направлен на упрочение европейской безопасности, на сохранение всеобщего мира.

Современная обстановка требует от нас неослабных усилий для повышения обороноспособности каждого социалистического государства и всего социалистического содружества, для укрепления политического и военного сотрудничества в Организации Варшавского Договора.

Участники Совещания считают своим долгом последовательно бороться за укрепление сплоченности международного коммунистического движения. Они отмечают, что за последнее время была проделана большая работа по подготовке нового международного Совещания коммунистических и рабочих партий. Братские партии высоко оценивают эту работу и выражают убеждение в том, что предстоящее Совещание пройдет успешно и внесет важный вклад в дело консолидации всех революционных сил современности.

Мы исполнены уверенности в том, что единое марксистско-ленинское мировоззрение, роль коммунистических и рабочих партий как авангарда и руководителя общества, социалистические основы народного хозяйства наших государств будут и впредь служить действенными факторами дальнейшего сплочения стран социализма, единства их действий в борьбе за общие великие цели.

Партии — участницы Братиславского совещания выступают с настоящим Заявлением, будучи глубоко убеждены в том, что выраженные в нем позиции и взгляды отвечают интересам всех братских стран и партий, делу нерушимой дружбы народов наших стран, интересам мира, демократии, национальной независимости и социализма.

От Болгарской коммунистической партии
Т. ЖИВКОВ, С. ТОДОРОВ, П. КУБАДИНСКИЙ

От Венгерской социалистической рабочей партии
Я. КАДАР, Е. ФОК, З. КОМОЧИН

От Социалистической единой партии Германии
В. УЛЬБРИХТ, В. ШТОФ, Э. ХОНЕККЕР, Г. МАТЕРН, Г. МИТТАГ, Г. АКСЕН

От Польской объединенной рабочей партии
В. ГОМУЛКА, Ю. ЦИРАНКЕВИЧ, З. КЛИШКО, А. СТАРЕВИЧ

От Коммунистической партии Советского Союза
Л. БРЕЖНЕВ, Н. ПОДГОРНЫЙ, А. КОСЫГИН, М. СУСЛОВ, П. ШЕЛЕСТ, К. КАТУШЕВ, Б. ПОНОМАРЕВ

От Коммунистической партии Чехословакии
А. ДУБЧЕК, О. ЧЕРНИК, Й. СМРКОВСКИЙ, В. БИЛЯК, Я. ЛЕНАРТ

25-ЭТАЖНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Двадцать пять этажей изящества и комфорта, сотни нестандартной планировки квартир,— такова она, уникальная новостройка в Москве на проспекте Мира.

У 25-этажного экспериментального дома есть предшественник. Он тоже стоит на проспекте Мира. Проектировали его те же архитекторы и инженеры, у него всего 17 этажей, но сделан дом на том же заводе, который готовит сейчас детали для 25-этажного здания. Именно на заводе. Новостройка берет свои строительные элементы в знаменитом проектном бюро «Прокатдеталь». Так что это не только первый жилой 25-этажный дом, но также первый такой колосс из вибропрокатных панелей.

Еще одна особенность, о которой рассказывает видный советский архитектор В. С. Андреев, руководитель мастерской, спроектировавшей дом. Здание покоится на опорах, все инженерные коммуникации собраны не в земле, а в гигантском «коробе» на уровне обычного третьего-четвертого этажа. Такое инженерное решение позволяет сделать все технические службы дома еще более надежными, легкодоступными для любого ремонта в любое время.

К. КОСТИН

Фото автора.

НОВАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ ПЛАНЕТА

В. ТИХОМИРОВ

Фото автора.

География трудового семестра расширяется с каждым годом. Этим летом ребята в зеленой форме студенческих отрядов появились и в Якутии — в Мирном и в Айхале, в совхозах Улахан-Ан и Тойбохойск, в Ленске, Тикси...

— Мы были много наслышаны о делах студентов. Ждали их с самыми добрыми чувствами, но, откровенно говоря, не представляли, что студенты могут так хорошо работать. У ребят производительность труда настолько высокая, что не всякий наш рабочий может с ними соревноваться.— Так отзывается о студентах Е. Н. Батенчук, начальник «Вилюйгэсстроя», самой крупной в Якутии строительной организации.

...В Якутск из Москвы летишь несколько часов, из Якутска на алмазную трубку «Удачная» добираешься неделю. А ведь иные отряды отправляются в места, расположенные гораздо дальше. Бьешь себя по лбу, убиваешь не комара, а лишь слегка приминаешь крылья огромного якутского слепня. Таков здесь быт.

Сохо — как называют свою страну якуты — суровый край. Вот почему сюда направляли ребят как на подбор: крепких, выносливых.

...Плотина Вилюйской ГЭС — самая высокая в стране плотина каменно-набросного типа. Вот на ее откосе и приходится работать бригаде Ивана Греськова из московского инженерно-физического института. Работа как будто несложная: берешь камешки, кидаешь вниз. Но откос градусов под шестьдесят, а камешки по пятьсот—шестьсот килограммов. И первая заповедь работающих здесь физиков гласит: «Перед спуском на откос привяжись к камню тяжелее собственного веса».

Задача бригады Греськова—превратить хаос первых дней сотворения плотины в три ровные ленты откоса, что-то вроде булыжной мостовой с пятидесятиградусным уклоном. Дело нелегкое, а движется оно быстро.

Не сразу родилась четкая и стройная система организации студенческих работ. Например, в этом году студенты из Обнинска впервые создали в поселке Чернышевский свое студенческое строительно-монтажное управление. Пока это эксперимент, но для студентов такой эксперимент—практика самостоятельности, которую трудно получить в стенах вуза и которая очень пригодится будущим командирам производства.

В лагере Тульского политехнического института. Отряд «Поиск» ведет работы по благоустройству поселка Чернышевский.

В канун десятилетия

Корреспондент «Огонька» взял интервью у известного арабского писателя и общественного деятеля Юсефа эс-Сибаи — генерального секретаря организации писателей стран Азии и Африки.

— Я очень рад,— сказал Юсеф эс-Сибаи,— выразить благодарность и наилучшие пожелания Союзу писателей СССР за ту огромную помощь, которую он оказывал и оказывает работе организации писателей стран Азии и Африки с самого ее создания. Наша организация была создана десять лет назад — в 1958 году, на конференции в Ташкенте, прошедшей весьма успешно. Писатели разных стран двух континентов смогли обменяться взглядами и обсудить целый ряд интересующих их проблем. Они приняли решения, мобилизующие прогрессивных писателей на борьбу с империализмом. Для практического осуществления ташкентских решений на конференции было организовано Постоянное бюро. Сейчас оно работает в Каире.

В наших планах продолжение выпуска журнала «Афро-азиатские произведения», проведение семинара поэтов в Сенегале в следующем году, ну и совсем скоро — в конце сентября — в Ташкенте состоится торжественное заседание бюро, приуроченное к 10-летию нашей организации.

В связи с этим я хотел бы выразить особую благодарность узбекским писателям, которые присутствовали при рождении нашего союза и энергично ему помогали.

Что касается моих личных планов, я считаю, что каждый человек должен заниматься своим делом. Писатель должен писать книги. Так что после большого перерыва, вызванного общественной работой, снова сажусь писать. Это будет большой роман, с разных сторон рисующий социальную жизнь египетского общества за последние 30 лет. Я назвал его «Мы не сажаем тёрн». Основной смысл книги — человек борется за свободу.

Ванда БЕЛЕЦКАЯ,
Владимир МАТВЕЕВ

Фото А. БОЧИНИНА. *Специальные корреспонденты «Огонька»*

С ФЕСТИВАЛЕ

Закончился IX Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Десять дней жители Софии и приехавшие сюда юноши и девушки с пяти континентов земли принимали участие в диспутах, в дружеских беседах, обсуждали вопросы политики и литературы, рабочего движения и кинематографии. Архитекторы, строители, доменщики, люди самых разных специальностей вели профессиональные беседы. Студенты обсуждали волнующие их проблемы в международном студенческом клубе. Главное для фестиваля — высокий политический накал, свойственный нашему времени.

«Солидарность, мир и дружба», «Вьетнам — вьетнамцам», «Поддержка странам Африки и Южной Америки, борющимся за свободу и независимость», «Нерушима дружба стран социалистического содружества» — вот лозунги, свидетельствующие об идеях этого форума юности нашей планеты.

Молодежь Советского Союза, Польши, Германской Демократической Республики и Болгарии выступила инициатором создания антифашистского центра на фестивале. Сюда приходили бывшие узники немецких концлагерей, испанские антифашисты. Приходила молодежь. Приходили пожилые люди, знающие, что такое фашизм. Приводили детей.

Мы беседовали с польским профессором Яном Тарасевичем, бывшим узником Освенцима.

— Поляки прекрасно понимают, что если бы не Советский Союз, мы бы не освободились от ужасов фашизма,— говорит профессор.— Мы, поляки, никогда не забудем, весь мир никогда не забудет, что Советский Союз потерял в этой войне более двадцати миллионов человеческих жизней. Страшно, что в Федеративной Германии возрождается фашизм. Об этом больно думать. Чем был фашизм для Польши, лучше всего говорят цифры: 6 028 тысяч жертв фашизма. Из них 2 250 тысяч молодых, тех, кому не было 18 лет.

Яну Тарасевичу было 17, когда его арестовали фашисты. Он участвовал в молодежной организации сопротивления. Восемь раз был в гестапо, перенес зверства допросов. Тарасевич рассказывал, и от этих страшных воспоминаний слезы выступали у него на глазах.

— Пан профессор... Не надо, пан профессор, не надо...— успокаивал его Ендрусик Рышард.

Ендрусику — семнадцать. Столько же, сколько было его профессору, когда началась война. Его дед был замучен в Дахау.

— Я счастлив, что работаю на фестивале,— сказал Ендрусик,— именно в антифашистском центре. Мы должны объединить свои усилия против возрождающегося фашизма. Мы, молодежь всего мира, говорим фашизму «нет»!

Так говорил молодой поляк, сын коммуниста, внук шахтера, бывшего узника Дахау.

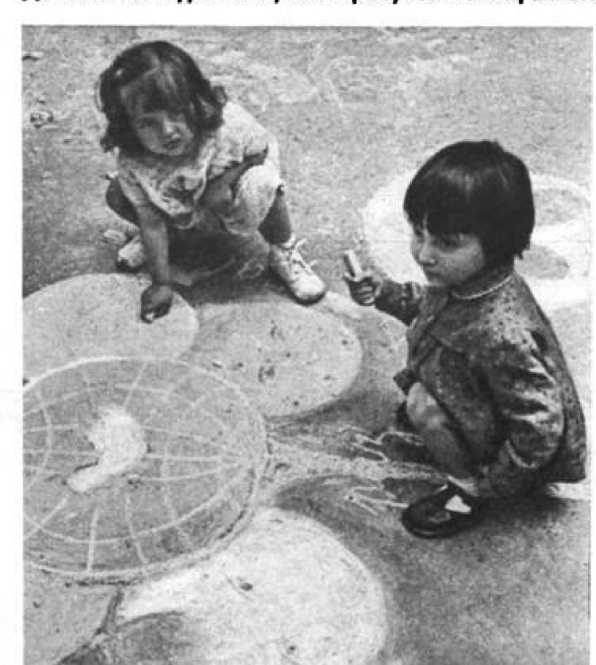
Были на фестивале и провокационные выступления на некоторых диспутах, но надо было слышать, как умно, с какой политической зрелостью давали им отпор честные молодые люди всех стран. Мышиный писк недоброжелателей был на фестивале едва слышен. Фестиваль победил. Он прошел под знаком поддержки героического Вьетнама, под лозунгами солидарности, мира и дружбы, под лозунгом «Фашизму — нет!». Эти благородные идеи молодежь, побывавшая в Софии, разнесет по всему земному шару.

София, по телефону.

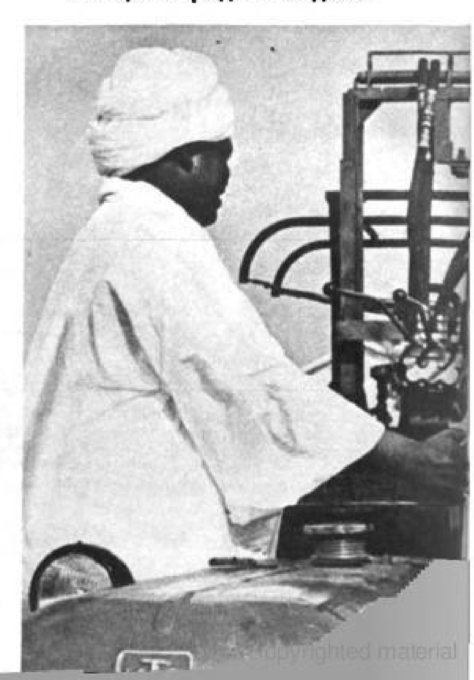
Во Дворце пионеров горячо принимают вьетнамских детей.

Детский конкурс на лучший рисунок на асфальте.

Делегаты фестиваля из Судана осматривают сельскохозяйственные машины на испытательной станции города Пловдива.

Бранимира — так зовут «царицу красоты» фестиваля, ученицу Софийского хореографического училища.

Хлебом-солью встречает советская молодежь в своем клубе дорогих гостей — посланцев молодежи Венгрии.

М В СЕРДЦАХ

Летчик-космонавт А. Леонов и 14-летний партизан из Южного Вьетнама Фам Ван Бинь.

Сатирическое представление, разоблачающее американскую агрессию во Вьетнаме.

ВЕРНЫЙ СЫН ПАРТИИ, ВЫДАЮЩИЙСЯ ВОЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

После тяжелой, продолжительной болезни 3 августа 1968 года скончался выдающийся военный деятель, талантливый советский полководец, кандидат в члены ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, дважды Герой Советского Союза Маршал Советского Союза Константин Константинович Рокоссовский. Советский народ, наши Вооруженные Силы понесли тяжелую утрату. От нас ушел один из активных строителей Советской Армии, прославленный герой Великой Отечественной войны.

К. К. Рокоссовский родился в 1896 году. Сын рабочего-железнодорожника, он подростком начал самостоятельную трудовую жизнь. Как только началась первая мировая война, его призвали на военную службу рядовым, а в октябре 1917 года он вступил в Красную гвардию. От красногвардейца до Маршала Советского Союза — таков славный боевой путь К. К. Рокоссовского, активного участника гражданской войны, опытного, мужественного военачальника, замечательные качества которого с особой силой проявились в период Великой Отечественной войны на постах командира механизированного корпуса, командующего армией и командующего войсками Брянского, Донского, Центрального, 1-го и 2-го Белорусских фронтов. Один из выдающихся полководцев, воспитанных нашей партией, он отличался личной храбростью и большим человеческим обаянием.

В послевоенное время К. К. Рокоссовский занимал ряд ответственных постов. Он был главнокомандующим войсками группы войск, командующим войсками округа, заместителем министра обороны СССР.

В 1949 году по просьбе Польского правительства и с разрешения Советского правительства К. К. Рокоссовский выехал в Польшу, где был назначен министром Национальной обороны и заместителем Председателя Совета Министров Польской Республики. Ему было присвоено звание Маршала Польши.

В 1956 году К. К. Рокоссовский возвратился в Советский Союз и находился на руководящей работе в Министерстве обороны СССР. Он активно участвовал в общественно-политической жизни страны. Был делегатом ряда партийных съездов, неоднократно избирался в состав ЦК КПСС и депутатом Верховного Совета СССР.

Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский похоронен в Москве на Красной площади.

Федор ШАХМАГОНОВ

Икона «Троица» Андрея Рублева... Изначало начал, родник, глубина которого и до сего дня не измерена.

Смотреть на нее, видеть ее надо со всех позиций, и не минуту и не час. Эта картина для долгих раздумий. Ее прелесть, ее очарование проступят в первые же мгновения, ее могущественная сила, ее философский смысл могут быть охвачены долгое время спустя, но никогда при этом не будут исчерпаны.

А, казалось бы, как все просто в этой картине, вместившей в себя сюжет, тысячи раз переписанный до Рублева, не оставленный вниманием иконописцев и после Рублева.

Трое прекрасных юношей из царства небесного спустились на землю и явились в жилище смертных. Сюжет древних сказаний из тех удивительных времен, когда представления человека о божестве были столь реалистичны. Боги, по этим представлениям, общались с людьми, вступали с ними в браки, имели каждый своего любимца. В библейском пересказе этот сюжет утратил некоторые романтические оттенки по сравнению с древнегреческими мифами. Изложен он скупо и даже строго... К старцу Аврааму явились три юных странника и попросили приюта. Авраам и его жена Сарра приветливо встретили странников, усадили их под сенью Мамврийского дуба и выставили угощение. Авраам втайне догадывался, что в этих юношах воплотились три лица божественной Троицы: Отца, Сына и Святого Духа...

«Троица»!

Мы говорили о ее сюжетной основе. Но всем ли известен ее сюжет, и обязательно ли его знание при созерцании «Троицы»? Нет, не обязательно! И никак уже для наших современников работа Рублева не может ограничиваться рамками библейских канонов. Религиозный сюжет был только предлогом для большого и глубокого философского разговора, обращенного к народу, а иных средств, кроме иконы, у художника русского средневековья не было.

Что-то более высокое, чем простой пересказ эпизода из библии, хотел выразить Рублев, а потому и отбросил он в своей картине все бытовые подробности, все малозначащие мелочи.

И действительно, когда подходишь к картине, фон, место действия, детали фона, бытовое обрамление просто не улавливаешь.

Сразу приковывают внимание три прелестных человеческих лица, затем силуэты их фигур и потом уже общий очерк картины. Сначала внимание останавливает лишь линия, контуры, но тут же начинают звучать краски.

Их первые аккорды звучат в тот самый момент, когда вы уже окинули картину взглядом, когда все три фигуры рассмотрены, и глаз ищет, а какую из них выделить, на чем остановиться. Краски приводят в движение ваш взгляд и ведут по кругу, не давая остановиться ни на одной фигуре.

О чем же молилась Русь, современная Андрею Рублеву? Пожалуй, в ответе на этот вопрос и объяснение жизненности этой картины для нас, объяснение того парадокса, что икона, потеряв свой религиозный смысл, приобрела смысл и содержание общечеловеческое.

В 1237 году под ударами Батыевых полчищ пала Рязань. Огнем и мечом прошлись его войска по городам и селам Руси. Разорение было полным, разорение, которое, по европейским масштабам, означало бы гибель государства и нации. Иноземное, чуждых нравов, чуждых обычаев и веры владычество.

Русский народ не погиб и не умер, а в одиночку принял на себя всю тяжесть борьбы за право называться народом и нацией.

Родники народной надежды точили, точили пласты земли и выбились наружу. Сливались в ручьи и потоки... Сначала достиг вражьего стана их гром, а затем вознеслась и карающая десница народного гнева.

1380 год... Куликовская битва. Впервые русский человек после полутора столетий обрел уверенность в своих силах и возможности победы. А впереди еще много сражений...

Нелишне напомнить, что в те времена иконы еще не закрывались непроницаемой броней золота и серебра, краски ценились на иконе превыше украшений. На икону падал рассеянный свет из-под высоких куполов Троицкого храма, в вечернюю службу возжигались тысячи свечей, их свет колыхался от дыхания собравшихся, от шороха поклонов, как живая кровь, переливались краски на иконе, и люди слышали и видели, главное, видели дыхание рублевских ангелов. Они были живыми и вступали в беседу с преклонившимися перед ними людьми, завтрашними воинами, оборонителями отчизны, рассказывая о значении долга, добра и зла, о мужестве и чести, приоткрывая завесу над страдным будущим, они озаряли его надеждой, они разговаривали с людьми на доступном для них языке...

Язык Рублева — сложный живописный язык высокой среды искусства. Как же сочетать его язык с мраком и дикостью? Возможно ли это сочетание? Нет, невозможно! Придется подумать нам об эффекте обратного воздействия. Мрак рассеивается, и дикость уже не дикость... Русскому человеку XV столетия доступен язык высокого искусства, доступны философские категории его времени и эстетизм, шагнувший уже и от античности.

Андрей Рублев. ТРОИЦА. Первая четверть XV века.

Н. Ге. ПЕТР I ДОПРАШИВАЕТ ЦАРЕВИЧА АЛЕКСЕЯ ПЕТРОВИЧА В ПЕТЕРГОФЕ. 1871 г.

И. Айвазовский. ЧЕРНОЕ МОРЕ. 1881 г.

На линии огня

Виктор УРИН

Равнодушные

Метались страны дальние и ближние,
«Марш бедняков» в Америке бурлил,
Вьетнам — снарядом, Франция — булыжником,
листовкой гневной говорил Берлин.

Толкуют мне, мол, мы не знаем правды,
мол, оглядеться надо бы сперва:
— Не вмешивайся! Что́, если не прав ты?
Ты пожалеешь года через два.

Есть правда та, что совесть воспитала,
есть правда верности, где с братом брат,
и правда есть Интернационала —
я выше никаких не знаю правд.

И через года два и через десять,
какой бы ни навесили туман,—
ему не затемнить, не перевесить
рабочей солидарности всех стран.

О равнодушье, су́дящее издали
и выжидающее «кто кого»!
Каким же тиражом отныне издано
твое двусмысленное естество?

Мне равнодушный говорил: «А на фиг?
Мы сами по себе. Какой нам толк
встревать в дела Америк или Африк?
Все это сказки — пролетарский долг».

— Не вмешиваться! — так о Гватемале
он говорил, когда среди беды
фашисты в револьверном гвалте мяли,
громили пролетарские ряды.

Но собираем мы патроны пальцев
в обойме взрывчатого кулака.
— Рот-фронт! — мы ободряем гватемальцев.
— Но пассаран! — кричит моя строка.

Но тут же слышу я: — Не к месту вроде...
Не вмешивайся! Ты куда полез?
Сегодня, понимаешь сам, не в моде
мотивы баррикадных «Марсельез».

Но там, где мировая перепалка
и боль по-настоящему свербит,
кто ваш герой? Быть может, Матэ Залка —
бесстрашный рыцарь пролетарских битв?

По-братски вы к Рубену Ибаррури?
Самоотверженны, как Хользунов?
Остались вы среди всемирной бури
в отряде равнодушных грызунов.

Вам кажется, что кое-что прогрызли
вы мелкими зубами своих фронд,
вы, равнодушные, в социализме,
так быстро позабывшие Рот-фронт.

Чему вы радуетесь? Что единству
исподтишка наносится удар?
И на каких базарах так цветисто
разложен равнодушный ваш товар?

Казалось бы: скажи, вмешайся, выправи,
но равнодушные всегда юлят
и все хотят, чтоб мы лекарство выпили,
в которое подмешивают яд.

Вы созерцательность прикрыли маской,
бездушно растравить готовы боль,
и там, где надо б срочно, с перевязкой —
вы равнодушье сыплете, как соль.

Вам кажется, игру ведете тонко,
как люди прогрессивные? Вот смех!
Вы просто равнодушные, и только,
питомцы созерцательных утех.

Так что же с озлоблением натужным
вы упрекнуть пытаетесь меня?
Моральным дезертирам — равнодушным
легко вдали от линии огня.

Но знайте, что, сплотив свою отвагу,
не дремлют пролетарии всех стран.
Да будет так! Друзья, назад ни шагу!
Друзья, Рот-фронт! Друзья, но пассаран!

* * *

Когда свое достоинство мы раним
и как бы кровью горечь познаем,—
препятствие беседует с желаньем,
как ветер с возникающим огнем.

И этот дерзкий ветер, как награда,
чтобы, еще сильнее запылав,
ты не боялся, где решиться надо,
и признавался, если ты не прав.

Пусть кажется: нелепая затея,
но лучше сделать и потом жалеть,
чем ничего не сделать, сожалея,
и в трусости при жизни умереть.

Времена года

Волны взрываются
возле весла,
возле весла,
вот и кончается
наша весна,
наша весна.
И вспоминается
все, как сейчас,
все, как сейчас...
Вот и кончается
лето для нас,
лето для нас.
И раскрывается
все, что могу
и не могу:
вот и кончается
осень в долгу,
осень в долгу.
Не получается,
видишь сама,
видишь сама.
Вот и кончается
наша зима,
наша зима...

Страсти

Как только одни покидают страсти,
другие приходят сызнова.
Живу в какой-то жестокой власти
движения их капризного.

Они после молнии вроде грома,
в них что-то есть от оратора,
они убеждают всегда весомо
с опасной трибуны кратера.

Как пламенем, схваченные страстями,
горячими, злыми, шумными,
становятся умные дураками,
а дураки — разумными.

А страсти полета или паденья
свои преподносят выверты:
самые лучшие наблюденья
и самые худшие выводы.

Любовь

Тот, кто не любит,— просто нищ!
В полувосторге, в полувздохе
всю жизнь в лохмотьях простонишь,
перебирая только крохи.

С мгновеньем малым заодно
утратишь все, что взял рывками,
а ведь тебе весь мир дано
обнять всего двумя руками.

Так полюби же без прикрас
всей жизнью, всей душой, всей верой —
и ты получишь каждый раз
такой же беспредельной мерой.

МОРЕ И ЛЮДИ

Варандей, бухта Варнек, полуостров Югорский, Меньшиков мыс, Летняя Золотица, бухта Умба, Юшар, остров Вайгач... Эти экзотические названия мы встречаем на страницах книги Анатолия Левушкина. Но экзотика на этом, собственно, и кончается. Главная тема поэта — море и люди, люди смелые, отважные, делающие в трудных условиях свою будничную, очень важную работу.

«Есть в характере моря что-то наше, людское»,— заявляет поэт. Это дает ему право уже в первых строках стихотворения, открывающего сборник, обращаться к морю, как к живому существу:

Сильное, открытое, прямое,
бьющее валами наповал,
отмети-ка прочь, товарищ Море,
все,
что я
фальшиво напевал.

В другом стихотворении поэт пишет: «Море — прямое в дружбе. Море — прямое в гневе. Это лишь мелким речкам свойственна кривизна».

Такая слитость человека с морем у поэта не случайна. Автор плавал на судах Северного морского пароходства, совершил несколько рейсов на ледоколе «Капитан Воронин», побывал на Балтийском, Белом, Баренцевом и Карском морях. У него есть о чем и о ком писать. Его стихи посвящены тем, «кто с морем все штормы выстрадал», «кто с морем пуд соли съел». Он любит людей смелых, сильных, решительных.

В стихотворении «Метель в Мурманске» поэт утверждает:

Но только тех признает Мурман,
кто с бурей встретится в упор.
Он сам такой — с упорством
гордым
вцепился в самый край земли.
Метут метели год за годом,
а Мурман все ж не замели.

Романтическая приподнятость стихов Анатолия Левушкина чужда вычурности и выспренности. И это происходит потому, что поэт на равных делит со своими героями все испытания, всегда чувствует локоть друга. Он гордится своими героями — моряками и рыбаками:

Но,
о личных благах
не радея,
чертовым куличкам вопреки,
в проклятом богами Варандее
мирно поживают рыбаки.
Поживают — Север обживают,
познают штормов полярных
злость.
Что ж,
горшки не боги обжигают!
Здесь богам бы
солоно
пришлось.

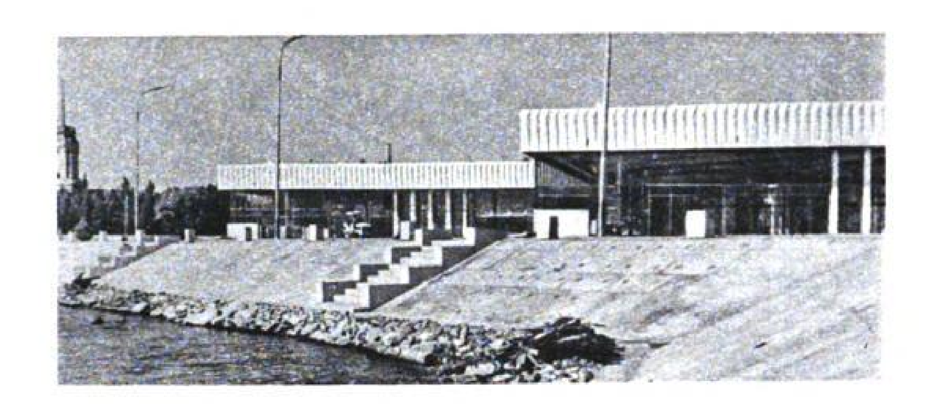
Взволнованно звучат строки небольшой поэмы «Георгий Седов», посвященной героическому подвигу замечательного русского исследователя Арктики.

Первоначально кажутся нравоучительными некоторые строки сборника — вроде, например, таких: «И не беда, что поступь шаткая,— душою только не криви!..» Или: «Надо быть беспощадно искренним, если море берет в друзья». Но когда прочтешь весь сборник, убеждаешься, что прямодушие, искренность поэта не взяты напрокат, это убежденность автора.

Счастливого плавания вам, Анатолий Левушкин!

Мих. ХОДАКОВ

Анатолий Левушкин. Открытое море. Книга стихов. Северо-Западное книжное издательство.

СТОЛИЦА РЫБАКОВ

Ленинградцы не узнают свою Гавань. На побережье Васильевского острова, там, где Нева впадает в Финский залив, недавно были песчаные отмели. Сейчас здесь гранитные набережные, огромная площадь залита асфальтом, изящные павильоны искрятся прозрачными стеклами. Это павильоны одной из крупнейших международных выставок года — «Инрыбпром-68». 250 фирм из 22 стран покажут современные средства добычи и обработки рыбы и морских продуктов.

Самая крупная экспозиция на выставке советская. Здесь представлены тралы, кошельковые неводы, поисковая аппаратура — от переносных малогабаритных транзисторных эхолотов до мощных гидролокаторов, позволяющих обнаружить скопления рыбы в океане на глубине 600—800 метров и на расстоянии четырех километров от судна. Рыболовы-любители увидят самые «модные» крючки, удочки, спиннинги, блесны. Не поймать на них рыбу просто невозможно...

Интересна морская экспозиция. Восемнадцать судов станут у ленинградского причала. Десять из них — советские. Флагман нашей рыболовной флотилии «Иероним Уборевич» — новый трехпалубный корабль-завод. Двадцать конвейерных линий его за одни сутки сумеют обеспечить на неделю рыбными изделиями 35 фирменных рыбных магазинов Москвы. Почти три месяца «Иероним Уборевич» может находиться в море, не пополняя запасов топлива, воды и продуктов. После закрытия выставки это судно уйдет в свой первый промысловый рейс.

На выставке широко представлены оборудование и приспособления, которые помогают умножать и сохранять рыбные богатства. Специалисты ознакомятся с новыми методами выращивания и акклиматизации рыбы, увидят макеты рыбных хозяйств и рыбоводных заводов.

На две недели Ленинград становится столицей рыбаков всего мира.

В. ГЕРАСИЧЕВ

Н а с н и м к е: выставочные павильоны у самого моря. Фото автора.

„ОГОНЬКУ" СООБЩАЮТ

ИЗ

ЛЕНИНГРАДА

РОСТОВА-НА-ДОНУ

ТБИЛИСИ

ОДЕССЫ

КУРСКА

ГОРОДА – ПОБРАТИМЫ

Уже давно стали городами-побратимами русский Ростов-на-Дону и болгарский Плевен. Братскую дружбу скрепляют делегации, которыми обмениваются эти города.

В прошлом году, в дни 50-летия Великой Октябрьской революции, болгарские друзья во главе с первым секретарем Плевенского окружкома БКП Пенко Гергановым преподнесли в дар ростовчанам бюст Георгия Димитрова.

Ростовчане решили установить бюст в Университетском переулке, но прежде чем открыть его, они превратили переулок в цветущий бульвар. И вот недавно здесь состоялось открытие бюста великого сына болгарского народа.

Ленточку разрезал первый секретарь Ростовского областного комитета КПСС И. А. Бондаренко. На митинг советско-болгарской дружбы пришли многие жители столицы Тихого Дона. В эти же дни здесь гостила делегация Плевена.

М. АНДРИАСОВ

Фото Б. Каралкина.

СТРЕЛЯЙТЕ, ВИНОГРАДАРИ!

В инструментальном цехе Тбилисского завода имени 26 комиссаров стоят две ракетные установки. Скоро их запакуют и повезут в Болгарию. Вместе с ними выедет из Грузии группа специалистов-геофизиков.

Адрес, в который направляется посылка,— Министерство земледелия.

Несколько лет назад в нашем журнале был опубликован репортаж о событиях в Алазанской долине. В то время в центре Кахетии только начала работать экспедиция Института геофизики Академии наук Грузинской ССР. Группа энтузиастов во главе с молодым ученым Амираном Карцивадзе создала в селе Руиспири противоградовый штаб и принялась изучать способы защиты плодородной долины от губительной стихии града. Геофизики опробовали созданные по их заказу первые опытные экземпляры орудий и ракет, начиненных специальным химическим веществом, воздействующим на облако.

Прошли годы. Ученые накопили большое количество наблюдений, позволивших им дать практические рекомендации сельским труженикам. Сейчас эта группа ученых выдвинута на соискание государственной премии 1968 года. А в Кахетии уже работает Служба по борьбе с градом — производственная организация, взявшая под защиту колхозные и совхозные виноградники.

А что оружие? Орудия, конечно, все эти годы совершенствовались. Вот одно из них. Называется «Облако». Металлические конструкции. Четыре ствола. Одним залпом посылает в градоносное облако четыре ракеты.

Другая установка — «Алазань» — создана вслед за «Облаком». Ее заряд — 12 ракет, но уже меньшего размера. В одних случаях удобнее пользоваться «Алазанью», в других — «Облаком». Но мысль конструкторов не останавливается, она идет и будет идти вперед.

В адрес завода имени 26 комиссаров из разных концов страны идут телеграммы: заявки, запросы.

К концу нынешнего года завод выпустит новую партию градобойных установок. Что же касается будущего года, то только наши болгарские друзья заказали 25 «мирных пушек».

Приходится учиться стрелять мирным виноградарям!..

ИЯ МЕСХИ,
собкор «Огонька»

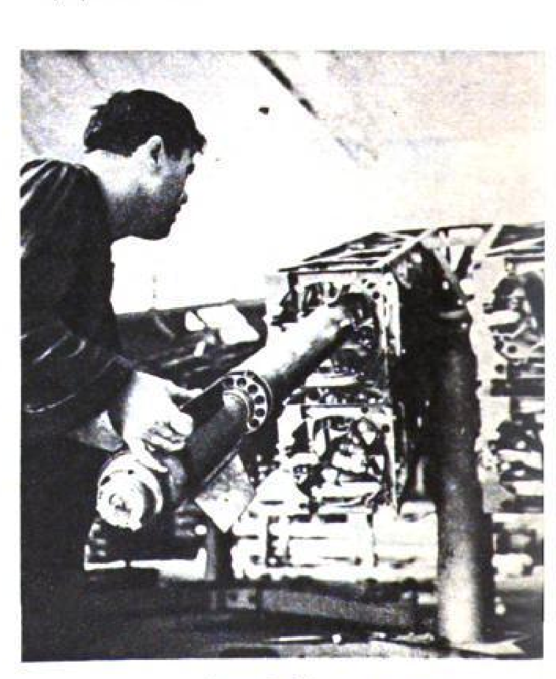

Фото Г. Хамашуридзе.

ПАССАЖИРАМ НРАВИТСЯ

Роскошный морской вокзал — самый большой в стране — недавно открылся в Одессе. Комфортабелен он вполне по-современному. Новый вокзал может обслужить одновременно пять лайнеров. Восемь огромных портал-трапов доставят пассажиров на любую палубу судна. В ожидании рейса можно побывать в комнатах отдыха, ресторане, баре или же посидеть в кафе на крыше, откуда открывается вид на город и бухту.

Итак, на крыше — кафе. А под вокзалом — огромные складские помещения. И, между прочим, специальный склад для цитрусов и бананов, единственный в Советском Союзе.

В. ШУЛЬГА

Фото автора.

СЛАДКИЙ КУРСКИЙ САХАР

Чаепитие... Фото К. Каспиева.

Съезд решено было устроить на городском стадионе. Почему на стадионе? Потому что для всех гостей из всех районов области трудно подобрать подходящий зал. И еще потому, что каждый областной съезд курских свекловодов становился всеобщим праздником труда и солнца.

Сахарная свекла издавна стала для курян одной из главных сельскохозяйственных культур. «Не опоздаешь с севом — будешь со свеклой, не опоздаешь проредить всходы — соберешь большой урожай!» — к такой примерно формуле сводится многовековой опыт земледельцев. И в этом году старые приметы должны сбыться. Когда в полевых работах на несколько дней появилось «окно», куряне решили подвести итоги, отдохнуть, повеселиться.

На городском стадионе собралось больше шести тысяч передовых свекловодов. Все было, как и принято на праздниках: смех, песни, танцы, веселье.

Высокая честь вынести областное знамя была предоставлена комсомольско-молодежному звену Лидии Белой из колхоза «Красный маяк», Суджанского района, которое первым в области закончило обработку свеклы.

Мы с особым интересом разглядывали знаменосцев. Когда из Курска пришла телеграмма с приглашением на съезд, редакция решила сделать подарок лучшим курским свекловодам. Долго думали: что же подарить? И остановились на... сахаре. Это даже символично: от имени всех читателей в благодарность за сладкий чай преподнесем свекловодам сахарную голову!

Достать ее в Москве было не так-то просто. А когда наконец нашли сахарную голову, то оказалось, что отливали ее в... Курске!

Подарок «Огонька» был вручен лучшей звеньевой области Лидии Белой. Здесь же, у микрофона, принимая пудовый приз, она пообещала вырастить урожай на многие тысячи таких голов. И тут же пригласила нас в гости.

И мы поехали. Вот и участок звена Лиды Белой. Два года назад все эти девушки окончили школу и решили остаться в колхозе. Это никого не удивило, потому что за последние годы из «Красного маяка» мало кто уехал: кому охота бросать богатое, растущее хозяйство!

Торжественно проходило посвящение школьниц в звание земледельца. Был вечер в клубе, был ларец с колхозной землей, который вручил девчатам председатель колхоза Алексей Григорьевич Усенко. И вот теперь рядом с ларцом звено будет хранить свою вторую «реликвию» — сахарную голову. «Осенью соберем урожай по 300 центнеров с гектара,— говорят девчата,— будут новые призы!»

С. БОРИСОВ

НЕ ЗАБАВЫ РАДИ

Гуль Агзамова из Ташкента знакомит посетителей с хлопкоуборочными машинами.

Будильники рождаются прямо на глазах...

На стальных магистралях электрифицированной железной дороги, изготовленной учащимися ПТУ-22 Таганрога.

Мужчины высоко оценивают искусство молодых одесских кулинаров.

Выставкам обычно присущи тишина и суровое правило — «Руками не трогать!». Здесь все наоборот. Желающие изучить какой-то экспонат могут его и руками потрогать, и внутрь заглянуть, и с разрешения хозяев даже покопаться в механизме, если у посетителя, разумеется, есть на этот счет определенное понятие. А экспонатов тут более тысячи. Гул, треск и щелканье сотен механизмов заполняют все пространство Манежа. Здесь Всесоюзная выставка технического и художественного творчества учащихся системы профессионально-технического образования. Выставка, по существу, стала юбилейным отчетом молодой рабочей смены к пятидесятой годовщине комсомола.

Большинство моделей и макетов действующие. И хотя невелики их размеры в сравнении с оригиналами, но сделаны они не забавы ради. По ним изучают ребята свои будущие профессии, чтобы до последнего винтика знать те машины, с которыми им завтра предстоит иметь дело. Кстати, экономический эффект, который получает страна в результате технического творчества ребят, равнялся в минувшем году 870 тысячам рублей.

Выставка свидетельствует: рабочий класс получает отличное пополнение — молодых ребят, которым знакома и электроника, и автоматика, и телемеханические системы, столь широко здесь представленные. И еще отрадно, что со всем этим соседствуют художественная резьба по дереву и камню, чеканка, живопись, роспись. И тут — свои таланты. Так же, как и среди тех, кто призван в скором времени заботиться о нашем быте.

Ю. КРИВОНОСОВ

Фото автора.

ОТДЫХ: МАСШТАБЫ, ГЕОГРАФИЯ, ЗАБОТЫ

ГОРОД ПОЛОН НЕОЖИДАН

Б. СМИРНОВ

Фото А. НАГРАЛЬЯНА.

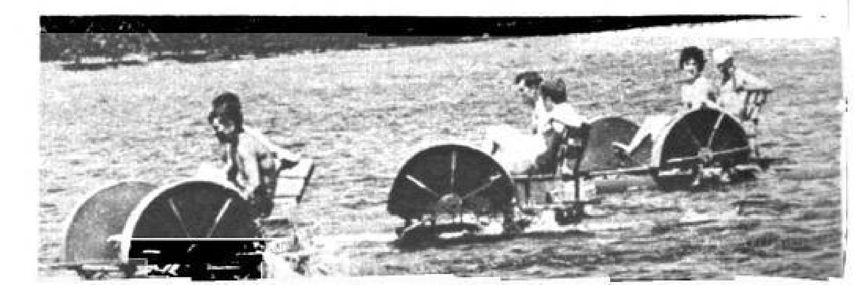
Один из прудов Дзержинского района города.

Работники треста «Криворожстальконструкция» построили «деревню» из... соломы.

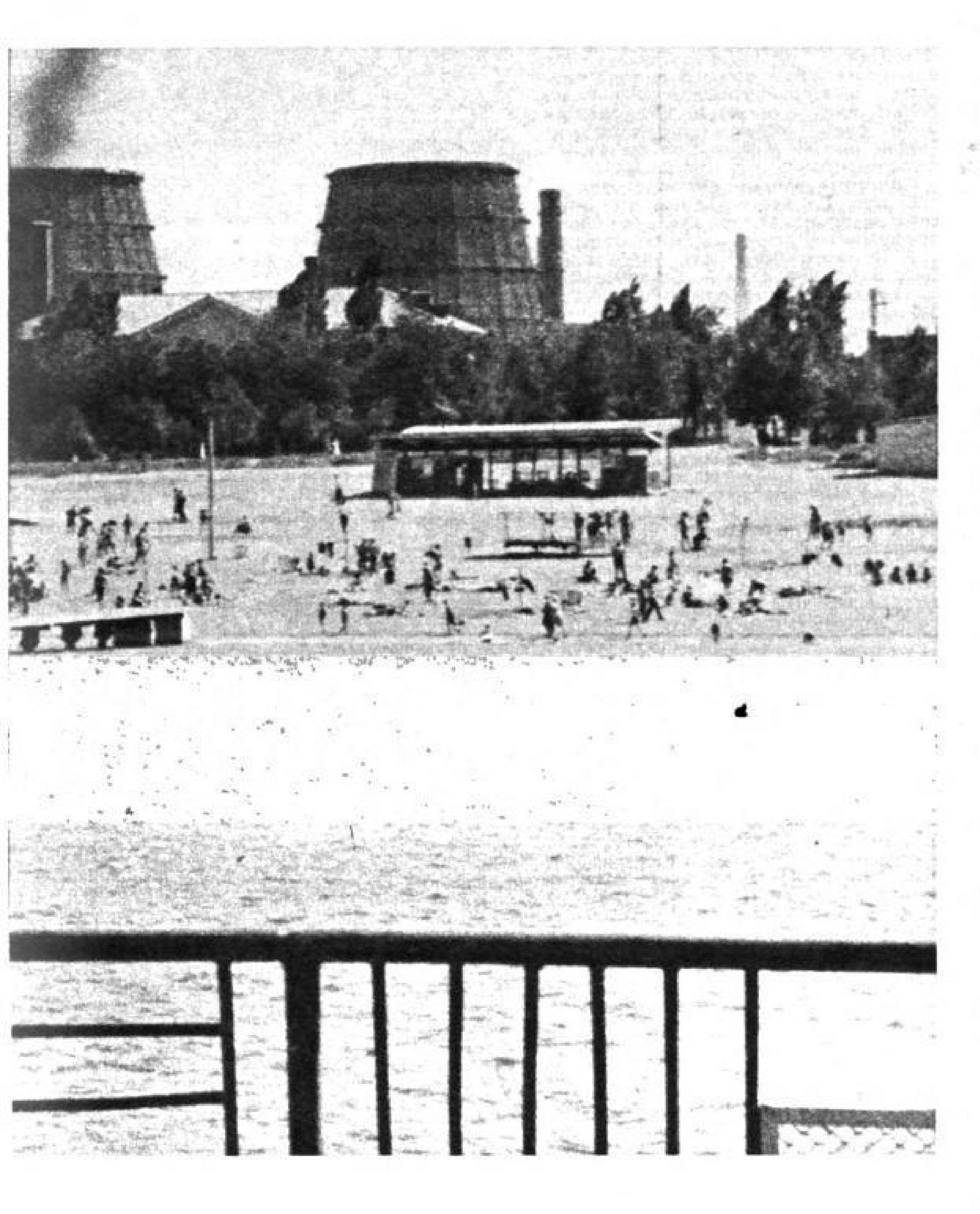

Кафе «Поплавок».

«Карачанская эскадра».

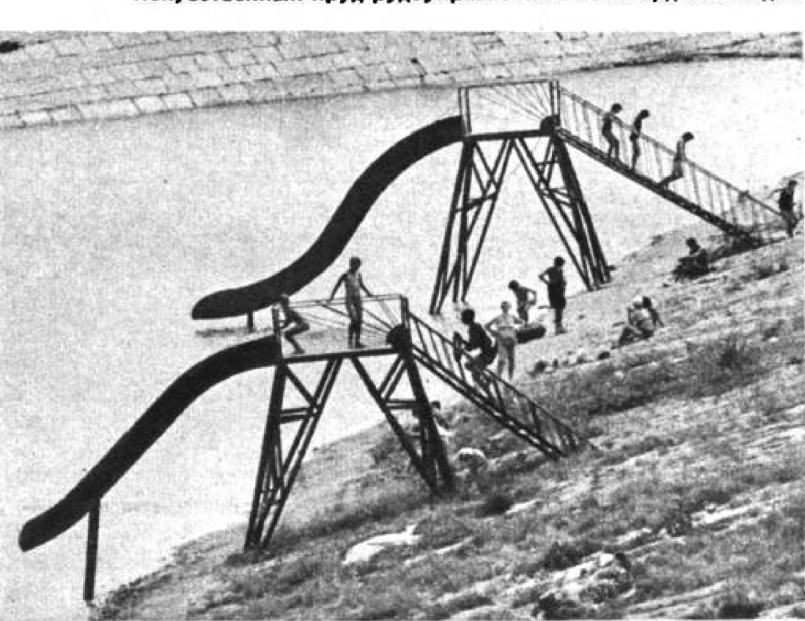
НОСТЕЙ

Когда цветут лилии.

Искусственный пруд рудоуправления имени Орджоникидзе.

И как только люди живут в степи без воды? Уж на что у нас в Сокольниках маленький прудик, и то летом я каждый день купаюсь. В жару без воды какой отдых? — втолковывал мне сосед в самолете. Внизу до горизонта тянулась желтая степь, плоская и однообразная. Разговор этот меня, прямо скажем, не радовал: я собирался вести репортаж об отдыхе в степном городе...

На аэродроме в Кривом Роге мы распрощались. Но уже через час я искренне жалел, что самолетного соседа нет рядом. Сколько сюрпризов преподнес бы ему каждый шаг в этом городе!

Сюрприз первый. Его преподносит любая улица города. Все время кажется, что автобус идет по бульвару. Поворот, второй, третий — бульвар продолжается. По какой улице ни поедешь, вдоль асфальта стоят деревья. А на площадях — то сквер, то зеленый уголок с фонтаном, то просто цветочные клумбы...

«Ничего удивительного, мало ли у нас зеленых городов»,— заметил бы, наверное, мой спутник из самолета. Но что бы он сказал, узнав, что здесь плодородную землю для посадок нужно... специально привозить. Не так-то просто озеленить Кривой Рог, который тянется на сто пять километров!

На улицах множество цветов. Мне рассказали, что это забота цветоводов-общественников. Они украшают свои клумбы и газоны, а к осени специальная комиссия решает, чьи цветы лучше. Есть день, который в Кривом Роге отмечается как праздник: 15 августа — День цветов.

Сюрприз второй. Он прежде всего порадует любителя купаний. В Кривом Роге полно пляжей. Вот самый центр города, историческое место, где сливаются две речки — Саксагань и Ингулец. По преданию, здесь стояла корчма веселого казака Хромого (по-украински Кривого) Рога, откуда якобы и пошло название города. Корчмы той давно уже нет, а есть лодочная станция и танцплощадка. Вокруг — парк, посаженный комсомольцами в 1929 году. А на берегу реки пляж, удобный и просторный, да и вода в реке чистая.

Если говорить о воде, о городских пляжах, то Кривой Рог даст 10 очков вперед иному городу не

Поет ансамбль «Медсестричка».

Субботним вечером.

Пошагал...

Днепре или на Волге. Сансагань и Ингулец — речки маленькие. Но на улицах за деревьями нет-нет да и мелькнет голубое блюдце воды величиной с футбольное поле. Сойдя с асфальта, попадаешь прямо на пляжный песок. Стоят разноцветные кабинки для переодевания, киоски с водой, лежаки, тенты от солнца, вышки для прыжков, лодки, водные велосипеды. Сюда приходят после смены горняки, поднявшись из шахты, или металлург забежит на полчаса, возвращаясь домой с завода: почему не искупаться, если пруд у самой проходной?

Все пруды в Кривом Роге искусственные. Их создавали (и продолжают это делать сейчас) на месте оврагов, старых карьеров. Вы скажете, что это дорого стоит. Но согласитесь, благоустройство же нужно не для красы. В городе горняков и металлургов каждый зеленый лист и каждый квадратный метр воды окупаются здоровьем людей самых трудных и почетных профессий.

Сюрприз третий. Он ждет вас за городом. Гостя порадуют тут чистота и благоустроенность пляжей, продуманная организация отдыха.

У Кривого Рога есть всего один большой загородный водоем — Карачановское водохранилище (правда, можно поехать и на Каховское море, но до него далековато, и посему большинство горожан едет к себе «на Карачаны»).

Я говорю «к себе» не для красного словца. У воды мы познакомились с двумя ребятами, которые, орудуя мастерками, возводили кирпичную стену. Оказалось, что Леонид Тимиргалеев и Александр Тимченко вовсе не каменщики, а рабочие первого прокатного цеха Криворожского металлургического завода имени В. И. Ленина. Они строят свою собственную турбазу, в которой собираются отдыхать всем цехом. А рядом стоит уже готовый корпус другой турбазы (опять же своей!) для рабочих блюминга-1. Зимой тут будет царствовать славное племя заводских рыбаков и лыжников, летом здесь селятся семьи рабочих. А для молодежи приготовлены брезентовые палатки.

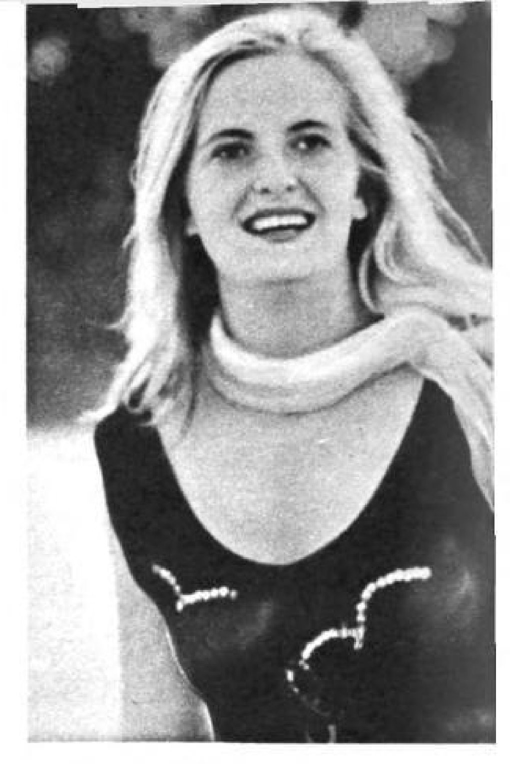
— Сами строим, сами отдыхаем,— рассказывают ребята.— После смены цеху дается автобус — и через 40 минут мы у воды. Посуду, спальные принадлежности, палатки берем здесь напрокат, продукты продаются тут же, лодки — бесплатно. Отдыхай на здоровье. Да вот Петро,— где он?— проводил отпуск на море и раньше срока домой вернулся — здесь решил догуливать...

Весь берег водохранилища криворожцы поделили на участки, распределив их между предприятиями, и каждое из них оборудует и застраивает свою зону отдыха по собственному вкусу. Одни строят деревянные коттеджи, другие возводят каменные корпуса, третьи ладят... соломенные хижины. На мой взгляд, «соломенное жилье» на Карачанах — самое приятное: летом в островерхих хижинах не жарко, зимой — тепло. Со стороны посмотришь — ни дать ни взять тропическая экзотика! А живут в них люди, имеющие самое прямое отношение к сооружениям из металла,— работники треста «Криворожстальконструкция».

Но не водой единой живут отдыхающие криворожцы. К услугам тех, кто остается в городе, свои стадионы и спортивные площадки, концертные залы, клубы, дома пионеров. В городе идет негласное соревнование: каждый микрорайон хочет иметь свой кинотеатр, свой Дом культуры и даже (это пока в перспективе) свой зимний бассейн.

Кстати, о клубах. Их тут много, и некоторые из них созданы на общественных началах. Клуб ветеранов труда, боевой и трудовой славы и даже клуб мальчишек. Мы побывали на заседании общественно-политического клуба «Кругозор». Проходило оно в воскресенье в большом зале Дворца культуры Центрального горно-обогатительного комбината. Все места в зале были заняты. Заседание посвящалось проблемам жизни города, на сцене за «круглым столом» собрались работники горисполкома, архитекторы, художники.

...Может, этих сюрпризов вполне достаточно для моего спутника из Сокольников? Впрочем, он ведь и сам побывал в Кривом Роге и наверняка сумел убедиться, что этот город полон неожиданностей.

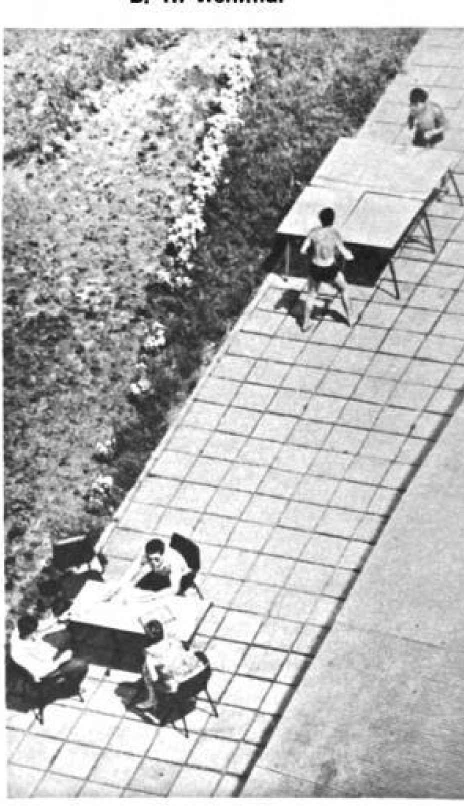

Тамила Петрусь, медсестра.

Брызги солнца.

Турбаза Криворожского металлургического завода имени В. И. Ленина.

В КНИЖНОМ МИРЕ

Наш корреспондент Галина Меснянкина обратилась к директору издательства «Художественная литература» Валерию Алексеевичу Косолапову с просьбой рассказать о работе издательства.

— Основная наша задача,— сказал он,— издание отечественной и зарубежной классики и наиболее значительных произведений современных советских и зарубежных авторов. Помимо этого, мы выпускаем книги по теории и истории литературы, критико-биографические очерки, сборники литературно-критических статей. В своей работе в первую очередь мы руководствуемся соображениями нужности и полезности для народа той или иной книги. В формировании наших издательских планов активное участие принимают известные писатели и ученые нашей страны, специалисты по разным литературам мира.

Если говорить о книгах, которые издательство «Художественная литература» уже выпустило в этом году, то в первую очередь стоит отметить произведения А. М. Горького, вышедшие к 100-летию со дня рождения классика советской литературы. Массовым тиражом издан трехтомник избранных произведений А. М. Горького, «Мать» с иллюстрациями Кукрыниксов, а в «Народной библиотеке» — «Сказки об Италии» и пьесы.

В первом полугодии вышли в свет последние тома собраний сочинений Н. А. Некрасова, Ивана Новикова, Антона Таммсааре, Лиона Фейхтвангера.

В прошлом году к 50-летию Великого Октября мы начали издавать «Библиотеку всемирной литературы». К десяти томам прошлого года сейчас добавилось еще семь нынешнего. Среди них Блок «Стихотворения. Поэмы. Театр», «Тихий Дон» Шолохова, Дж. Рид «Восставшая Мексика» и «10 дней, которые потрясли мир», стихотворения и поэмы А. Мицкевича, трагедии и сонеты Шекспира. До конца года в этой «Библиотеке» предполагается выпустить еще 10 томов.

Среди вышедших изданий есть книги, представляющие для любителей литературы особый интерес. Вот одна из таких книг: «Губернские очерки» Салтыкова-Щедрина. В более чем вековой жизни знаменитого произведения это — первое издание, выходящее с иллюстрациями. Автор иллюстраций — выдающийся художник-график середины прошлого века М. С. Башилов. Разыскание башиловских рисунков осуществлено известным нашим ученым, главным редактором выходящего сейчас двадцатитомного собрания сочинений Салтыкова-Щедрина С. А. Макашиным. Несомненно, привлечет внимание читателей только что вышедший в свет двухтомник избранных произведений М. Зощенко. Скоро появится отлично оформленная книга Ильфа и Петрова «12 стульев» с великолепными рисунками Кукрыниксов.

Если уж речь зашла о художественном оформлении, хотелось бы обратить внимание и на интересно оформленную И. Жихаревым антологию поэзии французского Сопротивления «Я пишу твое имя, Свобода» и на сборник стихов Пабло Неруды «Четыре времени сердца». Книга иллюстрирована фрагментами произведений художника Альфаро Сикейроса.

В связи с приближающимся 25-летием разгрома фашизма издательство начало в этом году выпуск серии книг «Современная зарубежная новелла». На прилавках магазинов появился сборник рассказов румынских писателей «Лето и вьюга», до конца года выйдут в свет сборники рассказов писателей Болгарии и Германской Демократической Республики.

А сейчас я хочу вернуться к собраниям сочинений, выпускаемым нашим издательством. До конца года должны выйти в свет очередные тома собраний сочинений Пушкина, Салтыкова-Щедрина, Сергея Есенина, Паустовского, Симонова, Твардовского, Шолохова, Пятраса Цвирки.

Из новых, начинаемых издательством в этом году собраний сочинений назову четырехтомные — Л. Сейфуллиной, М. Исаковского, Э. Хемингуэя. К концу года выйдут первые тома собраний сочинений В. Катаева, Л. Леонова, С. Маршака, Расула Гамзатова. Появится также первый том шеститомного собрания сочинений Вадима Кожевникова, широко известного нашему читателю по книгам «Знакомьтесь, Балуев» и «Щит и меч», рассказывающей о славных подвигах советских разведчиков в годы второй мировой войны. В первый том войдет роман «Заре навстречу» (1-я и 2-я части).

В сентябре этого года в Ташкенте состоится конференция писателей стран Азии и Африки. Существующая в издательстве специальная редакция литератур зарубежного Востока и Африки подготовила к этой конференции такие издания, как сборник «Песни разлук и встреч» (фольклор пушту), «Сказки народов Судана», книгу стихов Али Сардара Джафри, сборники стихов монгольских и африканских поэтов и некоторые другие произведения писателей Азии и Африки. Часть этих книг уже вышла в свет.

В заключение хочу сказать, что коллектив нашего издательства с чувством особой ответственности трудится сейчас над подготовкой книг к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. К этой работе привлечены лучшие наши редакторы, талантливые художники-графики и оформители книги. Все издания к этой знаменательной юбилейной дате должны выйти в свет в течение года.

МЕРА ОТВЕТСТВЕННОСТИ

«Где на войне тяжелее всего? А там, где была наша рота!»

В этом солдатском присловье нет преувеличения. И в поиске мелкой группы разведчиков и в генеральном сражении риск одинаков. Потому что повсюду на войне пуля есть пуля, а снаряд есть снаряд. И какую бы боевую задачу ни выполнял солдат, за его плечами стояла смерть.

Да, тяжек он, чреват смертельной опасностью, ратный солдатский труд, который принес нашему народу величайшую в истории Победу и освободил человечество от фашистского рабства.

Вдумайтесь, однако, и в другое: какова была мера ответственности тех военачальников, которые разрабатывали стратегические операции минувшей войны, планировали способы нанесения ударов по врагу, методы обороны, место и время ввода в бой стратегических резервов. Тех военачальников, которые определяли, как правильно распорядиться колоссальнейшими людскими резервами и материальными ресурсами, потребными для ведения войны.

Ведь на войне идет борьба не только солдат противостоящих армий, но и борьба умов и талантов военачальников.

О сложнейших перипетиях этой скрытой от посторонних глаз напряженнейшей борьбы военачальников, сконцентрированных в Генеральном штабе Советских Вооруженных Сил, против стратегических замыслов Гитлера идет речь в книге генерала армии С. М. Штеменко «Генеральный штаб в годы войны».

О событиях войны С. М. Штеменко рассказывает с позиций генштабиста. А с этой позиции были видны во всех подробностях фронт — все колоссальное поле боя от Черного моря до Баренцева — и то, что в годы войны составляло величайшую военную и государственную тайну: замыслы и планы нашего командования.

Автору книги и его товарищам по Генеральному штабу не приходилось задумываться над вопросом, где всего тяжелей на войне. Они знали это точно в любой день и в любой час. Сотни номеров частей и соединений — своих и вражеских, места их нахождения и боевые возможности удерживала их память в те трудные годы. Свободно ориентируясь в переменчивой обстановке на фронтах, каждый день и каждый час знали они, где и как передвигаются и перегруппировываются войска, где находятся уязвимые места вражеской обороны, где она особенно прочна, где можно ожидать местных отвлекающих атак противника, а где гитлеровские генералы скрытно накапливают силы, чтобы нанести решительный стратегический удар.

Словом, сотрудники Генерального штаба — рабочего органа Ставки Верховного Главнокомандования — были обязаны и умели разгадывать и предвосхищать все замыслы врага.

К этому надо прибавить сложнейшую деятельность по разработке крупных стратегических операций, тщательное продумывание и взвешивание всех их деталей. Ведь малейшая ошибка могла привести к непоправимым последствиям. В результате впустую пролились бы солдатский пот и кровь, без пользы погибли бы созданные героическим трудом рабочих боевая техника, снаряжение, военное имущество.

Увлекательно рассказывает автор о подготовке и проведении крупнейших стратегических сражений Советских Вооруженных Сил в годы войны. Многие подробности планирования и осуществления операций по освобождению Крыма и Кавказа, разгрома гитлеровских войск в Белоруссии и Прибалтике, штурма Берлина, разгрома Квантунской армии впервые узнает читатель из этой книги. И для этого, разумеется, требовались точные топографические карты, а не пресловутый глобус! А как работал Генштаб в годы войны? Кто из нас, рядовых ее участников, знал, сколь строго был регламентирован распорядок рабочего дня сотрудников Генерального штаба? На отдых в этом распорядке уделялось лишь самое минимальное количество часов, да и то в разное время суток. Заместителю начальника Генштаба генералу А. И. Антонову, например, полагалось отдыхать с 5—6 до 12 часов. Самому автору — с 14 до 18—19 часов. Не густо!

А начальнику Генерального штаба замечательному советскому полководцу А. М. Василевскому почти совсем не приходилось бывать в штабе: не успевал он вернуться с одного фронта, как тотчас уезжал на другой.

Тепло рассказывает автор о своих боевых товарищах — сотрудниках Генштаба и военачальниках, с которыми ему приходилось встречаться на фронтах.

При этом автор нисколько не пытается скрыть свое собственное отношение к тому или иному военачальнику, взвесить по достоинству все свойства его натуры. Знание людей, умение критически оценить их поступки позволяют С. М. Штеменко в нескольких словах раскрыть перед читателем характер человека.

Немало места уделяет С. М. Штеменко Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину. Штрихи его характера, тонко подмеченные автором, позволяют глубже понять его роль в минувшей войне.

Хочется отметить и еще одно важное достоинство книги С. М. Штеменко — ее язык. Казалось бы, штабному работнику, каким является генерал армии С. М. Штеменко, положено по штату писать сухо, языком сводок. Но в «Генеральном штабе в годы войны» ничего подобного нет. Книга написана ничуть не «военным», а ясным и выразительным русским языком. Автор свободно обращается со словом, умеет придать ему яркие оттенки, найти выразительные метафоры и сравнения, подметить мелкие подробности, которые помогают ему нарисовать зримую картину происходящих событий. Особенно когда эти события связаны с дорогими и уважаемыми им людьми.

Я не сомневаюсь, что книгу С. М. Штеменко «Генеральный штаб в годы войны» с увлечением прочтет и бывалый солдат, который знает и умеет все, и юный новобранец, и человек, никогда не служивший в армии.

Эта книга многому научит читателя. И он обязательно вынесет из нее то главное, что составляет основной замысел книги. Этот замысел лучше всего передать заключительными словами автора:

«С тех пор прошло немало лет. Многое изменилось на нашей планете, в нашей стране и родной армии. Коммунисты же не перестают быть коммунистами. Их лучшие качества как эстафета передаются от отцов сыновьям и внукам, тем, кто с оружием в руках стоит на страже мирного труда советских людей сегодня и будет стоять завтра».

Герой Советского Союза
В. ПАВЛОВ

С. М. Штеменко «Генеральный штаб в годы войны». Военное издательство Министерства обороны СССР. Москва. 1968.

Валерий Аванесов и его ученики.
Фото А. Бочинина.

Дела физкультурные

...Это уже входит в традицию — ранним утром, когда озеро нежится под прохладной тканью тумана, а солнце еще экономит жар для долгого дня, на песчаном берегу устраивается хорошая спортивная разминка для тех, у кого так называемое «ненормированное» рабочее время, кому предстоит сидеть в кабинетах, ездить по строящимся объектам, допоздна писать, обдумывать сложные вопросы. Для них поистине бесценен этот час на озере: укрощение звенящего волейбольного мяча, бодрящие гимнастические упражнения, маленькая футбольная баталия, а напоследок купание.

Зарядка в молодом городе Новополоцке. С нее начинают свой день малыши-детсадовцы; учащиеся нефтяного техникума первым утренним нарядом признают только спортивный костюм; из раскрытых окон слышно радио: Москва предлагает урок утренней гимнастики. Новополоцк привык именно так встречать утро.

...Николай Генов служил на Северном флоте. Спасая жизнь человека, смело прыгнул в ледяную воду. Простудился. Заболел. Грозило страшное: срастание позвонков, окостенение грудной клетки — неподвижность. Лечение помогало плохо, пока не поехал в Евпаторию к профессору-специалисту. После операции стал поправляться. На прощание профессор сказал: «Лекарство прописываю одно — спорт; не жалей себя для спорта и никогда не вспомнишь, что имел с врачами дело».

В Новополоцке Николай купил водные лыжи. Уговорил приятелей пойти с ним на Двину. Синий катерок, как норовистый конь, рванул с места, натянул капроновые вожжи, испуганно шарахнулись в сторону летавшие над самой водой ласточки.

Николай стал собирать команду. Пошел Саша Алексеев, главный механик управления «Нефтезаводмонтаж», приобщились медсестра Лида Бокова, Станислав Завалов — инженер управления механизации стройтреста, незаменимым буксировщиком стал Эдик Войтехович, бульдозерист, партнер Генова по акробатике.

Теперь в команде около 20 человек. Новополоцких воднолыжников зовут на соревнования. В первенстве республики за ними третье место.

...И такое увлеченное отношение к спорту проявляют не только энтузиасты, такие, как слесарь Николай Генов, но и хозяева города. Дела физкультурные рассматриваются в горкоме партии на таком же уровне, как вопросы строительства, быта, торговли, образования.

За год в городе появилось два с лишним десятка волейбольных площадок, 8 баскетбольных, несколько теннисных кортов, и плюс к тому в каждом коллективе есть спортивный городок. А по плану спортивной двухлетки строится два стадиона, два плавательных бассейна, Дом спорта и комплексы в школах, при общежитиях, в микрорайонах.

За цифрами энтузиазм людей, желающих придать своему городу настоящую спортивную осанку. Новополоцкие новоселы сразу же приобщаются к спорту. Приехал выпускник Бакинского института нефти и химии Валерий Аванесов и скоро возглавил баскетбольную команду нефтеперерабатывающего завода. Появился в городе Саша Адкиритдинов и тут же заявил: «Играю в водное поло». Обосновался в Новополоцке преподаватель физкультуры Сергей Дворников и, став через некоторое время секретарем горкома комсомола, не перестал выступать на состязаниях, не бросил тренировать мальчишек и девчонок.

Новополоцк в отличной спортивной форме!

А. ЩЕРБАКОВ

г. Новополоцк,
Белорусская ССР.

Юные ветераны

Традиционная пробежка.

Стадион Юных пионеров — и вдруг спортсмены-ветераны! Не правда ли, удивительный парадокс? Но факт остается фактом, а традиция традицией. Именно на стадионе юных каждый год собираются те, кто был юн лет пятьдесят — шестьдесят тому назад, кто некогда побеждал и ставил рекорды. Все они в то время являлись членами Московского клуба лыжников — сокращенно МКЛ, а помещался этот знаменитый клуб на территории нынешнего Стадиона Юных пионеров, в небольшом каменном павильоне...

Все началось с того, что московские велосипедисты решили заняться лыжным спортом и для этой цели в 1895 году и организовали клуб, а затем в клубе появились легкоатлеты, теннисисты, футболисты, боксеры. Много воды утекло с тех пор, но первые кадры Московского клуба лыжников внесли немалый вклад в развитие советского спорта. Сколько воспитателей, тренеров, организаторов спорта дал бывший МКЛ!

Когда стадион был передан для работы с детьми, члены Московского клуба лыжников распрощались со своим «родным домом» на Ходынском поле... Но оказалось, что не навсегда! Одиннадцать лет назад семь ветеранов встретились в Сокольниках на осеннем московском кроссе. Поговорили о том о сем и решили собрать в старом каменном павильоне на Ленинградском шоссе старых спортсменов, живущих в Москве. И вот весной 1958 года на Стадионе Юных пионеров собралось 70 эмкаэловцев. С тех пор мы и встречаемся ежегодно. У нас уже появились свои традиции. Один из старейших открывает собрание и перечисляет всех присутствующих не по алфавиту, а по возрасту. Затем приносятся поздравления новорожденным — тем, кому в данном году исполнилось «круглое» число лет (60—65—70—75), а затем собравшиеся чтят вставанием тех, кто уже никогда не придет на Стадион Юных пионеров.

Возникла за эти годы еще одна традиция — брать с собой на встречу спортивную форму МКЛ, которую многие бережно хранили с давних лет. Но ветераны демонстрируют не только спортивную форму Московского клуба лыжников, но и свою физическую форму: бодрость духа, выносливость. Они участвуют в пробежках по старой трехсотметровой дорожке клуба.

Борис ЛЬВОВ,
заслуженный мастер спорта

В спортивном клубе Краснодарского политехнического института хранится самый дорогой на Кубани серебряный кубок — «За спортивное мастерство». Рядом более пятидесяти других призов — память о победах в восемнадцати видах спорта.

Почти все студенты института — члены спортивного клуба, участники различных состязаний. Они занимаются двадцатью тремя видами спорта!

— Спортивный клуб вместе с кафедрой физического воспитания главным в своей работе считает привлечение всех студентов к занятиям спортом,— говорит заведующий кафедрой В. В. Буреш.— Эту цель преследуют спартакиады, которые проводятся на каждом факультете, и многочисленные межфакультетские соревнования. Мы были бы бессильны, если бы не опирались на студентов-активистов, членов бюро спортивных секций, инструкторов-общественников и физоргов.

Когда-то, лет шесть назад, появление в институте нового мастера спорта или перворазрядника считалось большим событием, а теперь только за один прошлый год в институте стало больше на 11 мастеров, 17 наших товарищей стали кандидатами в мастера. К этому следует добавить, что 65 студентов показали на различных соревнованиях результаты первого разряда. Отлично выступили наши гимнастки в Ярославле в финале Всероссийских студенческих игр, завоевав третье место. Мастер спорта по боксу В. Саулькин, борец Н. Панов, самбисты Е. Симовонян, Ю. Дутцев, Ю. Белянов, А. Хлебникин и многие другие стали чемпионами и призерами российских и Всесоюзных студенческих соревнований.

Институтские преподаватели физического воспитания — тренеры спортивного клуба немало сил тратят на воспитание спортивной молодежи. И вот что интересно: питомцы этих тренеров, несмотря на то, что спорт отнимает у них много времени, учатся отлично.

Сейчас учебный год позади, тысячи студентов отдыхают в институтском спортивно-оздоровительном лагере на берегу Черного моря, совершают увлекательные туристские походы и альпинистские восхождения.

Г. КЕСКИНОВ,
председатель
краевого совета
«Буревестника»

Все спортсмены

Гимнастки спортивного клуба Краснодарского политехнического института.

Фото Л. Бородулина.

На ринге студенты института Владимир Гайдук и Алексей Царсков.

Ручной мяч — любимая игра

студентов.

Эти веселые девчата — лучшая волейбольная команда института.

Берды КЕРБАБАЕВ

Рассказ

Рисунки Л. СМЕХОВА.

ПЕСЧАНОЙ ЗАПРУДЕ НЕ СДЕРЖАТЬ ПОТОКА!

Что стряслось с нашей Акнабад?.. Смотрю на нее — и не узнаю. Вроде она. И вместе с тем совсем на себя непохожа. И она и не она!

Что же с ней случилось?

Совсем недавно, когда я был у них в колхозе, в Марыйской области, я видел Акнабад на школьном выпускном вечере. Она была радостно возбуждена, с лица не сходила широкая улыбка, из-за этой улыбки ее румяные щеки казались пухлыми. Еще бы ей было не радоваться: она с отличием окончила десятилетку и теперь сидела в зале, среди подруг, с таким видом, будто взяла верх в жарком, упорном споре или же в долгом и трудном кроссе первой пришла к финишу. Глаза сияли, лучились, в них были тепло, свет и счастье. Радостное волнение красило Акнабад, хотя она и без того была хороша: чуть выпуклый, чистый лоб, четкие бархатистые брови и длинные, густые ресницы, нежно оттенявшие прозрачно-голубоватые веки... Даже оспинки справа от носа не портили ее лицо, а, наоборот, делали еще миловидней.

Выпускницы, подруги Акнабад, делились друг с другом своими планами: одни собирались учиться в университете, другие — в медицинском институте, третьи готовы были поступить куда угодно, лишь бы получить высшее образование. Одна Акнабад не принимала участия в этом оживленном разговоре: она решила пока никуда не подавать заявления.

Подруги донимали ее расспросами:

— Акнабад, почему ты так решила? Ты же отличница, тебя всюду примут безо всякого.

Акнабад только улыбалась, чуть лукаво и загадочно:

— А я хочу год-два поработать в колхозе, изучить, понять землю.

— Землю?..

— Ну, да. Я ведь думаю потом поступать в сельскохозяйственный институт.

Подруги ужасались:

— Ты хочешь стать агрономом? Бродить от зари до зари по полям, изнашивая в месяц по две пары сапог?

— А что тут такого?

— Не женское это дело.

— Почему не женское? — возражала Акнабад.— Нынче нет профессий, которые были бы не по плечу женщине. К тому же сельскохозяйственный институт готовит не только агрономов, но и зоотехников, механиков, ветеринаров.

— Это все тоже не для женщин!

— Что-то, девочки, совсем вы себя не уважаете,— смеялась Акнабад.— Да мы все можем, если захотим! Но если уж говорить правду, то я мечтаю о селекционной работе. Над хлопком.

— Уж не попытаешься ли изменить его цвет? Чтобы он из «белого золота» превратился в красное или голубое?!

— Пускай уж остается белым! Нет, я выведу скороспелые сорта хлопчатника. Ведь говорят же о дынях: «Через шестьдесят дней — собирай, где посеял, через семьдесят — везде, где попало». И верно, дыни быстро созревают. И арбузы тоже, и кукуруза, и кунжут. Почему же нельзя добиться, чтобы и хлопок рос побыстрей?

— Хоть мальчишкам и не терпится поесть ягод тутовника, ягоды поспевают в свое время.

— А я попробую это время сократить.

— Оно же не веревка, чтобы его можно было растянуть или обрубить ножом.

— Но это и не шальные деньги, которыми швыряются направо и налево. Временем дорожить надо. Каждая минувшая секунда — это золотое зернышко, сброшенное с хирмана жизни. Что ж попусту-то разбрасывать драгоценные зернышки?.. Вы ведь знаете, что от посева до сбора хлопчатника проходит полгода. Сбор можно начинать лишь в конце августа, ни раньше, ни позже. А пойдут дожди не вовремя или ударят морозы, тогда пропадет часть урожая и труд колхозников пойдет прахом. Вот мне и хочется вывести такой сорт хлопчатника, который и поспевал бы быстрее, до дождей и морозов, и давал богатые урожаи.

Я с удовольствием слушал разумную речь Акнабад. Она рассуждала, как взрослая, уверенно, со знанием дела, и в то же время трепетала в ее словах рвущимся в полет орленком пылкая мечта. И мне верилось, что, пройдя школу жизни, Акнабад вырастет настоящим ученым...

Подруги хоть и спорили с ней, но прислушивались к ее словам с уважением: видно, они в нее верили. Правда, они не знали об одной тайне Акнабад: что в колхозе ее удерживало не только желание «понять землю», но и нежелание разлучиться с одним молодым йигитом, механизатором Айдогды, который, по странному совпадению, тоже еще на год-два должен был отложить учебу, чтобы помочь землякам убирать хлопок.

Светлый, счастливый путь открывался перед Акнабад...

...И вот прошло всего несколько месяцев, а я гляжу на девушку — и не узнаю ее. И дело не в том, что она внешне чуть огрубела: черные косы припорошены пылью, кожа загорелая, обветренная, вместо наряда из кетени[1] алача[2]. Как раз эти перемены в Акнабад выглядели естественными: ведь все это время она работала в поле, под жгучим солнцем. Другое настораживало, тревожило при взгляде на девушку. Казалось, птица счастья слетела с ее чела. Лицо, еще недавно сиявшее, как луна, словно бы померкло, лучистые глаза затуманились печалью, со щек сошел яркий румянец, плечи сникли, точно под непосильной ношей. Мне даже почудилось, будто и ее чистый лоб оплетен паутиной неурочных морщинок... Она походила на человека, оказавшегося в глубоком колодце без надежды выбраться оттуда, или на узника, которого змеями обвили железные цепи, и душат, душат, и ему уже трудно дышать, и он готовится проститься с жизнью...

Правда, минутами, когда Акнабад поднимала ресницы, в ее глазах можно было увидеть не только безнадежность, но и протест, жажду жизни. Но тут же она снова опускала голову, и что-то потерянное было в ее позе...

Что же произошло с Акнабад за минувшие месяцы?

Лишь позднее я узнал об испытаниях, выпавших на ее долю.

* * *

К калитке двора, где жила Акнабад, подкатил на велосипеде почтальон, вручил девушке письмо и поехал дальше. Акнабад торопливо вскрыла конверт, пробежала письмо глазами, и радость, смешанная с болью, отразилась на ее лице. Письмо было от одной из подруг, поступившей в медицинский институт: «Акнабад, подружка моя милая, ты и не представляешь, до чего я счастлива. Учусь, грызу гранит науки. Курс у нас дружный, в общежитии шумно, весело. И ни минутки свободной. Что ни говори, а живем в столичном городе — крупном культурном центре. Каждый день что-нибудь новое. Впечатлений — целый мешок. В общем, и я и другие твои подруги всем довольны, и лишь тебя нам не хватает...»

Акнабад читала письмо, губы ее чуть шевелились, а в глазах стояли слезы. «Ох, подружка, напрасно ты не поехала с нами. Мы, конечно, были бы рады узнать, что ты, как и мечтала, занимаешься своей селекцией и добилась успехов в работе. Но от тебя ни весточки, и это нас всех беспокоит, бог весть какие мысли приходят в голову. Что с тобой, Акнабад? Может, ты заболела? Или приключилась другая какая беда?..»

Письмо выскользнуло из рук Акнабад. Она уткнулась лицом в диванный валик, плечи часто-часто вздрагивали, словно ее кололи иглой... Но вот она подняла голову и, опершись о валик локтями, застывшим взглядом устави-

[1] Кетень — домотканый шелк.
[2] Алача — платье из грубой ткани.

Ленинград. На соревнованиях по водно-моторному спорту.

Фото И. Белова.

лась на дверь. Она повторяла про себя строки прочитанного письма и мысленно отвечала на них.

Подруги ее довольны и счастливы. Судьба улыбнулась им... А ей она угрожает наточенным кинжалом! Да, напрасно она не поехала с ними... Она осталась из-за Айдогды, оба мечтали о счастье, мечтали никогда не разлучаться! И вот уже сколько времени не видятся... Словно высокая черная гора встала между ними, и нет такого динамита, который взорвал бы эту гору, нет самолета, чтобы перелететь через нее...

Думала ли, гадала ли она, что на ее светлом пути вдруг возникнет неодолимая преграда? Или ей на роду написано быть несчастной? Уж коль судьба от тебя отвернется, жди всяких бед: то ноги тебе исцарапают колючки или изранят острые камни, то ты очутишься над пропастью, то лавина обрушится на твою голову... Акнабад бы радоваться жизни, распускаясь, подобно бутону: ведь она так любит жизнь, ветер, солнце. Каким же морозом побило ее алые лепестки?.. Она, как цветок, тянулась к счастью,— кто же так крепко натянул поводья, чтобы осадить ее, оттащить назад от света к мраку, от мечты к безнадежности?

Как это ни горько, но в страданиях Акнабад были повинны отец и мать. Ближе них никого не было у девушки. И в их воле было подарить ей радость или сделать ее несчастной на всю жизнь. Они решали ее судьбу. И решили ее против желания Акнабад. Тайком от дочери, ни слова ей не сказав, они сговорились со сватами, может быть, уже получили — из-под полы — калым, и вот уже Акнабад — невеста, хотя и в глаза не видела своего жениха. Завтра за ней должен прибыть гелиналджы — свадебный поезд. До свадьбы оставался лишь один день. Один день... Всего несколько драгоценных зернышек времени.

Трудно поверить, что в наши-то дни советская девушка, окончившая школу, полноправная хозяйка жизни — и вдруг невольна в своих решениях. Ведь всюду торжествует советская новь! Однако старое не сдается без боя. Оно уже почти выбилось из сил, но еще гнездится в иных человеческих душах, скалится, огрызается... И когда это зло затаилось в твоих родных, ему нелегко противиться. Любовь и почтение к родителям, давняя традиция, требующая безропотного послушания отцу и матери, подчас обезоруживают детей, делают их беззащитными перед атаками старых, косных обычаев. Акнабад умела любить, трудиться, мечтать, но ее не научили отстаивать свою свободу и достоинство, бороться с нежданными бедами, она чувствовала себя бессильной перед упрямым своеволием родителей, и ей казалось, будто ночь обступила ее со всех сторон и нет ни выхода, ни просвета...

Акнабад еще горько размышляла над письмом подруги, когда в комнату вошла ее мать, Бессир-эдже. Уже по одному тому, что только одна из ее полных ног была в чулке, можно было догадаться, как замотана она хлопотами последних дней. Видно, она уже успела обежать многие дома в поселке, войдя, долго не могла отдышаться, ее живот, выпяченный, как туго набитый мешок, опускался и поднимался, словно кузнечные меха, по лицу градом лил пот. Увидев, что дочь недвижно сидит на диване, она, отдуваясь, спросила:

— Ты уже дошила платье?

Акнабад отрицательно качнула головой.

— Так что же ты рассиживаешь?! — рассердилась мать.— Принимайся за работу.

— Мне ни к чему это платье,— тихо, словно через силу, проговорила Акнабад.— Все равно я его не надену. Оно жжет, как огонь.

Бессир-эдже уставилась на дочь, словно на какую диковину, глаза ее сузились, редкие ресницы торчали воинственно, как копья.

— Что-о?.. Как это не наденешь? Ведь это твое свадебное платье.

— Я не давала согласия на эту свадьбу.

— Аллах великий! Да кому нужно твое согласие! Слава богу, у тебя живы родители, есть кому подумать о твоей судьбе.

Акнабад, казалось, не замечала, как разъярена мать. Все так же тихо, не поднимая головы, она сказала:

— Я имею право сама заботиться о своем будущем.

— Тьфу, чтоб тебе отрезали волосы! Так-то ты платишь за нашу доброту? Ишь заупрямилась, решила свой нрав показать! Поглядите-ка на нее: она «сама»!.. Да ты еще не умеешь отличать белое от черного.

— Отличаю, мама. Меня ведь недаром учили десять лет.

— Так это школа отняла у тебя разум? Вот и отдавай туда детей! Боже, что мне делать с этой непонятливой? — Бессир-эдже ударила себя в грудь.— Ведь о твоем же благе печемся. Ишь ты! — Она уперлась в бока кулаками, еще больше выпятила живот.— Она «сама»!.. Да вам дай только волю. Ты погляди на дочь Мыллы Кынна — вот уж самостоятельная так самостоятельная. Швырнула через плечо и девичий стыд, и честь, и совесть. Вырядилась-то как: платье в обтяжку, ну голая и голая. И ноги, прости господи, голые, как коровье вымя. А волосы, чтоб им пропасть, словно подрезанный хвост жеребенка. Тьфу, смотреть тошно... Да не дай бог никому из дочерей походить на эту распутницу! — Бессир-эдже пристально глянула на Акнабад.— Или тебя манит такая судьба?

— Нет, мама.— Акнабад готова была расплакаться, но старалась держать себя в руках, и хотя она понимала, что на мать не подействуют никакие уговоры, все же проникновенно сказала, обняв ее за шею: — Но меня страшит и та доля, которая уготована вами. Эдже-джан, ты своими руками толкаешь меня в огонь!

Бессир-эдже всплеснула руками, плаксиво запричитала:

— Горе мне, горе! Такова-то твоя благодарность за все наши заботы? Я ведь хочу усадить тебя на коня счастья...

Акнабад уже нечего было терять. И, перебив мать, она решительно заявила:

— Эдже-джан, я уже нашла свое счастье. У меня есть любимый.

У Бессир-эдже глаза чуть не вылезли из орбит.

— Тьфу, тьфу, тьфу!.. Постыдилась бы, несчастная! Какой такой любимый? Забудь это слово. Ты полюбишь того, на кого пал выбор отца и матери.

— Нет, мама. Я человек, а не уздечка, которую можно накинуть на шею любого верблюда.

— Ты несмышленый верблюжонок! И последуешь за тем, к чьему хвосту привяжут тебя отец и мать.

Акнабад поднялась, глаза ее пылали мрачным огнем:

— Лучше я лишусь жизни...

Мать не дала ей договорить:

— Замолчи! Что ты болтаешь? Разве мы худого тебе желаем? Твой жених — достойный человек. С достатком. Будешь как сыр в масле кататься.

— Эдже-джан, да по мне лучше трудиться день и ночь, не разгибая спины, чем плавать в медовом озере, живя с чужим человеком.

— Это муж-то чужой?.. Ничего, доченька, стерпится — слюбится. Разве ты одна такая, кому выбирают мужа родители? Вспомни-ка, как благополучно мы выдали замуж нашу Хаджат...

— Бедная сестренка, томится, как верблюд на привязи, жизни не видит!

— Молчи, не искушай дьявола! Наша Хаджат-джан живет припеваючи, тьфу, тьфу, как бы не сглазить. А разве я по своей воле пошла за твоего отца?

Акнабад тяжело, исподлобья взглянула на мать.

— И теперь мстишь мне за себя, посылая по той же дороге?

— Эй, укороти свой язык, пока земля тебя не поглотила! Я хоть когда-нибудь жаловалась на свою жизнь? Дай бог, чтоб тебе так жилось!

— В страхе перед мужем? Я ведь знаю, ты не принуждала бы меня к этому замужеству, если бы этого не хотел отец.

Бессир-эдже, ахнув от возмущения, обеими руками оттолкнула от себя дочь, так что та упала на диван.

— Аллах великий, пожалей нечестивицу! Да убережется она от твоей кары!

— Эдже-джан...

— Замолчи! И слушать тебя не желаю! — Бессир-эдже тряслась от гнева.— А вот ты меня послушай. Если ты даже не сошьешь себе платье, я закутаю тебя в палас, так и отдам жениху.

— Лучше уж заверните меня в саван и заройте в землю! — в отчаянии выкрикнула Акнабад.— И запомните, вам не удастся попользоваться калымом. Придется вернуть его жениху.

Бессир-эдже в ошеломлении попятилась от дочери:

— Боже, что она говорит! Какой такой калым?

Однако глаза ее виновато бегали, и, заметив ее растерянность, Акнабад уверенно продолжала:

— Да не имей вы от этого какой-то выгоды, разве настаивали бы так на моем замужестве?

В глазах у Бессир-эдже заблестели слезы.

— Неблагодарная!.. Алла-джан [1], убереги нас от позора и злого языка! — И, громко всхлипнув, она выбежала из комнаты.

Как ни тяжко было Акнабад, попавшей в капкан, поставленный ее же родителями, ей все же стало жалко мать. Откинувшись на спинку дивана, она задумалась. Говорят, с досады человек готов выбранить и бога... Боль, возмущение заставили Акнабад непочтительно разговаривать с матерью. А так ли уж та виновата? Ведь она вспоила дочь своим молоком, вырастила. И не может она желать дочери зла. Просто она целиком во власти старых обычаев, старых представлений о жизни. Если бы Акнабад вышла замуж свободно, по велению сердца, по любви, для матери это было бы то же самое, как если бы ее дочь свалилась с крутой горы. Бессир-эдже восприняла бы ее поступок как беду, потому что

[1] Алла-джан — обращение к аллаху.

он выходил бы за рамки всего, к чему она привыкла. И, наоборот, она уверена, что дочь будет счастлива, если Бессир-эдже сама найдет ей мужа. Так уж повелось от века. И хотя Акнабад попрекнула мать калымом, на самом деле она не думала, что ее родители взяли калым из жадности или чтобы поправить хозяйство, нет, ведь они жили, не зная нужды,— просто так было заведено дедами и прадедами, и мать и отец Акнабад лишь следовали древнему обычаю. И если мать в чем и виновата, так только в том, что отстала от времени, не раскрыла ни душу свою, ни разум тому новому, прекрасному, что принесло с собой это время. Новое не умещалось в ее сознании, задурманенном кораном, ограниченном привычными правилами и законами, суевериями и предрассудками. Но почему же из-за этого должна страдать она, Акнабад? Родители — люди темные, рабы старых обычаев. Но почему же она-то должна приносить себя в жертву их темноте и этим обычаям? Акнабад встала, подошла к окну. Во дворе стоя подремывали овцы. Жизни им отмерено всего один день, завтра с восходом солнца они безропотно пойдут под нож, глупые, покорные, сытые, вернее, откормленные на убой. Что же, и ей, Акнабад, уподобиться этим овцам? Она горько усмехнулась и покачала головой. Нет, тысячу раз нет!

Она и сама не заметила, как направилась к двери, вышла во двор... Только во дворе она огляделась, и ей почудилось, будто в воздухе разлита какая-то тревога, как перед бурей. Но буря назревала лишь в душе самой Акнабад, а вокруг было тихо и спокойно, на небе ни облачка, усталое солнце клонилось к западу... В поселке — ни души, стояла уборочная страда, все были в поле. Тихо... Лишь где-то вдалеке урчал мотор, да мимо, подняв пыль, прогромыхала грузовая машина.

Акнабад вздохнула и, открыв калитку, шагнула на улицу. Она и сама не понимала, зачем и куда идет, просто надо было что-то делать, чтобы утихла буря, бушевавшая в ее груди.

Бессир-эдже, которая стояла возле саксаула, наваленного у дверей сарая, увидев, что дочь куда-то уходит, беспомощно забормотала вслух: «Вай, вай, что же мне делать, несчастной? Может, она надумала совсем покинуть родной дом? Ведь сказала же, что нам не удастся попользоваться калымом. Не зря она это сказала! Аллах великий, того гляди пойдет еще в сельсовет, нажалуется на нас, опозорит на весь аул!.. Пока дочь послушна, ее нечего бояться, а выйдет из повиновения — не оберешься беды». Услышав свой собственный голос, глухой, потерянный, Бессир-эдже поспешно прикрыла рот ладонью. А в висках все продолжало стучать: «Позор, позор... Калым-то уже взят. И деньги получены, и баранов привели, вон стоят, маются, бедняжки... А невесты и след простыл. Стыд-то, стыд-то какой!» Она представила себе завтрашний день, когда от жениха приедут за ее дочерью, по спине прошла дрожь, как от озноба, она невольно вскрикнула:

— Аю, отец, ув![1]. Осрамила нас дочь, слышишь?

Голос ее в безветрии разнесся далеко, но в поселке было безлюдно, и никто ее не услышал. И тут же она спохватилась, всполошенно подумала: «Вай, а если отец сейчас заявится и прознает про все... Не миновать беды! Догонит бедняжку и в сердцах-то бог весть что натворит!— Она суеверно поплевала себе за пазуху и обессиленно прислонилась спиной к куче саксаула.— Алла-джан, подскажи, что делать? И старика-то боюсь, и за дочку страшно... Ох, сердце прямо к горлу подступило, вот-вот выскочит.— Бессир-эдже вдруг с силой стукнула себя кулаком по лбу.— Ах, дурья башка! Может, зря я на дочку-то накинулась? У нас своя жизнь, у нее своя. Ведь и вправду недаром же она в школе училась. Видела и слышала иное, чем мы, старые коряги. Иными водами омыта, иным солнцем угрета. А я-то о ней все по себе сужу! Как же теперь быть-то? Может, дождаться мужа, повалиться ему в ноги да попросить по-хорошему: давай, мол, не будем дочку-то обижать. Да, а как же калым? И бараны для свадебного тоя уже во дворе. Ох, голова кругом идет!..»

[1] Аю, ув — восклицания вроде «ой».

В это время во дворе появилась Акнабад, понурая, с отсутствующим видом. Она, видно, бродила где-то без цели. Бессир-эдже, завидев ее, обрадованно улыбнулась и с облегчением выбранила себя: «Ах, чтоб мне пропасть, с чего это я размякла-то! Разве такая примерная дочь, как Акнабад, пойдет против родительской воли? Кровинка моя, умница-разумница, она не заставит нас краснеть. А я-то, дура, чуть не вняла голосу шайтана. Вот уж тогда и вправду опозорилась бы на весь аул...» И она приветливо обратилась к дочери:

— Акнабад-джан, серна моя, ты уж не сердись на свою мать. У меня и в мыслях не было тебя обидеть. Да я не допущу, чтоб и малая колючка вонзилась тебе в ногу!

Ласковые слова Бессир-эдже окрылили Акнабад, она обняла мать, приникла щекой к ее щеке.

— Эдже-джан, я знала, что ты меня поймешь. Ты уж сама с отцом поговори, ладно? Пусть он тотчас же вернет калым.

Бессир-эдже так и замерла с полуоткрытым ртом. А когда наконец уразумела, о чем говорит дочь, то насупилась и с укоризненным вздохом сказала:

— И не стыдно тебе, дочь моя? Ты что же, решила, что я пошла на попятный? И не жди этого! Мы с отцом не позволим тебе покрыть позором наши головы.

Акнабад тоже вздохнула, коротко и разочарованно. Они стояли друг против друга — мать и дочь,— и в упор смотрели друг на друга, и вели разговор уже одними глазами. Выражение глаз Бессир-эдже было, как качающиеся весы: суровость сменялась в них неуверенностью, неуверенность — мольбой, они словно бы упрашивали Акнабад: «Девочка, послушайся своих родителей, потом всю жизнь будешь благодарить...» А в глазах Акнабад горела решимость: «Нет, Эдже-джан, не бывать по-вашему, я вырвусь из вашего капкана!»

Молча разошлись они по своим комнатам.

Начало смеркаться. Акнабад сидела у себя в полной темноте, погрузившись в глубокое раздумье. Вдруг щелкнул выключатель, электрическая лампочка озарила комнату ярким светом. Акнабад, вздрогнув, подняла голову. Перед ней стоял отец, мрачный, сурово-неприступный. Видно, мать уже успела доложить ему о разговоре с дочерью. Но Акнабад не смутил его грозный вид. Она встала с места, положила руки на плечи отца, сказала убеждающе и просяще:

— Отец, мне надо с тобой поговорить...

Отец сбросил ее руки, жестко отрезал:

— Знаю, что ты скажешь. И вот тебе мой ответ: лучше молчи!

Круто повернувшись, он вышел из комнаты. Акнабад снова опустилась на диван, сжав виски ладонями. Но не покорность, а решимость отчаяния была в этом жесте. Она знала, как ей поступить. Вспомнились слова Айдогды, с которым она как-то встретилась украдкой и поделилась своим горем: «Все зависит от тебя. Все эти старые обычаи — песчаная запруда, ей не устоять перед потоком новой жизни. Если только ты сама не опустишь руки... В конце концов есть у нас и правление колхоза, и парторганизация, и комитет комсомола. Они не дадут тебя в обиду». А еще он предложил пойти в сельсовет и зарегистрироваться тайком от родителей Акнабад, поставив их перед свершившимся фактом. У нее тогда не хватило на это ни смелости, ни решимости. И теперь она горько укоряла себя за трусость и малодушие: «Айдогды, Айдогды, почему я тебя не послушала? Где ты, любимый? Что бы ты сейчас мне посоветовал? Ведь огонь, в котором меня хотят сжечь, опалит и тебя. Нет!.. Я не допущу этого!» Акнабад готова была убежать из дому, ко всему поселку воззвать о помощи. Но время было уже позднее. И во дворе расхаживал отец — сегодня он не уснет, будет всю ночь сторожить Акнабад. Стоит ей выйти из дому, как он схватит ее и изобьет до полусмерти. Он и не на такое способен: ведь поборники старины слепо жестоки и нетерпимы. Акнабад ясно представила себе, как отец, свалив ее на землю яростным ударом, топчет своими сапогами, и съежилась, словно от боли. А может, выбежать на эйван[2] и крикнуть во весь голос: «Помогите, люди добрые!» Нет, нет. Отец задушит, убьет ее. Ведь на стене у него висят и ружье и охотничий нож в ножнах. И он ни перед чем не остановится! Что же, значит, сидеть здесь в бездействии всю ночь и ждать? Но ночь сменится утром... Утром свадьба!

[2] Эйван — веранда.

Сердце у Акнабад то сжималось от страха, то начинало биться трепетно и сильно, как птица, рвущаяся из клетки к ясному, высокому небу, к солнцу, к счастью, к будущему!.. Но за окном стояла густая тьма, и только звезды смотрели вниз, на землю, мигая золотыми ресницами, словно дивясь чему-то...

...А ранним утром жители поселка увидели на улице девушку с туфлями в руках. Она бежала во весь дух, босые пятки так и мелькали, поднимая легкие фонтанчики пыли. Она то и дело оглядывалась... Это была Акнабад... Она бежала от отца, который гнался за ней, размахивая увесистой палкой. Казалось, он вот-вот настигнет девушку...

В сельсовете шло совещание о хлопкоуборочных работах, когда туда ворвалась запыхавшаяся Акнабад. Она остановилась так резко, что туфли выпали у нее из рук. К ней бросился высокий статный парень:

— Акнабад! Что с тобой?

— Айдогды...— Она показала рукой на дверь.— Там... отец! Он... меня...

Она говорила сбивчиво, запинаясь от волнения, но Айдогды все понял без слов. Ему хотелось обнять, успокоить девушку, но вокруг были люди, и он только сказал:

— Не бойся, Акнабад. Ты не одна. Нас много, и мы защитим тебя от любой напасти.

В это время в дверях появился длинный, тощий мужчина с бородой, уже начинающей седеть,— отец Акнабад. Он тяжело дышал, рука судорожно сжимала палку. Увидев, что в помещении полно народу и все смотрят на него, он застыл как вкопанный на пороге. На минуту воцарилась гнетущая тишина. Потом с места поднялся председатель сельсовета. Смерив суровым взглядом отца Акнабад, он обратился к присутствующим:

— Вы ведь в курсе дела, товарищи? Если бы Акнабад и не пришла к нам, мы все равно вмешались бы в эту историю, позорящую наш поселок! Молодец, Акнабад. А теперь я вот что хочу предложить, благо все мы в сборе,— завтра же устроить общественный суд над Хайдаром, сыном Курре. Кто «за»?

И все, как один, вскинули руки.

Хайдар, сын Курре, понурил голову и выпустил из рук палку. Она тяжело упала к его ногам...

Авторизованный перевод с туркменского Юрия Карасева.

Борис СТРЕЛЬНИКОВ

Когда сенатор Роберт Кеннеди вошел в бальный зал отеля «Амбассадор», его встретили аплодисментами. Дирижер взмахнул палочкой, заиграл оркестр, и сотни голосов громко подхватили торжественную мелодию «Америка! Прекрасная!».

Он поднялся на сцену к микрофону и, когда стих зал, заговорил. Благодарил помощников, шутил. Что-то сказал про свою собаку, которая уже спит и не знает о том, что ее хозяин победил на предварительных выборах в Калифорнии. Это была важная победа в «гонке» по длинной дороге к президентскому креслу. Накануне он потерпел поражение от сенатора Юджина Маккарти в штате Орегон. Калифорния должна была показать, стоит ли ему продолжать «состязание» или благоразумнее «сойти с дорожки».

— Если проиграю в Калифорнии,— сказал он своим помощникам накануне,— собирайте чемоданы и отправляйтесь по домам.

В Лос-Анджелесе должна была закончиться 82-дневная предвыборная поездка по штатам. Он был уже на грани физического истощения: выступал с речами по 3—4, а иногда и 5 раз в день. В городе Сан-Диего его оставили силы. Он едва закончил речь и, скрывшись за спины помощников, опустился прямо на пол, его вырвало. Но через пять минут он снова появился у микрофона и произнес еще одну речь.

Его личный самолет перелетал из города в город. В полете он проверял тексты речей, которые здесь же, в салоне, готовили для него члены «мозгового треста». Спал он урывками. Его будили перед самой посадкой самолета, помогали ему одеться, причесаться, напоминали фамилии важных лиц, которые ждали в аэропорту. Твердя вполголоса начало очередной речи или в последний раз просматривая список шуток и анекдотов, которыми ему предстояло украсить свое выступление перед избирателями, он заходил в салон жены. Посадки и взлеты были самым мучительным испытанием для Этель. И он знал это. Она почти теряла сознание, закрывала глаза, и ее побелевшие пальцы впивались в подлокотники кресла. Восемнадцать лет назад при авиационной катастрофе погибли ее родители — миллионеры Скейкел, через два года из-под обломков спортивного самолета извлекли изуродованный труп ее брата. Роберт знал, какой ужас испытывает в самолете жена, ждущая 11-го ребенка, но в дни предвыборной кампании он брал ее с собой повсюду, и она не протестовала, подчиняясь неумолимому и жестокому закону, который правил кланом Кеннеди. Этот закон еще 40 лет назад предельно сжато и четко был сформулирован патриархом клана Джозефом Кеннеди: побеждать любой ценой! Побеждать, побеждать и побеждать!

— Мои сыновья будут делать историю Америки! — сказал без малого сорок лет назад Джозеф Патрик Кеннеди.

5 июня 1968 года, уже семь лет разбитый параличом, Джозеф Кеннеди спал в своем доме в Хайанниспорте и не знал, что в эту минуту в коридоре отеля «Амбассадор» на цементном полу лежит смертельно раненный в голову его третий сын, что обезумевшая от ужаса Этель расталкивает фоторепортеров и дико кричит: «Прогоните их, они растопчут его! Убирайтесь отсюда!»— и что один из фоторепортеров, отмахиваясь от Этель, кричит ей в ответ: «Не мешайте нам работать, леди! Здесь творят историю».

* * *

Джозеф Патрик Кеннеди, потомок ирландского эмигранта и сын содержателя кабака в Бостоне, еще в детстве решил, что он будет миллионером. Отец смеялся, но подбадривал Джозефа. Они так часто об этом говорили, что отец в конце концов сам поверил в мечту сына. Но для того, чтобы стать миллионером, одной мечты, конечно, было недостаточно. Состояние отца, накопленное спекуляцией контрабандным виски, было лишь первой ступенькой крутой лестницы, ведущей к богатству и власти. Второй ступенькой стал брак Джозефа Кеннеди с Розой Фицджеральд — дочерью мэра Бостона Джона Фицджеральда, тоже ирландца по происхождению и старого друга Патрика Кеннеди. Так возник клан Кеннеди — Фицджеральд, влияние которого еще не распространялось даже на весь Бостон. Ведь влияние пропорционально тяжести кошелька. Чистокровные янки, удачливые купцы, крупные промышленники и банкиры Бостона, составлявшие «клуб бостонских браминов», презирали «ирландских выскочек». Честолюбивый Джозеф Кеннеди поклялся посрамить заносчивых «браминов».

История его восхождения по социальной лестнице — классическая история сильных мира сего. Ходит много легенд о том, как росло и накапливалось богатство Джозефа Кеннеди. Здесь рассказы и о мошенничестве, и о нечестных поступках, и об обманах. Но об этом говорят шепотом, с понимающими улыбками, вслух говорят о другом. В годы, когда страну захлестнула волна слияния банков, Джозеф решается на отчаянный шаг, одалживая где только можно ценные бумаги одного из маленьких банков, и в результате становится председателем правления этого банка. В годы первой мировой войны он руководит морскими перевозками военных грузов в Европу. Деньги начинают делать деньги. Джозеф покупает театры и кинотеатры, финансирует строительство гостиниц, покупает и перепродает земельные участки, расширяет давнишний и не совсем легальный бизнес отца — спекуляцию виски.

В августе 1929 года эксперты финансовой биржи были удивлены и озадачены: Джозеф Кеннеди приказал продать все принадлежащие ему акции. Разгадка странного поведения бостонского бизнесмена наступила в «черную пятницу», когда под ударами экономического кризиса рухнула биржа. Бывшие миллионеры, ставшие за один день нищими, бросались из окон небоскребов. В это время Джозеф Кеннеди подсчитывал свои барыши. Мечта сына бостонского спекулянта и кабатчика осуществилась: он стал миллионером. Заполняя анкету на встрече бывших выпускников Гарвардского университета, в графе «профессия» Джозеф Кеннеди твердо написал: «капиталист».

Теперь можно было думать о посрамлении «бостонских браминов». Во время президентской избирательной кампании 1932 года Джозеф Кеннеди делает ставку на Франклина Рузвельта, с которым познакомился еще в годы первой мировой войны, когда тот был заместителем морского министра. Это был политический риск: шансы Рузвельта стать президентом поначалу казались небольшими. Он нуждался в поддержке и в деньгах для ведения избирательной кампании. Кеннеди оказал ему финансовую и моральную помощь. Рузвельт, став президентом, не забыл этого. Он назначил Джозефа Кеннеди послом в Англию. «Бостонские брамины» получили первую оглушительную оплеуху.

Американский посол в Лондоне не хотел, чтобы Америка выступала против гитлеровской Германии. В конце 1939 года он упорно доказывал в Вашингтоне, что Гитлер уже будто бы выиграл войну и что Англия накануне гибели. Вернувшись в 1940 году в США, бывший посол примкнул к лагерю изоляционистов, которые вплоть до Пирл-Харбора противились вступлению Америки во вторую мировую войну. Джозеф Кеннеди не был настроен профашистски. Просто он не имел никаких финансовых или политических интересов в Европе. Он не видел выгоды для себя в этой войне. Его бизнес был дома, в Америке, и это обстоятельство определило его политическую линию.

Джозеф Кеннеди был прагматиком, и прагматизм как политическую философию он старался привить своим подрастающим сыновьям, которым он прочил большое политическое будущее. По его замыслу, Джозеф Кеннеди-младший должен был стать президентом США. Джон, Роберт и Эдвард — сенаторами, вице-президентами, а может быть, в свое время тоже президентами.

Но война внесла в этот план свои поправки. 12 августа 1944 года американский бомбардировщик, которым командовал капитан Джозеф Кеннеди-младший, не вернулся с боевого задания над территорией Франции. Есть свидетели, которые видели, как бомбардировщик этот был подбит немецким зенитным снарядом, загорелся и от удара о землю взорвался.

В том же году пропал без вести Джон, командовавший патрульным катером на Тихом океане. Лишь спустя месяц его разыскал австралийский моряк. Оказывается, японский миноносец и американский катер в темноте тропической ночи не заметили друг друга и столкнулись. Миноносец перевернул катер вверх килем, раздавил его и, не замедлив хода, скрылся в ночи. Джон Кеннеди,

стоявший на капитанском мостике, был отброшен в воду, и это спасло его. Хороший пловец, он добрался до какого-то острова, где его подобрали туземцы. Они не знали английского языка и не понимали американского офицера. Тогда он пошел на риск. На кокосовом орехе он вырезал свое имя, номер катера и отдал орех туземцам. Они могли передать этот орех японцам, но передали его австралийцам.

В январе 1961 года в Вашингтоне на параде, устроенном в честь вступления Джона Кеннеди в должность президента США, делегация японских моряков пронесла мимо трибуны точную копию сторожевого катера «ПТ-109». Впереди делегации шел приветливо улыбающийся японский офицер, бывший командир японского миноносца, едва не сыгравшего роковую роль в судьбе второго брата Кеннеди за девятнадцать лет до выстрелов в Далласе.

Мечта Джозефа Кеннеди-старшего сбылась. Его состояние перевалило за 300 миллионов долларов. Его сын стал президентом США. «Бостонские брамины» лежали у ног клана Кеннеди. Теперь надо было поставить на колени прочих «браминов»: в Техасе, Калифорнии, Алабаме.

* * *

Вскоре после гибели Джона Роберт ушел из правительства Джонсона. Младший брат их, Тэдди (Эдвард), выставивший свою кандидатуру в сенат США, едва не погиб в авиационной катастрофе. Его небольшой личный самолет неожиданно потерял управление и упал в яблоневый сад неподалеку от Саутгэмптона в штате Массачусетс. Двое друзей Тэдди погибли, а он сам на целый год слег в постель с переломом позвоночника. В эти дни некоторым здешним наблюдателям показалось, что клан Кеннеди раз и навсегда отброшен с политической сцены. Но они ошиблись.

Пишущий эти строки видел Роберта Кеннеди на коленях перед могилой брата. Это было в ноябре 1964 года, на второй или третий день после того, как Роберт стал сенатором США от штата Нью-Йорк, а Эдвард — сенатором от штата Массачусетс. Он приехал на Арлингтонское кладбище неожиданно. Сам сидел за рулем открытого, уже не нового автомобиля. Хлопнув дверцей и заложив руку за спину, как часто ходил Джон, почти бегом направился вверх по холму к могиле. Двое охранников едва поспевали за ним.

Он стоял на коленях и что-то шептал. Молитву? Может быть. Потом он перестал шептать, но мне все казалось, что он разговаривал с братом. В эту минуту он был очень похож на Джона. Это сходство отмечали всегда. Они были похожи и одновременно непохожи. Во всяком случае, их нельзя было спутать.

Они оба верой и правдой служили своему классу. Они шли в политике одним путем, но Роберт всегда держался сзади и чуть правее своего старшего брата, и это бросалось в глаза. В начале своей политической карьеры Роберт не скрывал восхищения перед позорно знаменитым инквизитором Маккарти (однофамильцем нынешнего сенатора Маккарти) и сам пошел к нему на службу в комиссию по расследованиям. Никому бы не пришло в голову назвать Роберта либералом и в тот период, когда он занимал пост министра юстиции. Роберт Кеннеди, в апреле 1968 года предложивший свой личный самолет для того, чтобы перевезти тело убитого Мартина Лютера Кинга из Мемфиса в Атланту, в июне 1963 года приказал Федеральному бюро расследования подслушивать телефонные разговоры Кинга. После знаменитых трагических событий в Бирмингеме негры Алабамы и Миссисипи перестали верить в миф о либерализме братьев Кеннеди. Я помню плакат, который несли негры-демонстранты перед отелем «Карлайл» на Мэдисон-авеню, где остановился Джон Кеннеди во время своего короткого визита в Нью-Йорк. На белом холсте черными буквами было написано: «Убиты четыре девочки. Если бы одной из них была ваша дочь, вы бы тоже ограничились лишь сожалением, г-н президент?»

Да, братья Кеннеди верно служили тому классу американского общества, имя которого когда-то с гордостью вписал в графу о профессии их отец на вечере бывших выпускников Гарвардского университета. Но в политике они часто оказывались дальновиднее, точнее и искуснее большинства представителей американской элиты, ставящих свои личные интересы выше интересов их класса в целом. В большей степени эта способность видеть дальше других и шире других была присуща старшему брату. Я помню случай, когда президент Кеннеди прикрикнул на королей сталелитейной индустрии, повысивших цены на сталь, что грозило нарушением ритма всей американской экономики.

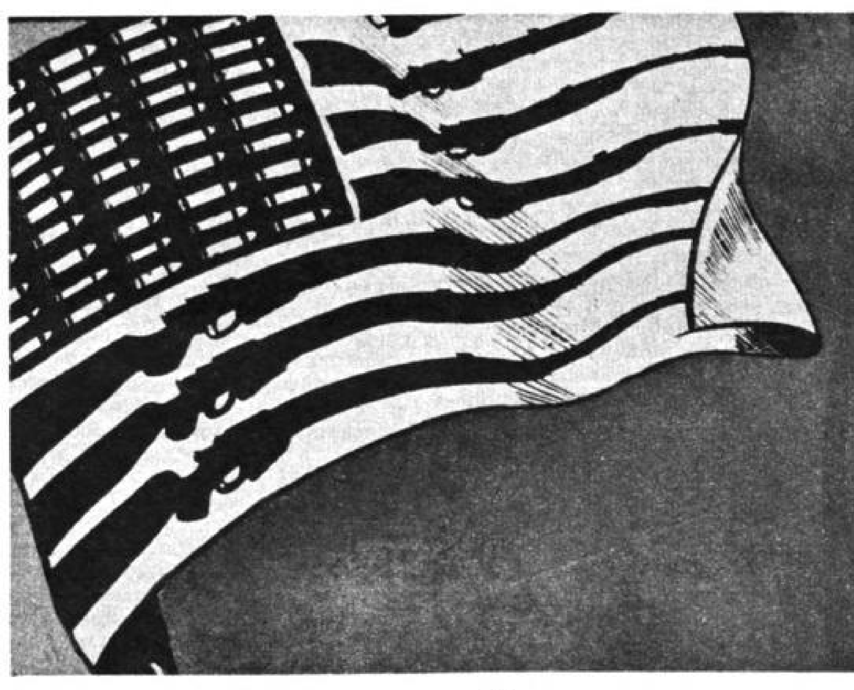
— Еще мой отец говорил, что стальные магнаты — сплошные сукины сыны,— вырвалось у Кеннеди на пресс-конференции.

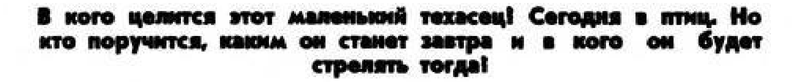
«Большая президентская печать» — так называется эта карикатура, помещенная в американском журнале «Тайм» в связи с убийством Роберта Кеннеди.

Пожилые женщины-домохозяйки, которые учатся стрелять,— это необычная картина для всего мира, кроме Америки. Там к этому привыкли. Не полагаясь на полицию, в поисках защиты от преступников, число которых растет со сказочной быстротой из года в год, американки учатся самообороне.

Это рисунок американского художника. Что ж, нельзя отказать ему в проницательности: таков сегодня облик Стреляющих Штатов Америки.

В кого целится этот маленький техасец! Сегодня в птиц. Но кто поручится, каким он станет завтра и в кого он будет стрелять тогда!

Любопытно, что чуть ли не к вечеру того же дня пиджаки стальных королей украсились значками с изображением собачьей головы и словами по ободку: «Я сукин сын и горжусь этим».

Братьев Кеннеди не любили на этой псарне. Не любили за то, что они позволяли себе отличаться от им подобных хотя бы внешне. Не любили за их собственный стиль в политике, за то, что в них было что-то человеческое, за их личное обаяние, которое невозможно было у них отнять, особенно у Джона, за интеллектуальность и остроумие, даже за молодость. Но не это главное. Их ненавидели яростной ненавистью менее удачливых конкурентов, и это предопределило их трагический конец.

* * *

До 1966 года сенатор Роберт Кеннеди поддерживал вьетнамскую политику правительства. Постепенно он стал отходить от нее, а затем и критиковать. «Он отказался от той самой политики,— писал журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт»,— которую сам помогал формулировать при президенте Кеннеди вместе с такими советниками, как генерал Тэйлор, министр обороны Роберт Макнамара, государственный секретарь Дин Раск, советник Белого дома Макджордж Банди и посол по особым поручениям Аверелл Гарриман».

С этими замечаниями американского буржуазного журнала не поспоришь. Здесь все верно, за исключением разве того, что пропущена одна фамилия: тогдашнего вице-президента и нынешнего президента Линдона Джонсона.

Что же произошло с политическими взглядами сенатора Роберта Кеннеди? На этот вопрос в Америке нет однозначного ответа. Одни говорят, что он понял бесперспективность, более того, пагубность для Америки ее нынешней политики. Другие утверждают, что здесь проявился искусный политик, проповедующий прагматизм — политическую философию, позволяющую менять позицию в зависимости от ситуации. Третьи говорят примерно то же самое, но добавляют при этом, что на поднимающейся волне народного недовольства вьетнамской войной лодка Кеннеди была ближе других к Белому дому.

Кто прав? Может быть, и те, и другие, и третьи. Скорее всего изменение взглядов Роберта Кеннеди происходило под влиянием изменения общественных настроений, которые он имел талант улавливать. Но было здесь и другое. Один из здешних журналов уже после гибели сенатора писал, что Роберт всегда жил в лучах своего старшего брата; аплодисменты, которыми его приветствовали, голоса, которые ему отдавали на выборах, принадлежали не только ему и не столько ему, сколько его покойному брату. Роберт, по утверждению журнала, никогда, по сути дела, не стоял в политике на своих собственных ногах и не мог отделить свой яркий политический талант от ослепительных лучей таланта брата. А не кто иной, как брат, по мнению журнала, дал первый толчок нынешней политике США, которая при Джонсоне завела страну в тупик. «Но, поняв это,— заключает журнал,— Роберт решил спасти страну от безумия. Им двигали не только благородные и ответственные импульсы патриотизма, но им двигали и интересы клана: Кеннеди всегда были гордецами. Он должен был защитить доброе имя брата, чей свет он сам отражал в глазах миллионов американцев».

* * *

Он долго колебался перед тем, как выставить свою кандидатуру в президенты. Говорил, что не хочет окончательно раскалывать демократическую партию. В душе боялся, что поражение на выборах будет означать его политическую смерть. Но когда Юджин Маккарти, во многом разделявший взгляды Кеннеди на внутренние проблемы страны и на вьетнамскую политику правительства, получил значительную поддержку избирателей на предварительных выборах в штате Нью-Гэмпшир, Кеннеди не выдержал. Оправдались слова одного из вашингтонских высокопоставленных лиц: «Если Юджин Маккарти продвинется вперед, мы немедленно почувствуем на своем горле руки Бобби».

Еще неделю назад клявшийся, что он не желает быть президентом в 1968 году, Кеннеди поспешно пересматривает свою позицию. В своем официальном заявлении он сказал:

— С безошибочной отчетливостью мне стало ясно, что, пока Линдон Джонсон остается президентом, наша вьетнамская политика будет означать лишь новое расширение войны, больше войск, больше убийств и больше разрушений в стране, которую мы якобы должны спасти.

Он бросил в атаку всю свою силу, всю свою энергию, огромное количество своих денег. Говорят, что только в Калифорнии он истратил около 3 миллионов долларов. Это произвело впечатление даже на здешнюю прессу, которую в общем-то трудно удивить затратами на предвыборную борьбу. Но обычно кандидаты тратят чьи-то деньги, деньги тех, кто стоит за их спиной, кто поддерживает их. Кеннеди тратил свои деньги.

— Это наши деньги, и никому нет никакого дела, сколько мы тратим и сколько мы еще потратим,— сказала журналистам мать Кеннеди.

Сам Роберт на одном из митингов пошутил:

— Мой отец говорил моему брату и мне: «Ребята, я не возражаю, что вы тратите деньги, но, ради бога, не покупайте голосов больше, чем вам нужно».

Он ощущал ненависть к себе конкурентов-«браминов», тех, у кого денег не меньше, чем у него, и кто хотел бы видеть в Белом доме не Кеннеди, а какого-нибудь своего человека. В марте журнал «Форчун» в статье, которая называлась «Он доиграется и допрыгается до того, что вылетит из игры», писал: «Если президент Кеннеди никогда не пользовался популярностью среди бизнесменов, то все же подозрительность, проявлявшаяся к нему, не идет в сравнение с гневом, который вызывает его младший брат... Кеннеди — это такая политическая фигура, о которой не могут спокойно говорить представители многих и многих деловых кругов, особенно на западе и юге страны». Он знал свою страну, знал ее мораль и нравы, знал, что сукины сыны открыто говорят о том, что они сукины сыны, и поэтому он допускал возможность, что с ним расправятся с той же жестокостью, с какой расправились с Джоном. Его предупреждали об этом. Охранник Билл Барри, бывший сотрудник ФБР, жаловался журналистам:

— Я устал от постоянного напряжения, я боюсь, что потеряю быстроту реакции. Он каждый день ходит по острию ножа.

По-видимому, не только сам сенатор и его охранник допускали возможность насильственной смерти. Известная здесь составительница гороскопов Джейн Диксон еще в январе в интервью столичной газете «Пост» сказала, что с Робертом Кеннеди может случиться большое запланированное несчастье. Она так и сказала: «запланированное несчастье».

— Что же может случиться с сенатором? — спросил ее репортер.

— Его застрелят,— ответила Диксон.

Однажды, когда самолет сенатора был в воздухе над штатом Орегон, в салоне Кеннеди звонко лопнул воздушный шарик, привязанный на ниточке к креслу, руки сенатора метнулись к горлу. Все, кто видел этот жест, застыли на месте от охватившего их ужаса: точно так же четыре с лишним года назад к горлу метнулись руки смертельно раненного президента. В другой раз в Сан-Франциско рядом с открытой машиной, в которой стоял Кеннеди, взорвалась ракета фейерверка. На лице сенатора застыла слабая улыбка, его всего передернуло. Неожиданно ослабшие ноги не удержали его, и он сел. Он не мог подняться без помощи охранника.

А самолет продолжал взлеты и посадки. Еще один штат... Еще один город... Еще один митинг... Сенатор валился от усталости, его беременная жена была полужива от страха и отвращения к самолету. Предвыборная кампания была в самом разгаре. Великое американское «шоу» только начиналось.

* * *

Свой последний в жизни день сенатор провел в обществе жены и детей на пляже в гостях у знакомого кинорежиссера. День прошел весело, если не считать тревоги за исход голосования да случая с 12-летним сыном Дэвидом. Дэвид заплыл слишком далеко и начал тонуть. Отец, хороший пловец, как и все Кеннеди, вытащил его из воды буквально в последнюю минуту.

Они уговорились с женой и друзьями, что в случае победы на выборах после короткого выступления в штаб-квартире пойдут в знаменитый ресторан «Фэктори».

Светящиеся часы патрульной полицейской машины показывали 12 часов 20 минут ночи, когда диспетчер городского полицейского управления по радио приказал мчаться к отелю «Амбассадор» и арестовать человека, который открыл стрельбу в коридоре. Когда полицейские, расталкивая толпу, пробрались в коридор, они увидели на полу раненых и какого-то человека, прижатого толпой к стене. К этому человеку тянулись руки. Его били.

— Не убивайте его! — кричал кто-то.— Не допускайте второго Освальда. Он нужен живым!

Расшвыряв толпу, полицейские потащили человека к выходу. У машины уже собралась толпа. Защищая прижимавшегося к ним человека от самосуда, полицейские вскинули карабины, толпа отпрянула.

По дороге в участок один из полицейских включил передатчик.

— Эй, сержант,— сказал он в микрофон,— голубчик, который стрелял в «Амбассадоре», схвачен. Везем его в машине. На вопросы не отвечает. То ли глухонемой, то ли английского языка не знает. Сержант, кого он там в отеле приложил?

— Сенатора Кеннеди,— сухо ответил сержант.

На другом конце Америки, в Нью-Йорке, было 3 часа 20 минут ночи. Вдова президента Кеннеди Жаклин выключила телевизор после того, как улыбающийся Бобби привычным жестом мазнул ладонью по своей юношеской прическе, повернулся спиной к кинокамерам и пошел за кулисы. Через час ее разбудил телефонный звонок. Звонила из Лондона ее сестра Ли Радзивил.

— Как Роберт? — услышала Жаклин в телефонной трубке.

— О, прекрасно! — ответила Жаклин.— Он победил сегодня в Калифорнии.

— Как он сейчас? — настаивала сестра.

— Я же тебе говорю, что у него сегодня праздник.

— Так ты еще ничего не знаешь? — всхлипнула сестра.— Говорят, что он убит...

В Хайанниспорте было семь часов утра, когда 77-летняя Роза Кеннеди, мать Джозефа-младшего, Джона, Роберта, Эдварда и их пяти сестер, включила телевизор, чтобы узнать последние известия. Включила в тот самый момент, когда уже, наверное, в сотый раз передавали снятую на пленку сцену покушения.

Никто, кроме прислуги, не знает, как восприняла мать этот удар: схватилась ли она за сердце, воскликнула ли она, закричала ли она. Прислуга была готова ко всему. Эдвард, единственный оставшийся в живых из четырех братьев (про него отец однажды сказал, что, если в клане что-нибудь случится и он начнет рассыпаться, Эдвард возьмет все в свои руки и снова соберет), позвонил прислуге ночью, рассказал о трагедии в Лос-Анджелесе и просил не будить родителей до утра.

Через несколько минут мать вышла из дверей. Репортеры, притаившиеся у ворот, ждали. На ней был розовый халат, белые тапочки и темные очки. Она медленно пошла к флигелю, который был построен для Джона, когда он стал президентом. По дороге подобрала с земли мячик для игры в теннис, бросила его о стенку дома, поймала, снова бросила, снова поймала...

Так, в глубокой задумчивости, она бросала и ловила мячик в течение 10 или 15 минут. Потом обернулась и заметила репортеров.

— Совесть у вас есть? — спросила она.

Ей никто не ответил.

* * *

Его похоронили рядом с братом. Начиналась ночь. Собиралась гроза. На горизонте сверкали молнии. Уже невидимый в темноте оркестр играл «Америка! Прекрасная!».

Вашингтон, по телефону.

ОГНЕННАЯ ДУГА

Николай АСАНОВ

Повесть

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

2.

ИЗ УТРЕННЕГО СООБЩЕНИЯ

«В Тронхейме норвежские патриоты бросили бомбу в немецкий пароход. В результате взрыва было убито и ранено много гитлеровцев. В районе Ставангера группа вооруженных норвежцев совершила налет на военный склад. Истребив немецкую охрану, норвежцы подожгли складские помещения. Огнем уничтожено много снаряжения и различного военного имущества немецких оккупантов».

Совинформбюро.
14 марта 1943 года.

Мастер Андреен устроил Толубеева термистом.

На заводе работало много беженцев.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 30, 31, 32.

Это были латыши, эстонцы, бежавшие с родины при установлении Советской власти, в сороковом году. Появление еще одного «беженца» никого не заинтересовало, никаких документов не потребовалось, просто мастер поручился за своего постояльца.

В решении того вопроса, который интересовал Толубеева, завод значил не так уж много. Но заводское удостоверение давало право на жизнь в столице, а так как вся продукция завода поступала в Германию, можно было при случае выяснить, какие же новые сорта стали запрашивают немцы.

А пока что термист Толубеев закаливал подшипники разных размеров, надеясь, что не все они пойдут в артиллерийские системы и в танки, которые немцы будут применять в следующих сражениях.

Через неделю он позвонил Вите.

Звонил он из автомата в служебные часы, и Вита сама подняла трубку телефона.

— Отдел перевозок! — бодро, как и полагается энергичной секретарше, произнесла она.

— Вита, это я,— тихо сказал он.

— Господи, Вольёдя! — испуганно-радостно произнесла она. По-видимому, в комнате кто-то был, так как она заговорила порусски: — Немедленно скажи, где я тебя увижу и когда?

— В шесть часов вечера у Фрогнерпарка! — быстро произнес он давно приготовленную фразу.

— Хорошо! — так же торопливо сказала она, и телефон отключился.

Без четверти шесть он добрался до парка. Фрогнер-парк всегда нравился ему своими чудесными статуями работы скульптора Вигеланда, поставленными от самого входа на протяжении почти всего парка. День был теплый, снег на статуях и дорожках таял, капало с деревьев, скамейки были сухие. Взъерошенные воробьи и жирные голуби склевывали крошки, которыми кормили их престарелые женщины в темных пальто с меховыми воротниками, в черных перчатках, с муфтами, в которых они отогревали склеротические руки. Белка спрыгнула с дерева, пробежала по дорожке и резво ухватила из рук старушки кусочек булки, а затем серой молнией вознеслась обратно на кривую от морских ветров сосну. Толубеев нашел свободную скамью, сел и внимательно огляделся.

Под ногами лежал голубой узкий фиорд, в который как бы скатывался город с каменных высот. За фиордом чернели очень близкие крутые горы. По улице за воротами парка проходили тупорылые немецкие военные машины, проходили по двое, по трое немецкие солдаты и офицеры,— в одиночку они не появлялись в городе даже днем, по-видимому, исполняли приказ командования: за эти годы было слишком много таинственных исчезновений солдат и офицеров,— темные и глубокие воды фиордов не открывают своих тайн. Патрулировали город и полицейские в норвежской форме, но держались они довольно тихо.

Поблизости ничего опасного не было. Сидели несколько парочек в разных укромных уголках, тесно прижавшись друг к другу и согреваясь теплом своих плеч или держа руки подруги в руках, так как погода была еще не для влюбленных. Но Толубеев позавидовал им и их, хотя и временному, покою.

Но нет, не так уж тут спокойно! Вот пробежал мальчишка с вечерними выпусками газет, и все старушки, все влюбленные одинаковым жестом принялись рыться в карманах, в кошельках, отыскивая тусклые монетки по три-пять эре, и вот уже у всех в руках зашуршали газеты, хотя воздух начал остывать, пора бы и по домам...

Толубеев тоже купил «Дагбладет», которую и следовало читать почтенному рабочему, может быть, члену социал-демократической партии, функционеру.

Он уткнулся в газету, пытаясь понять по сводкам немецкого командования, что делается на фронтах. Немцы продолжали писать о наступлении на харьковском направлении. Армии «Центр» и «Север» улучшали свою «эластическую оборону». Это словечко появилось в немецких сводках недавно, и обозначало оно, как правило, отступление под давлением советских войск. Но звучало почти оптимистически...

Путаясь в длинных высокопарных газетных фразах, Толубеев не услышал шагов. Привел его в себя только милый голос:

— Так-то вы, господин Вольёдя, встречаете любимую? А где же цветы?

Он вскочил, роняя газетные листы. Но она уже прижалась к нему, опустив руки на его плечи, приподнялась на цыпочках, поцеловала в губы. Он осторожно усадил ее.

— Гадкий человек, почему ты так долго не звонил? — спросила она, все еще пытаясь продолжать игру, но голос был ломок и неуверен. Он невольно выбранил себя за то, что доставил ей столько беспокойства.

— Фрекен Вита, ваш покорный друг сдавал экзамены! — попытался он подыграть ей.

— На бакалавра?

— Нет, на термиста шарикоподшипникового завода.

— Фу, как грубо!

Она по-детски обиделась, и он молча взял ее руки в свои. Ей нужно привыкнуть к мысли, что он совсем не тот блестящий инженер из далекой России, за которым ухаживали ее отец, ее старшие друзья, а сверстники почтительно прислушивались к каждому слову. Тогда он представлял ГОСУДАРСТВО, кого он представлял сегодня? Во всяком случае, для нее он должен был остаться частным человеком.

Она вздрогнула от порыва холодного ветра, и Толубеев торопливо вскочил:

— Вита, пойдем в кафе! Мне просто необходимо что-нибудь выпить.

— И мне! Хотя бы кофе.

Он торжественно позвякал в кармане серебряными кронами.

— Ты слышишь эту музыку? Моя первая получка!

Она огорченно оглядела его худое лицо, фигуру, на которой только что приобретенное пальто висело, как на вешалке.

— Ты должен был взять у меня немного денег и отдохнуть хоть месяц! — укоризненно произнесла она.— Не понимаю, как тебя могли взять на работу! Ты же все еще похож на скелет!

— А, были бы кости, а мясо нарастет! — беспечно сказал он.

— Как? Как?

— О, это русская пословица! — объяснил он.

— Ты произносишь свои пословицы, как молитвы,— пожаловалась она.— Ты же знаешь, я не понимаю идиоматические выражения!

— Больше не буду!

Он увлек ее к тихому ресторану, который высмотрел, когда шел на свидание. Ресторан находился в переулке, и, сворачивая туда, он оглянулся. Ему показалось, что какой-то хорошо одетый человек хотел было последовать за ними, но потом отдумал и повернул обратно. Впрочем, он тут же забыл об этом постороннем человеке.

Они долго сидели в обманчивом одиночестве,— по обе стороны столика стояли китайские ширмы с розовыми драконами. Потом немного танцевали — только солидные медленные танцы вроде бостона и танго,— еще долго пили кофе, потому что за окном завихрилась весенняя метель, мокрая, скользкая, и чувствовали они себя как в первые дни своей любви — бездомными, одинокими, первыми людьми на пустой еще и не приспособленной для радостей земле...

Уже прощаясь у ее дома — гранитного куба, оборудованного больше для официальных приемов, нежели для семейного жилья: так искусно были спрятаны жилые комнаты в глубине этого дома, в той части, к которой примыкал небольшой внутренний сад,— он вдруг ощутил на губах ее губы и затем услышал горячий шепот:

— Завтра опять суббота! Мы поедем в усадьбу! Я заеду за тобой в час дня, только скажи, куда.

— Я буду у парка! — только и выговорил он.

3.

ВЕЧЕРНЕЕ СООБЩЕНИЕ

«15 марта наши войска после многодневных и ожесточенных боев по приказу командования эвакуировали город Харьков.

В Смоленской области наши войска, продолжая наступление, заняли город Холм-Жирновский.

На остальных фронтах наши войска вели бои на прежних направлениях».

Совинформбюро.
15 марта 1943 года.

В восемь часов утра он был на своем рабочем месте.

В этот короткий рабочий день руководители цехов словно взбесились и гнали продукцию так быстро, что казалось, они решили за четыре часа работы выкатить шарикоподшипников больше, чем за обычный день. Термическая печь, у которой дежурил Толубеев, была загружена сверх нормы, и он сообщил об этом дежурному инженеру.

Инженер просмотрел счетчики, паратермометры, махнул рукой:

— Сойдет!

Сойдет так сойдет. Инженер, по-видимому, надеялся, что контролерам тоже хочется побыстрее убраться с завода. А Толубееву каждый день хотелось, чтобы вся закаливаемая им продукция превращалась в брак. И хотя он знал, что не имеет права рисковать, отчего не рискнуть, если инженер благословляет?

В девять утра к нему подошел взволнованный мастер Андреен.

— Камрад Владимир, вас вызывают к сменному инженеру...

Толубеев сбросил запятнанную кислотами спецовку, надел пиджак, хранившийся в рабочем ящичке, и последовал за мастером. Он только выглядел спокойным, но сердце билось глухо и торопливо.

Андреен, проводив его до кабинки сменного инженера, отступил и исчез за станками. Толубеев подумал: «Будет стоять тут хоть до второго пришествия и ждать, выведут ли меня под конвоем или отпустят к станку...»

В конторке никого, кроме дежурного инженера, с которым Толубеев только что разговаривал, не было. Инженер кивнул на снятую трубку телефона:

— Трубка ждет вас, господин Толубеев! — и посмотрел на рабочего с таким удивлением, будто на его глазах происходило чудо. Вряд ли в эту конторку когда-нибудь приглашали к телефону рабочего...

— Я слушаю,— медленно и ровно сказал Толубеев. Впрочем, ему помогало быть спокойным и стремление говорить по-норвежски чисто и благозвучно.

— Господин Толубеев? — Голос был мягкий, женский, очевидно, секретарский.— С вами будет говорить господин Арвид Масон...

Он чуть не выронил трубку. Ее отец!

— Господин Толубеев? — Он всегда бы узнал этот низкий, словно бы заплывший жирком, голос власть имущего, человека без излишних сомнений.

— Да,— внезапно став по-настоящему спокойным, ответил он.

— Прошу вас заехать ко мне в управление через тридцать минут.

— Простите, господин Масон, боюсь, что меня не отпустят с работы.

— Я уже договорился с начальником цеха. Моя машина ждет вас у проходной завода.

— Благодарю. Буду.

Он положил трубку. Сменный инженер все еще глядел на него, как на Валаамову ослицу, которая всю жизнь неблагозвучно кричала и вдруг заговорила человеческим языком.

— Это в самом деле господин Арвид Масон? — только и спросил он.

— Вы же, вероятно, с ним говорили?

— Не я. Начальник смены. Я только получил приказ разыскать вас и вызвать в конторку к телефону.

— Да, господин Арвид Масон,— устало сказал Толубеев. Ему и без этих дурацких расспросов было о чем подумать. Чтобы отвязаться, он коротко буркнул: — Я предложил господину Масону одно маленькое изобретение...

— О! — В глазах инженера сияла почти божественная благодать.

— Я могу покинуть рабочее место? — деловито спросил Толубеев, пытаясь погасить это небесное сияние в глазах инженера.

— Конечно, конечно! Вы свободны на всю смену! — поторопился тот.

У дверей конторки из-за станков вывернулся Андреен. Схватил за руку и увлек в проход, подальше от конторки.

— Что произошло?

— Ничего, дорогой Калле! Просто девушка. Она вымолила мне отпуск до конца смены!

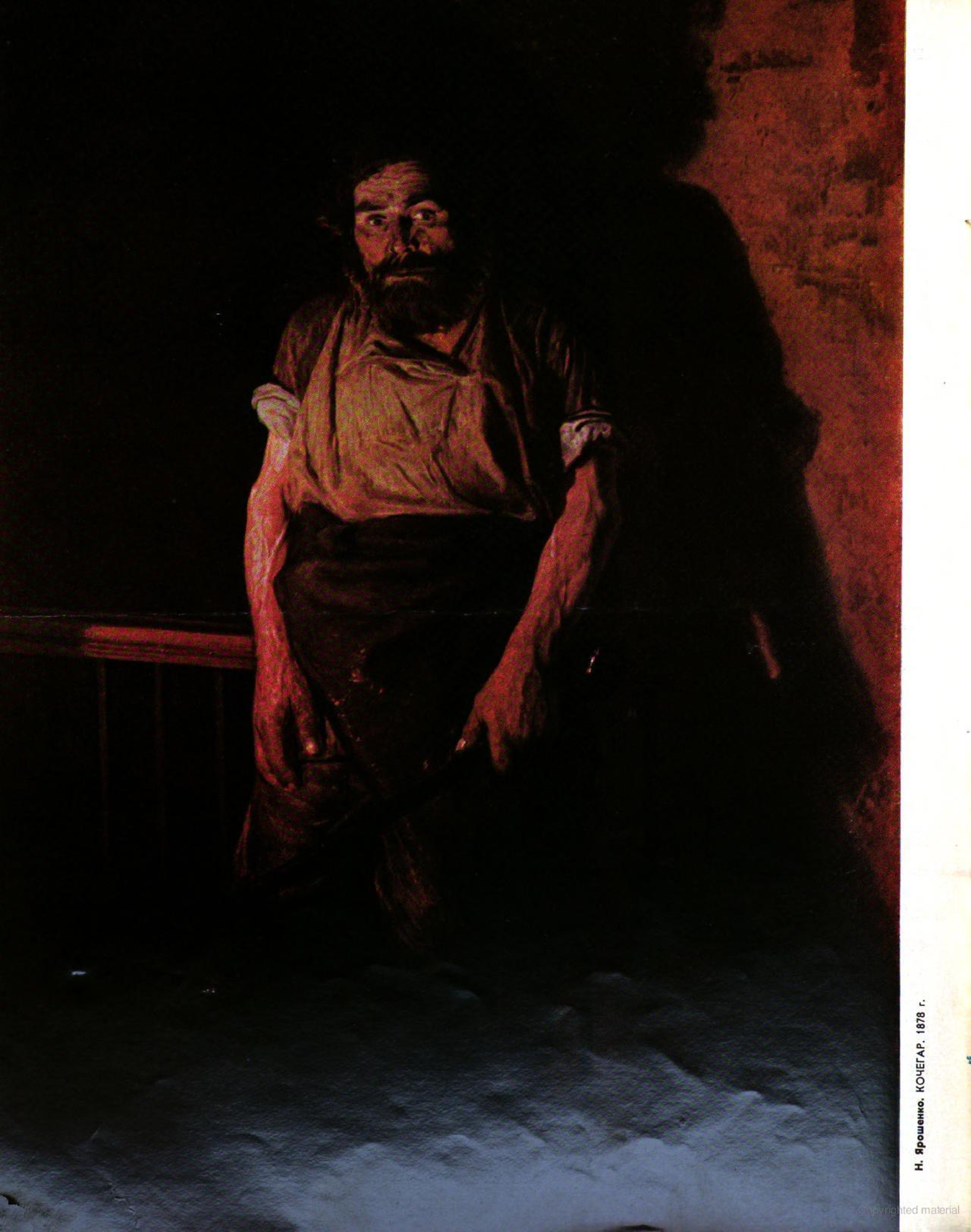
— Ну, ловкач! — восхищенно воскликнул дядюшка Андреен.— И на эту удочку он пытается поймать меня, старого кита! Впрочем, молчу, молчу! Лишь бы все кончилось хорошо!

Толубеев покинул его и поспешил к своему рабочему ящику. На площадке у термической печи уже возился другой термист. Толубеев надел пальто и побежал к выходу.

На проходной его уже ждали. Охранник отщелкнул на автоматических часах время ухода и вернул пропуск. Второй человек в проходной оказался шофером Масона. Толубеев по-мальчишески порадовался тому, что, помня об уикэнде, надел сегодня свой един-

В. Перов. «ТРОЙКА». 1866 г.

Ф. Васильев. ПЕРЕД ДОЖДЕМ.

Н. Ярошенко. КОЧЕГАР. 1878 г.

ственный выходной костюм. Пусть потом будет хоть потоп, но перед господином Масоном он предстанет «в форме».

Шофер не заговаривал. Он гнал машину в деловую часть города со скоростью не меньше ста.

Молоденькая женщина-секретарь встретила его восхищенным взглядом. Раньше здесь работала суровая дама, не умевшая улыбаться.

— Господин Толубеев? Господин Масон вас ждет.

Он вошел в знакомый кабинет. Ничего тут не изменилось. Арвид Масон, все такой же подтянутый, чуть больше поседевший, встал из-за стола, протянул руку.

— Здравствуйте, господин Толубеев.

Толубеев физически ощутил его оценивающий взгляд. Неизвестно, каким ожидал Масон увидеть своего бывшего заказчика, но взгляд его стал спокойнее: Толубеев изменился только физически, но одет прилично, держится так же уверенно, как и в те времена, когда подписывал с Масоном миллионные контракты на поставки высококачественной стали.

— Как вы оказались в Осло? — спросил Масон.

— Бежал из немецкого лагеря на севере Норвегии.

— А вы не могли выбрать другую страну? — язвительно спросил Масон.

— В Финляндии тоже немцы.

— Могли бы перебраться в Исландию. Там довольно гостеприимные люди.

— Мне больше нравится Норвегия.

— Признаться, я всегда боялся, что вы еще встанете на моей дороге. Большевики — люди неожиданные.

— Благодарите Гитлера. Если бы не он, я бы работал на своем Урале и не беспокоил вас. Но как вы меня разыскали?

— Очень просто. Вот! — Масон положил на стол несколько снимков.

На снимках были изображены он и Вита. На первом — возле ворот парка. Затем — идущие по улице. И еще — в ресторане.

— Ловко работают ваши сыщики!

— А что делать? Вита — одна из самых богатых невест в стране. А вдруг это были бы не вы, а какой-нибудь прощелыга? Вас я хоть знаю, и знаю, что вам не разрешены браки с иностранками...

— Так это вы пожаловались на меня чиновнику из нашего посольства?

— К сожалению, да.

— О чем же вы теперь сожалеете?

— Надо было подождать несколько дней, и война сама списала бы вас с горизонта. А теперь я вынужден вновь заниматься вами... Хотите кофе? Коньяку? — Он нажал кнопку, сказал появившейся в двери секретарше: — Кофе и коньяк. — Когда секретарша вышла, продолжал: — А выглядите вы ужасно! Я не верил, что в немецких лагерях так плохо, но отныне буду осторожнее в выводах.

Молча выпили кофе с коньяком. Толубеев понимал, что этому великану есть о чем подумать. Мать Виты умерла несколько лет назад, но Арвид Масон не женился больше. Было похоже, что он действительно отдал Вите все свои чувства. И недаром он помянул о том давнем происшествии в посольстве. С таким же хладнокровием он может передать неблагоприятный отзыв о русском в полицию, а если этого покажется мало, — прямо в гестапо. С Арвидом Масоном ухо надо держать востро...

— Что вы намерены делать, господин Толубеев?

— К сожалению, я не могу выехать в Россию, придется ждать нашей победы...

— Победы? — Господин Масон казался чрезвычайно удивленным. — А вы знаете, что немцы снова заняли Харьков? Вы вообще что-нибудь знаете о положении на фронтах? — Он встал из-за стола и прошел к простенку, затянутому синим шелком, дернул за шнурок, и перед Толубеевым оказалась карта мира со множеством флажков: английских, американских, японских, немецких, русских...

Толубеев подошел к карте. Ничего не скажешь, промышленник Арвид Масон чувствовал себя по меньшей мере начальником генерального штаба. Воюющий мир получал его оценку, по-видимому, не реже двух раз в сутки, согласно утренним и вечерним сводкам.

— Возможно, что немцы действительно потеснили нас на юге, — холодно сказал Толубеев, — но зато мы так далеко отогнали их от Москвы, от Сталинграда, от Майкопа и Грозного, что каждое их следующее наступление неизбежно превратится в их поражение!

Арвид Масон хмуро посмотрел на Толубеева и задернул карту. Вернувшись к столу, он заговорил сухо, жестко:

— Собственно, вас следовало бы вернуть обратно в лагерь. Но вы были отличным партнером в те далекие времена, когда мир мог торговать свободно. Оставаться на заводе вам опасно: там довольно много беженцев из Латвии, Эстонии и Литвы. А они относятся к русским с такой же мстительностью, как и немцы. Я полагаю, что вы остались инженером? И, вероятно, у вас есть особый интерес к нашему экспорту? Я оставлю вас у себя в конторе инженером-консультантом по экспорту руды. Но Виту я увезу завтра в Германию...

Нанеся этот удар, он искоса взглянул на Толубеева. Толубеев опустил глаза.

Масон подождал, потом снова вызвал секретаршу:

— Господин Толубеев будет работать у нас. Передайте ему ключи от помещения номер шесть. Приготовьте и передайте господину Толубееву все отчеты по экспорту руды за прошлый год и помесячные за этот. Господин Толубеев подчиняется мне. Приказ бухгалтеру я передам сам.

Секретарша внесла в свой блокнот распоряжения Масона и вышла.

Масон продолжал:

— Обратите особое внимание на нашу переписку со шведским акционерным обществом «Трафик». Нам пришлось пойти на сделку с ними, чтобы немцы не вздумали конфисковать наши рудники. Иногда они разрешают себе такие вольности. А шведы обмениваются с нами заслуживающей внимания информацией! — Он помолчал и перешел к другому: — Думаю, жить вам лучше у ваших друзей. Переезд в гостиницу вызовет много лишних хлопот. Сегодня уладьте ваши дела на заводе, а в понедельник с утра приступайте к новым обязанностям. Я увижу вас через неделю.

Прощался он озабоченно, думая уже о чем-то своем. Толубеев пришел в себя только на улице.

Он не понял, хотел ли господин Масон держать его при себе, чтобы обезопасить свое гнездо, или ему кто-то посоветовал приютить бедного беженца. Но кто? Вита? Люди Кристианса? Свенссоны?

Из ближайшего автомата он позвонил Вите.

— Я должен тебя увидеть, и как можно быстрее, — тихо сказал он.

— Мы же отправляемся в усадьбу на уикэнд! — возразила она. — И добавила: — Правда, мы пробудем только до утра: отец будет ждать меня к двенадцати. Я заеду за тобой в час дня...

Он еще успел съездить на завод и получить расчет. Мастер Андреен с явным беспокойством встретил его сообщение о том, что он снова превращается в инженера.

4.

УТРЕННЕЕ СООБЩЕНИЕ

«В течение ночи на 16 марта наши войска вели бои на прежних направлениях».

Совинформбюро.
16 марта 1943 года.

Вита была весело возбуждена.

Усадив Толубеева рядом, она спросила:

— Ты был у отца?

Он внимательно посмотрел на нее. Она осторожно вела машину в потоке вырывавшихся за город состоятельных людей. Менее состоятельные стояли в очередях на автобусы, и каждый держал в руках лыжи, а за спиной — рюкзак с продуктами, а то и собранную, подобно парашюту, палатку. Весь город уезжал на лыжную прогулку.

День был мягкий, светлый. Магазины закрывались, чтобы вновь открыться в понедельник, и девушки, стайками выбегавшие из дверей, были в брюках, в лыжных свитерах. Так повелось уже давно: конец субботы и все воскресенье были отданы спорту и загородным прогулкам, и завоевание страны немцами как будто не мешало этому обычаю.

Вита нашла в зеркальце лицо Толубеева, пояснила:

— Утром я увидела на столе у отца наши фотографии. По-видимому, я чем-то выдала себя, иначе он не поручил бы следить за мной. Тогда я сказала, что он должен помочь тебе...

— А ты знаешь, что он завтра увозит тебя в Германию?

«АДАЖИ» ПРЕДЛАГАЕТ СУВЕНИРЫ

В Риге, в магазине, где продают сувениры, я услышал такую просьбу нескольких покупателей: «Что вы можете предложить из сувениров «Адажи»?» И тут же на прилавке появились изящные, похожие на цветок колокольчика подсвечники, декоративные тарелки, миниатюрные пивные бочонки. Я спросил у продавца: «Что это за фирма «Адажи»?» Он улыбнулся: «Это латвийский колхоз, знаменитый в нашей республике... Целый комбинат...»

На следующий день я побывал в «Адажи» и понял, чем знаменит этот колхоз, который действительно под стать целому комбинату. Коммунист Иосиф Владиславович Кукель — он уже двенадцать лет председательствует тут — знакомил меня с владениями «Адажи».

Сувениры здесь далеко не главное занятие. Это так, между делом. А главное — тепличное хозяйство. Теплицы необычные. Стекла не увидишь. Четыре гектара покрыты полиэтиленовой пленкой. Просто, быстро, дешево — в шесть раз дешевле обычных, стеклянных теплиц. Чтобы продлить срок службы пленки — с восьми месяцев до пяти-шести лет, — инженеры колхоза (есть тут и такие специальности) сами изобрели машину, которая склеивает пленку в два слоя, а между ними — нити тонкой проволоки.

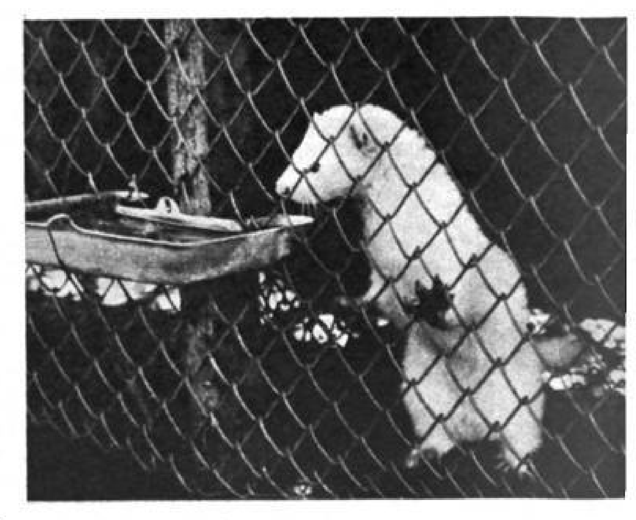
Идут из этих теплиц в Ригу помидоры, огурцы, идут круглый год в разные магазины. Есть и свой фирменный магазин цветов.

Славится колхоз птицефермами и зверофермами, прудами и ульями и всякими предприятиями, где мастерят не только полюбившиеся рижанам и туристам сувениры, но столь нужные в хозяйстве и, к сожалению, не очень-то опекаемые промышленностью топорища, ручки для лопат, паркет. Доходы от всего этого колхоз получает большие. И что очень важно — это доходы от отходов. Идут здесь в дело отходы рижских мебельных фабрик, станки, списанные заводами.

Хорошо трудятся, хорошо живут люди в колхозе «Адажи». К их услугам двухэтажные кирпичные дома со всеми удобствами, своя больница, клуб, стадион; местная мотобольная команда заняла первое место в республике.

Вот что такое «Адажи», о котором я впервые услышал в магазине сувениров.

Г. СМЕХОВ
Фото автора.

На колхозной звероферме.

— О, это всего на неделю! Я всегда езжу с ним.
— Ты не знаешь, что за программа в этой поездке?
— Отца пригласили на какое-то торжество у Круппов. А почему это тебя занимает? — Она на мгновение отвела взгляд от осевой линии шоссе и взглянула на Толубеева.
— Пожалуйста, осторожнее! — жалобно сказал он. За эти два года он совсем отвык от шумного городского движения, и ему все казалось, что встречные машины вот-вот раздавят маленький автомобиль «БМВ», который вела Вита. В город шли только мощные грузовики: завозили свежие продукты и товары на будущую неделю.
Вита опять устремила взгляд вперед, но маленькая морщинка меж бровями показывала, что ее что-то заботит.
Поток машин понемногу разбегался в стороны, ехать становилось легче.
— Вольдя, — жалобно сказала она, — отец сказал, что ты скоро исчезнешь. Это правда?
— Я уже говорил тебе, что я солдат и что никто не освобождал меня от присяги. Я должен воевать вместе с моим народом...
— А как же я?
— После войны я обязательно приеду к тебе...
Про себя он подумал: «Если полковник Кристианс не запретит...».
— Я знаю, что у вас трудно выехать за границу, — печально сказала она. И вдруг оживилась: — Но ведь я уже совершеннолетняя, и я могу приехать к тебе...
Он подумал о том, какой выйдет страна из войны, как трудно будет этому избалованному ребенку среди всеобщей разрухи и уничтожения, но спорить не стал. Может быть, она и на самом деле рискнет. А сам он, вернувшись, не будет таким мямлей, чтобы позволять кому-то другому решать за него его собственную судьбу. Он любит, и этого достаточно для того, чтобы отстаивать свое право на счастье и доказать свою правоту.
— Мы будем вместе! — твердо сказал он.
— Что тебе, советскому солдату, нужно здесь? — строго спросила она. — Я ведь вижу, что ты чем-то обеспокоен!
— Я хочу помочь моей стране победить!
— Это называется шпионаж? — спросила она.
— Нет, это называется разведка.
— Против маленькой побежденной Норвегии?
— Против вашего «великого соседа», которому вы так успешно помогаете.
— А что может сделать наша маленькая страна?
— Однако ж твои друзья борются?
— Разве это борьба? Так, игра в «Красный Крест». Борются те, кто начиняет снаряды песком вместо тринитротолуола, кто снабжает авиабомбы пустыми взрывателями.
— Разве ты знаешь таких?
— В газетах их называют саботажниками, а суды Квислинга приговаривают их к расстрелу...
Она прикусила губу и увеличила скорость, словно испугалась своих слов и пыталась убежать от них. Толубеев замолчал.
Шоссе вынырнуло из рощ и перелесков на берег озера. По прибрежному льду, покрытому мягким снегом и исчерченному множеством лыжных следов, двигались толпы лыжников. Появились виллы и усадьбы, маленькие рестораны, кафе. Возле дверей этих заведений были наставлены десятки лыж, цветные палки стояли шпалерами.
Неожиданно появилась и знакомая усадьба. Ворота были гостеприимно распахнуты.
Вита остановила машину у крыльца, и Толубеев помог ей выгрузить сумки, чемодан, свертки. Вита открыла гараж и завела туда машину.
Никто не встречал их, но в доме было жарко натоплено, в столовой накрыт стол на два куверта. Стояли бутылка вина и бутылка виски, вода, фрукты, в теплящейся слабым газом духовке виднелись ароматно пахнущие кастрюли.

Настроение у Виты опять изменилось, она оживленно запела: «Обедать, обедать, обедать!» — побежала умываться, а когда вышла к столу, Толубеев с восхищенным изумлением увидел ее в вечернем платье.
— Это наш маленький праздник! — воскликнула она и пожалела: — Почему ты, Вольдя, не в смокинге? Хотя, я помню, советские никогда не надевали вечерних костюмов. Почему?
— У нас это просто не принято...
— Суровая простота? — поддразнила она.
— Если хочешь, да. — И процитировал запомнившиеся стихи: — «Тяжелую науку мы прошли, как строить города в лесах косматых, водить в морях полярных корабли, навстречу солнцу плыть на стратостатах. Не плача, мертвых хоронили мы, на праздник часто только воду пили, встав на пороге смертоносной тьмы, у господа пощады не просили. Мы только думали богато жить, и лучшим другом нам была надежда, и девушек просили нас любить — какими есть — в рабочей прозодежде...»
— Да, суровая простота! — задумчиво повторила она. — Но, может быть, это лучше нашего суетного и безжалостного мира? — Она посмотрела на Толубеева с надеждой.
— Это просто мой мир! — напомнил он. — И я не хочу другого.
— Значит, я должна принять твою веру, — тихо сказала она. — Как девушка-протестантка, полюбив католика, переходит в его веру...
Он промолчал. На протестантку она никак не походила, да и весь уклад этого дома, этот торжественный обед, это прекрасное и, наверно, очень дорогое платье — все это было в таком противоречии с ее словами, что превращало их в игру.
Но она и сама оборвала разговор, принялась угощать его, ухаживать за ним, изображая любящую жену, наконец-то дождавшуюся мужа и стремящуюся доставить ему максимум удовольствия. И он невольно подчинился и этой милой игре.
И весь уикэнд был чудом: с лыжами, с долгим сидением у камина, с ласковыми словами, с веселым ужином около полуночи.
Утром он проснулся оттого, что она пристально и даже сурово разглядывала его лицо, сидя возле кровати на низеньком стуле. Она была одета по-городскому, и он невольно взглянул на часы. Было десять.
— Что ты так смотришь на меня?
— Хочу понять.
Нагнулась, поцеловала долгим поцелуем, выпрямилась, пошла к двери.
— Поторопись к завтраку!
Он быстро побрился и вышел в столовую.
Вита была задумчивой, немного грустной. Он подумал: «Жалеет о разлуке!»
После завтрака она сказала:
— Ты можешь остаться на весь день. Я позвоню Свенссонам, чтобы они захватили тебя на своей машине.
— Нет, я поеду с тобой.
— Спасибо.
Убрала посуду, приготовила свой чемодан. Владимир изредка ловил ее задумчивые взгляды. Потом присела к пустому столу, положила подбородок на ладони, долго смотрела, вдруг спросила:
— Что тебя интересует в Германии?
— Ты хочешь быть моими глазами?
— Нет, твоей душой, — ответила она серьезно.
Он подумал: больше ты никому не можешь довериться! Любимый человек — это и есть твоя душа. Ты знаешь ее душу, почему же ты полагал, что она не узнает тоску твоей души? Господин Арвид Масон не столько ее отец, сколько твой противник. А она твоя порука и твоя защита. Пусть она будет твоими глазами и твоей душой, может быть, ей будет даже легче жить!
— Почему ты молчишь? — спросила она.
— Я думаю. То, о чем я могу попросить тебя, опасно...
— А ты думаешь, что состоять в Сопротивлении не опасно? Я ведь не знала, кому помогаю. Предыдущая группа на нашей станции Скрытой дороги осенью прошлого года приняла английского летчика и переправила его в Исландию. А через неделю он оказался в Берлине и выдал всех, кто ему помогал. Они получили по десять лет тюремного заключения!
— Надеюсь, что их освободят значительно раньше...
— Ты убежден в этом? — строго спросила она.
— Дорогая моя, за нашими плечами не только наша сила и сплоченность, но и наша история! И разве вы, участвующие в Сопротивлении, не видите этого?
— Мне кажется, что многие из Сопротивления действуют по странному принципу: болеют за слабую команду.
— А ты?
— Я болею за тебя... Но это только поможет мне выполнить твою просьбу!
— Ты уверена, что у меня есть особая просьба?
— Но ведь ты сам сказал, что ты солдат и никто не освобождал тебя от присяги!
— Да.
— Тогда говори.
— Хорошо. — Он собирался с мыслями, а она нетерпеливо смотрела в его глаза, словно пыталась прочитать его мысли. Тогда он заговорил так же, как говорили с ним самим. Тут не было места недомолвкам.
— Я знаю, что немцы переориентировали вашу горную промышленность. Они закупают не только железную руду, но и большое количество таких материалов, которые нужны для создания особо качественных сталей. С моей точки зрения, это значит, что они начали выпускать особо опасные для нас танки и самоходные пушки. Мне нужно знать, так ли это, и услышать хотя бы приблизительное описание этих возможных машин. Твоего отца, несомненно, пригласят на заводы, которые съедают норвежскую руду и руду «Трафика», — это принято у промышленников, а немцам после недавних поражений крайне необходимо похвалиться своими силами. Они знают, что твой отец не выдаст их секретов. Но если ты пожелаешь, ты можешь увидеть в с е э т о моими глазами...
— И только-то? — но тут же устыдилась необдуманного ребяческого восклицания и сказала значительно, строго: — Я буду твоими глазами т а м!
Это прозвучало, как клятва.
Все другие слова показались бы легкомысленными, поэтому она заторопилась к машине.
Только когда подъезжали к городу, она вдруг спросила:
— Неужели это так важно для тебя?
— Видишь ли, — осторожно объяснил он, — немцы потерпели крупнейшее поражение за всю войну. Сейчас у них идет перегруппировка сил. Они считают, что решающее сражение, а вместе с ним и их победа, произойдет летом, когда танки смогут маневрировать без помех. Мы должны встретить их во всеоружии и разгромить до конца! Возможно, это сражение не будет еще концом войны, слишком далеко они прорвались в Россию, но оно должно стать началом их конца, как Сталинград стал могилой их армий...
— Я понимаю и все-таки чувствую себя странно. Неужели я могу сделать что-то такое, от чего будет зависеть ход истории?..
Он улыбнулся и пошутил:
— У нас говорят, что ход истории от отдельной личности не зависит, но каждая личность участвует в историческом процессе на той или другой стороне борющихся сил.
— Но ведь есть же нейтральные страны, люди, личности?
— Нейтральная Швеция так много дала Гитлеру, что я судил бы ее за этот нейтралитет! — жестко ответил он.
— Да, ты прав, — грустно ответила она.
Она остановила машину у парка, прильнула на мгновение, тихо отстранилась, сказала:
— Я сделаю все, что смогу.

Продолжение следует.

ТЕАТР

На эзоповом языке

Н. ТОЛЧЕНОВА

Сравнительно небольшим тиражом — немногим более 20 тысяч экземпляров — выходит в свет ежемесячный «толстый» журнал «Театр».

Естественно, что для работников искусства сцены каждая новая книжка «Театра» должна быть событием. Тут надеешься прочитать статью с глубоким теоретическим обобщением истинно передового опыта; найти раздумье об острых по форме, хотя и далеко не всегда положительных экспериментах иных театральных коллективов. Умный друг, внимательный, чуткий наставник театров, их постоянный идейный руководитель — вот каким мыслится журнал «Театр». К сожалению, практика его редакционной деятельности далека от идеала.

Конечно, временами на страницах «Театра» появляются серьезные, полезные театрам выступления; но их — от номера к номеру — встречаешь все реже. И все настойчивей, все заметнее утверждает себя такая критика, которую назвать иначе, чем ошибочной, групповой, нельзя.

За последнее время эта критика вообще заняла в журнале ведущее место.

«Театр» все чаще разговаривает с читателями на некоем эзоповом языке; на некой волне, словно запрограммированной между строк во многих выступлениях, будь то рецензия на спектакль, творческая зарисовка, литературный портрет режиссера или актера, впечатления от выставок и даже заметки о модах... Отсюда известное своеобразие, каким отличаются все эти «концептуальные» материалы: своеобразие, определяющее всегда витиеватую, «изысканную» форму и весьма туманное содержание высказываний, нацеливающих работников искусства на скептическое, неприязненное отношение к нынешнему времени, на критическое изображение этого времени в постановках театров.

Читая и перечитывая некоторые статьи, мысленно спрашиваешь себя: в какое время и где мы живем?.. Почему авторы советского журнала трагически вопят о всеобщей утрате совести, о том, что пора пробудиться человеческому в человеке?!. Почему быть современным на языке журнала «Театр» значит видеть только недостатки в окружающем? Почему «на ура» принимается такое прочтение русской классики, которое за уши притягивает героев прошлого в современное общество?.. Почему журнал с таким упорством порочит работу замечательных русских театров — МХАТа и Малого в Москве, театра имени Пушкина в Ленинграде,— никогда не упуская случая задеть их побольнее?..

По правде говоря, грустно видеть «место», которое занял журнал, призванный играть немаловажную роль в острейшей идеологической схватке борющихся лагерей.

Не будем, однако, голословными. Раскроем статью А. Анастасьева «Сорок лет спустя» (№ 5, 1968 г.). Здесь идет весьма важный разговор о революционной классике, о секрете ее возрождения на сегодняшней сцене. В чем же он?.. Послушаем критика.

«Спектакль получается тогда, когда пьеса, независимо когда и кем написанная (!!), вызывает у режиссера и сценического коллектива органическое желание сказать важное о жизни, о нынешней жизни»,— настаивает А. Анастасьев.

Ну, а если пьеса все же говорит о Революции, как, например, «Любовь Яровая», тогда как быть?.. Ищите **личную драму** героев, советует критик. Только так может вспыхнуть интерес к Любови Яровой, минуя **«штампы восприятия»**!.. Надо, чтобы вместо привычного облика героини в спектакле появились **«девушки, оставшиеся одинокими, без опоры, в годы последней войны»**.

Значит, содержание главного образа, его «зерно» — **одиночество!** А как же быть с революционной героикой — душой образа? Как быть с тем, что сыграла великая русская актриса В. Н. Пашенная, впервые утвердив на сцене Малого театра революционную, народную драматургию, метод социалистического реализма в творчестве сцены?!

Размышляя об этом, А. Анастасьев с сокрушением сообщает, что недавно прослушал запись голоса В. Н. Пашенной в роли Любови Яровой. И вот, что делать, критику жаль, но сегодня интонации и героини и самой актрисы кажутся ему «искусственными, риторичными, декламационно-подчеркнутая героичность характера лишает его жизненности»!.. Видите, как вредна в наше время устарелая «героичность»!

Но, может быть, вы еще не твердо уяснили это, и вам требуется более отчетливая мысль о ниспровержении монументально-героического спектакля,— самих устоев Малого театра? Пожалуйста: «Недавняя попытка Малого театра заново поставить треневскую драму окончилась неудачей»,— пишет критик. Причина, по его мнению, одна: **«театр чрезмерно доверился традиции»!**

Зато как большую удачу А. Анастасьев преподносит попытку Центрального детского театра показать «Любовь Яровую», начисто отказавшись от героики. Показать всего лишь как драму «совсем еще молодой, **незащищенной перед жизнью** (!) женщины».

В основе более чем спорного замысла постановщиков «Любови Яровой» В. Бейлиса и В. Иванова А. Анастасьев категорически усматривает «плодотворное намерение»; в трактовке критика это намерение прежде всего направлено на подрыв «устоев» и традиций, «штампов» героики!..

Еще более категорические «установочные» мысли высказаны А. Альтшуллером и В. Дмитриевским в «Диалоге заинтересованных лиц» (№ 6, 1968 г.) по поводу идейного и художественного облика Театра имени А. С. Пушкина в Ленинграде.

Уже в самом начале статьи творческому коллективу объявлен приговор. «Театры умирают, когда обнаруживается, что сказано уже все, когда голос становится слабым...— говорится в статье.— Смерть такого театра закономерна. В этом тоже проявляется потребность времени».

Подлинный успех Театра имени А. С. Пушкина у зрителя — успех, о котором говорят аншлаги, авторов статьи ничуть не радует. Они объявляют «Марию Тюдор» в режиссуре И. Горбачева «заурядной мелодрамой»; в спектакле «На диком бреге» Полевого, по их мнению, «не было глубокой социальной правды времени, а живо игрался древний поединок злодея Петина и добродея Литвинова»; эпопея Ю. Германа также обругана: это «хорошо отработанный трафарет типизированных сценических масок»; тургеневский «Нахлебник» поставлен молодым режиссером, и его попрекнули «наивным упрощенчеством трактовки».

Как же надо было прочитать «Нахлебника»? Чтобы, глядя на сцену, зрители в образах крепостников «угадывали» нынешних людей, нынешние отношения? Так, что ли? В подобном случае спектакль, вероятно, удостоился бы похвалы и поддержки.

— Да разве это возможно? — спросит в изумлении неискушенный читатель... Он не задал бы такого вопроса, если бы внимательно следил за журналом, за теми советами и подсказками, с которыми критика обращается к театрам; за той похвалой и той бранью, которую тут раздают далеко не случайно...

Вот, к примеру, статья З. Владимировой о режиссуре М. О. Кнебель (№ 6, 1968 г.). Критик восхищается мудростью режиссерского взгляда, «имеющего не только исторический, но и более общий (?), философский смысл». Каков же этот смысл? В разных спектаклях разный, конечно, но общее всегда есть: «из спектакля в спектакль твердит она о том, что **быть порядочным очень трудно** (!)...» Правда, в «Традиционном сборе» М. О. Кнебель — «оптимистка, она как и Розов, верит в то, что хороших людей больше». А вот в «Вишневом саде», по мнению критика, современной становится модная тема... **«некоммуникабельности»...** Люди «не слушают, не понимают друг друга, они в **«кругу»** своих собственных бесконечных раздумий, в которые нельзя заставить вникнуть никого»!

Драматургию Чехова журнал «Театр» с редким упорством ставит в один ряд с «современной» драматургией, не удовлетворенной сегодняшним днем, оплакивающей нынешнее поколение.

«Связь» тут проводится самая прямая; «не удивительно,— пишет, например, Г. Холодова,— представить себе Чехова на сцене театра, где впервые игрался Розов с несчастливым концом, Розов, у которого день свадьбы кончился разрывом. На сцене, где идет пьеса Арбузова, всех трех героев которой автор называет «бедными»: бедный Марат, бедная Лика, бедный Леонидик... На сцене, куда молодой Радзинский... принес и тревоги и нерешенные проблемы своего поколения» (ясности ради надо сказать, что речь идет о сцене Театра имени Ленинского комсомола в Москве, когда им руководил А. Эфрос).

Журнал ничуть не был смущен тем, что сам-то Чехов о своей «Чайке» писал: «Роль Нины для меня

все». А вот «для Эфроса все — Треплев, треплевская тема»,— объявляет Г. Холодова.

Не стоит даже спрашивать: почему, на каком основании возможна столь кощунственная «переакцентировка». Нам с апломбом говорят: «Для Чехова в «Чайке» главное еще (!) Нина, а для нас уже (!) Треплев. Треплев, которого играл во МХАТе Мейерхольд, ставший через четыре года после премьеры «Чайки» во главе маленькой труппы в провинции, чтобы искать новые формы нового искусства»!.. (№ 1, 1968 г.)

Теперь-то ясно вам, какие тут сложные «подтексты»?! И все, кто не с Треплевым, все, кто против него, бесповоротно осуждены А. Эфросом, а потом и журналом «Театр» как ретрограды, консерваторы.

О «Чайке» А. Эфроса на страницах «Театра» вообще написано много; в том числе большая статья Е. Поляковой, где мхатовская — «хрестоматийная» классика прямо противопоставлена спектаклю Эфроса, якобы открывшему некую «еретически-гениальную пьесу»!..

Ради чего же она открыта! «Ради чего поставлен этот беспощадный, резкий, дисгармоничный спектакль!» — спрашивает критик. И отвечает: «...разговор в нем идет о важном, о волнующем. Не будьте такими, не живите так, не губите себя и других... Это спектакль о том, как легко потеряться в жизни, запутаться в мелочах ее, в них видя свое счастье и свои беды...»

А ведь Е. Полякова тоже, конечно, знает, что для Чехова главное в «Чайке» — высокая судьба, великий подвиг Нины, человеческая ее душа, сумевшая преодолеть и мелочи и большое горе... А вот поди ж ты, Е. Полякова не только не спорит с трактовкой А. Эфроса, а видит в ней «раскрытие живого, волнующего, **помогающего жить сегодня»**.

Зато рассматривая, скажем, интереснейшую новую постановку «Ревизора» в МХАТе, Е. Полякова откровенно выражает свое неудовольствие. Твердо считая спектакль заурядным, она видит его «гораздо более спокойно-традиционным и гораздо менее новаторским, чем представляется это другим критикам» (№ 7, 1967 г.).

Подобная необъективность суждений, их предвзятость особенно бросаются в глаза, когда рядом с ними видишь неизменно завышенную оценку работ А. Эфроса, Ю. Любимова и некоторых других режиссеров.

Думается, именно пристрастные отношения, групповые взгляды критиков журнала «Театр» больше всего и принесли вреда советскому сценическому искусству. Потому, что при всей «яркости» и «остроте» приемы особенно восхваляемой журналом режиссуры либо во многом взяты из сценического арсенала прошлых лет, либо навеяны «дерзкими» постановками разных «ниспровергателей традиций» за рубежом.

Ошибка — **именно в позиции критики**, поспешно объявившей о «гениальности поисков» А. Эфроса, Ю. Любимова и других режиссеров, которые — в изображении критиков «Театра» — вдруг предстали этакими «предтечами» советской сцены, «ниспровергателями» всего якобы устарелого, негодного, отжившего на театре.

И, наоборот: такими же «устарелыми», ненужными, «хрестоматийными» объявляются критиками спектакли многих театров страны, если они выходят без «новаций» и «откровений», в конечном итоге так или иначе направленных против «власть имущих».

Как раз в этом отношении обращает на себя внимание статья М. Строевой. Не жалея похвал, пишет она о спектакле Ю. Любимова «Жизнь Галилея» (№ 9, 1966 г.).

Чтобы лишний раз польстить Ю. Любимову, критик не стесняется бросить камень даже в автора пьесы, Бертольта Брехта.

«Тяжеловесное, перенасыщенное (!) мыслью произведение,— заявляет М. Строева,— Юрий Любимов берет на абордаж (!) без всякого подобострастия (!). Громоздкое судно поторапливает. Вольно и азартно стремит события вперед...»

Дальше в статье сказано, что «дилеммы» Галилея сейчас, в наше сегодняшнее время, даже «слишком живы. Театр как бы примеряет их на себя. И чувствует, не может не чувствовать на своих плечах их тяжесть».

Каковы же эти сегодняшние дилеммы? — спросите вы. «Отступничество»,— скажут вам.

Галилей отказался от своего призвания, и Брехт объясняет это личными качествами ученого: талант не по силам Галилею. Так бывает. И это тоже трагедия! Но Театру на Таганке подобной трагедии показалось мало. Театр, не задумываясь, переделывает Брехта.

«Обвинение переадресовывается,— ликует М. Строева.— Отступничество Галилея здесь явно и открыто связано с главной обличительной (!) тенденцией спектакля, с ненавистью к **наступлению реакции** на человека. Той реакции,— старательно поясняет критик,— что **цепко сторожит незыблемость священных «устоев»**, душит сомнения, сжигает вслух смелую мысль, обезглавливает истину». Как видим, критика особенно радует в спектакле поношение устоев, традиций, незыблемости убеждений. А ведь они р а з н ы е бывают! Но об этом статья умалчивает.

Впрочем, справедливости ради следует сказать, что кое в чем М. Строева все же ласково «упрекнула» Ю. Любимова. Она считает, что, «переместив центр обвинения, сделав главным своим противником не личный характер героя, а силы реакции, **театр брал на себя обязательство разработать тему «власти»** особенно **тщательно и серьезно.** Без того элемента «капустника», который проскальзывает...» Хотя, вспомнив о молодости исполнителей, критик тут же отечески извиняет режиссуру. Молодым-де еще **не всякие «обвинения власти» по плечу;** вот и приходится режиссеру «остроумно и обаятельно прикрыть забавными театральными «игрушками» актерскую зелень»... А в конце статьи снова умиленное признание **«стойкости»** позиций театра. Позиций «художественных и гражданских».

Ради подобной «гражданственности» М. Строева согласна простить даже такой смертный грех, как не раз обруганная журналом традиционность!.. Кроме шуток: вовсе не для красного словца критиком сказано, что «Традиционный сбор» написан вполне традиционно» (№ 8, 1967 г.). В данном случае крамольная «традиционность» отнюдь не ставится в вину ни театру «Современник», ни драматургу В. Розову. Правда, театру все же пришлось «взорвать» традиционную форму, но только лишь с той целью, чтобы «легче и свободней вылилось гражданское (?) содержание». Чтобы яснее стала основная мысль пьесы: **«Чем выше поднялся человек**, чем большего достиг, **тем заметнее, опаснее становятся его личные грехи...». Но «высоко поднялись» в пьесе только мерзавцы, а все хорошие люди «внизу».**

Неверно было бы думать поэтому, что тема спектакля сводится к «личным грехам». Отнюдь нет! «Нарушение **гармонии между человеком и его делом** и питает драматизм «Традиционного сбора»,— пишет М. Строева. Вот ради чего здесь **«раздевают людей».** Буквально так сказано в статье.

Спектакль заставляет, по мнению М. Строевой, каждого заново пересмотреть свой жизненный выбор, равняясь на героя спектакля Сергея Усова; роль эта выполнена Е. Евстигнеевым, как пишет журнал, выше всяких похвал.

Е. Евстигнеев в комплиментах не нуждается. А все-таки каков же его герой? Как сыграл эту роль актер?.. Послушайте, что рассказывает М. Строева. На сцену Е. Евстигнеев выходит

«самим собой, не натягивая парика, не прихорашиваясь. Лысый? Пусть. Некрасивый? Пусть. Скользящие, обезьяньи ужимки — свои, не заимствованные. Словом, «образ» снят (?). И это снятие «образа» неожиданно дарит актеру поразительную свободу. Он может играть как угодно, чем угодно — спиной (!), ногой (!), поясницей (!), носом (!),— и все будет прекрасно! Всюду будет живая жизнь, а не «образ», который повернут к вам «выразительным ракурсом» (№ 8, 1967 г.).

Подобные «восторги» критиков журнала «Театр» по поводу разрушения, «снятия» образа встречаешь и по адресу некоторых других актеров, играющих **себя.**

Причем и тут и всюду похвалы снова и снова вызывает самое **направление** пьесы и спектакля, хотя впрямую читателям об этом, конечно, почти ничего не говорят! Нет, речь всегда идет будто бы о вопросах вполне профессиональных: о высоком качестве режиссуры, об актерских приспособлениях (нос, поясница)... Лишь кое-где приоткрываются истинные взгляды критиков. И чрезвычайно любопытна в этом плане статья Е. Пульхритудовой «Поэзия закономерностей» (№ 5, 1967 г.).

Здесь критик рассматривает «Обыкновенную историю» в «Современнике», «Чайку» Эфроса, «Смерть Иоанна Грозного» в ЦТСА, «Смерть Тарелкина» в Театре имени Вл. Маяковского. Больше всего восхитила Е. Пульхритудову работа режиссера П. Фоменко над пьесой Сухово-Кобылина, где **«тема ответственности всех и каждого за постыдное состояние общества выдвинута в качестве идейного лейтмотива».**

Следующим спектаклем молодой режиссер еще больше угодил Е. Пульхритудовой. Это — «Дознание» П. Вайса, документальная трагедия о палачах и узниках Освенцима, поставленная Театром на Таганке. Критик особенно восхищается в работах П. Фоменко тем, что они вызывают «способность зрителя мыслить»,— читай: рождают соответствующие аналогии...

Именно в этом плане «во многом различные спектакли вызывают сходное (!) ощущение». Критик считает, что такое сходство, такую общность рождает **«завороженность закономерностью круговорота бесконечно перевоплощающегося зла». Мысль «о всеобщей (!) исторической и социальной вине,— утверждает критик,— может быть продолжена в две диаметрально противоположные стороны».**

В этих эзоповских иносказаниях много неясного. Что за «стороны» социальной вины? Прошлое и настоящее?.. Откуда возникает «завороженность» злом?.. Разгадывать эти загадки не очень легко, но журнал надеется, что догадливый читатель все же сообразит протянуть мысль о «круговороте зла» **в наши дни.** Тут-то и заключено решение задачи!

С таких же позиций расточает всяческие комплименты молодому П. Фоменко и маститый критик А. Аникст. Его статья «Виновники должны быть названы» (№ 6, 1967 г.) агрессивна и наступательна. Опираясь на пьесу и спектакль, А. Аникст опять-таки очень туманно, хотя не без того, чтобы в конечном счете быть разгаданным, пишет:

«Реакционные идеологии всегда строятся на вере, на энтузиазме, быстро перерождающемся в фанатизм... Эта «идеология» отменяет все то, что составляет обыкновенную порядочность. Сын может предать отца, жена — мужа... На первый взгляд корпоративный признак объединяет людей. По существу, он их разъединяет (!). Он утверждает в обществе кастовость»,— пишет А. Аникст.

Как говорится, дальше ехать некуда! Но А. Аникст «едет дальше», с ожесточением понося социальную систему, которая «гордится своим великим создателем»...

Нарочитая завуалированность исторических и социальных намеков, обильно рассыпанных в статье, приводит к аналогиям странным. Но ведь именно этого А. Аникст и добивается! Это цель его статьи. А вовсе не режиссура спектакля, о которой, кстати, и сказано-то среди пространных размышлений совсем немного. Хотя, завершая статью, критик выражает вполне определенное отношение к Таганке и ее творческим кадрам:

«Об искусстве, которое мы любим, о художниках, дорогих нам, надо говорить так, чтобы они чувствовали нашу поддержку иначе, чем раньше. Прежде мы поддерживали их, чтобы они не упали(!). Теперь мы хотим поддерживать их, чтобы они поднялись выше того уровня (!), до которого уже дошли...»

В спектакле «Пугачев» по Есенину Таганка, по мнению критика Н. Крымовой, как раз и «поднялась» до такого именно уровня.

Тут на символах построено все! И спектакль стал «символом». И критическая статья сплошь состоит из фраз символически-загадочных. Но «ключ» найти все-таки можно. Он в жизни и смерти — уже не Пугачева, а самого поэта Есенина.

«На сюжет исторический... Есенин как бы накладывает свой собственный сюжет, психологический, историю человека, возмечтавшего, взметнувшегося — и жестоко преданного,— утверждает Крымова...— Есенин фактически написал о себе, себя ощутив Пугачевым, или, напротив,— в Пугачева вложил свою душу» (№ 4, 1968 г.).

Не удивительно ли рыдание критика над именем поэта, поднятого к жизни революцией? Не удивительна ли позиция театра, который ставит спектакль о Есенине —

Пугачеве на помосте-эшафоте из неструганных досок с деревянными стойками-виселицами? «Ни один из актеров-пугачевцев,— пишет Н. Крымова,— с этого помоста **ни разу не сходит**. Все словно **приговорены** к нему, **обречены** на него».

Пугачева с душой Есенина играет артист Н. Губенко. Игра актера опять оценивается выше похвал, хотя — принципиально! — никакого сходства!.. «Ни смоляной бороды, ни сверкающих черных очей», ничего! Но, оказывается, ничего и не нужно!.. Во-первых, «мода» — как мы уже знаем. Во-вторых, Н. Губенко **«абсолютно верен не истории, но духу спектакля** и тому Пугачеву, который такому спектаклю был **нужен»**, сообщает Н. Крымова.

Когда просматриваешь одну за другой статьи Н. Крымовой, возникает странное впечатление. Кажется, что она ищет «тему» поношения **порядка, государства** всюду, где только может. И уж никак не упустит удобного случая с величайшей похвалой, подробно и цветисто написать об этом на страницах журнала «Театр». Вот ее большая статья, прямо-таки исследование — «Обыкновенный Эльсинор» (№ 1, 1967 г.).

Почему же Эльсинор — родовой замок несчастного принца Гамлета — назван «обыкновенным»?

А вот почему. Непосредственным толчком к «Гамлету», оказывается, послужил фильм «Обыкновенный фашизм», сказано в статье; все скрытые — исторические и социальные — аналогии и тут и там строятся по одному и тому же принципу.

И критик дает дополнительное разъяснение главного «смысла» постановки:

«Конечно же, не о слабом или сильном Гамлете этот спектакль, и не о том, что мешает принцу отомстить за отца, и даже не о том, как молодому человеку открывается мерзость мира и он вступает с ней в борьбу, но о взаимоотношениях свободного по духу человека с деспотическим, бездушным государством, с машиной, которая формирует людей по своему образу и подобию, превращая их в бесформенное и бесхарактерное месиво или, если они не поддаются,— уничтожая».

Гамлет гибнет, уничтожив в себе человека. А на его место приходит «бодрый, решительный юноша» Фортинбрас... Приходит как «символ той же, **наступающей на человека военщины и бессмыслицы»...**

При подобной «трактовке» классики, конечно, у «Театра» нет ни малейшей необходимости заботиться о новых современных пьесах!.. Впрочем, журнал такой заботы и не выражает. Напротив, критик М. Рехельс, например, весьма бодро пишет, что сегодня на театре драматургия вообще уничтожена. Доказывая эту мысль, он ссылается на множество самых громких, самых модных постановок.

«Г. Товстоногов,— говорится в статье,— поставил киносценарий Дугласа и Смита «Не склонившие головы». Ю. Любимов сделал спектакль по книге «10 дней, которые потрясли мир» Дж. Рида, поставил стихи А. Вознесенского... Когда-то А. Дикий сказал, что может поставить задачник по арифметике, отрывной календарь, милицейский протокол. В его шутке содержался пророческий смысл. Сейчас нас уже ничто не удивит (!). Своеобразными спектаклями становятся физкультурные парады, военные игры, комплекс упражнений по тушению пожара, демонстрация мод и даже уроки музыки» (№ 9, 1967 г.).

«Надо снять,— пишет М. Рехельс,— всякие «табу» и «вето» (!). **В искусстве вечных истин нет (!).** Есть живучие. Это ничем не угрожает здравствующим, а тем более умершим и еще не родившимся драматургам. **Места хватит всем».**

Но в самом-то журнале «Театр» «места хватает» только такой драматургии, которая прочно утвердилась на «позициях» унылого, горестного — чаще всего мелодраматического по форме, но достаточно решительного по сути дела — несогласия с нынешним образом жизни.

В драматургии этой никак не заметишь ни действий Советской власти или партии коммунистов, ни народа, строящего коммунизм. Нет в ней героев. Равняться не на кого. Мрак и безлюдье... Персонажи пьес, а вслед за ними режиссеры театров и, наконец, авторы статей и рецензий, печатаемых в журнале «Театр», словно живут не среди советских людей, **а существуют в стороне от них.** В каком-то ином, абстрактном, условном мире... Либо это классика, «переряженная» в современную действительность («Смерть Тарелкина», «Доходное место», «Чайка», «Три сестры», «Обыкновенная история»). Либо — современность под видом сказки («Тень», «Дракон», «Голый король»). Либо — неопределенный, вымышленный конгломерат жизни и фантастики («Назначение», «Аттракционы», «Всегда в продаже», «Обольститель Колобашкин»). Либо — неприкрыто унылые «будни» жизни, крайне односторонне изображенные («Гусиное перо», «В день свадьбы», «Традиционный сбор» и т. п.)...

Выступая с «Заметками редактора» «Год праздничный — год деловой» (№ 1, 1967 г.), редактор журнала «Театр» Ю. Рыбаков очень неопределенно высказался о «желательности жанрового разнообразия» в жизни сцены.

Конечно же, Ю. Рыбаков замечает, что на театре «режиссер стал важнее драматурга, подтекст — важнее текста». Но, видно, эта беда его не тревожит! «Режиссеры **ставят свои опыты — притом превосходные,**— уверенно пишет Ю. Рыбаков,— на чем угодно: подборках стихов, классике, русской и зарубежной, современных переводных пьесах, сценариях, даже телеграммах...»

Опыты... опыты... А вот к чему они сводятся, эти «опыты» (да еще «превосходные»!)?.. На что они **направлены!!** Об этом в статье и слова нет!

Меньше всего смущает Ю. Рыбакова то, что со сцены почти совсем исчезли пьесы, говорящие о героизме народа, о том, чем жив народ, что волнует трудовых людей огромной страны, какие огромные задачи они решают...

Путь на сцену таким пьесам практически **загражден** инакомыслящей критикой. Либо она их поносит, высмеивает и третирует, либо не замечает вовсе.

Ю. Рыбаков считает, что «лучшим (?) представителям нашей литературы и нашего искусства не была свойственна мещанская (?) по сути оглядка, боязнь того, что, мол, подумают и что скажут на буржуазной улице».

А жаль, что не было такой «оглядки»!.. Жаль, что ни разу никого не поправил, никому не помог «Театр»!

В статье Ю. Рыбакова никто по имени не назван и ничто не названо. Но тем не менее здесь достаточно внятно определена сама **тенденция.** Указано желаемое для «Театра» **направление** — и драматургии, и режиссуры, и критических выступлений, дающих оценку работы театров.

В работе журнала «Театр» участвует много критиков. Редакция довольна ими! Ю. Рыбаков с гордостью упоминает:

когда-то для критики были такие времена, что она «безнадежно плелась в хвосте, теряла свое влияние на развитие искусства, теряла свою прекрасную роль толкователя отношений искусства и действительности» (№ 1, 1967 г.).

Зато уж, мол, сейчас критики научились писать об искусстве **«в связи с теми общественными проблемами,** которые находят (или не находят) отражение в **конкретной творческой практике».** В этом Ю. Рыбаков ничуть не сомневается!

Он не замечает, что связь с **подлинными проблемами жизни общества** у журнала полностью **отсутствует.** А отражение самих проблем на страницах журнала чаще всего искаженное, кривое...

Тяжело прийти к такому выводу, но в неверной ориентации многих театральных коллективов, многих работников искусства сцены **повинен журнал «Театр».**

Активно печатающиеся в журнале критики и «нацеливали» артистов сцены на отрыв от нашей действительности. От главных ее задач. **От ее идеологии.**

* * *

Уже не первый раз высказываются серьезные критические замечания в адрес редакции журнала «Театр» со стороны коллегии Министерства культуры СССР.

Недавно состоялось совместное заседание коллегии Министерства культуры СССР и секретариата правления Союза писателей СССР, где отчет главного редактора «Театра» Ю. Рыбакова подвергся всестороннему критическому рассмотрению. Работа журнала — во всех важнейших ее аспектах — признана **неудовлетворительной.**

Принято постановление, которое предусматривает не только решительное укрепление руководящих кадров редакции журнала «Театр» и его авторского актива, но позволяет надеяться на **коренное** изменение всего стиля работы, а значит, и того разговора с читателем, который ведется со страниц «Театра»...

Журнал должен наконец стать пропагандистом подлинно передовых, партийных, марксистских взглядов на искусство сцены, борцом за дальнейшее развитие ее революционных реалистических традиций.

„КИНО И МЫ"...

БРАК ЗА СЧЕТ ЗРИТЕЛЯ НЕДОПУСТИМ!

Ни одного свободного места в зале, где проходит конференция «Кино и мы».

Фото В. Филатова.

«Кино и мы» — так выразительно был назван разговор о взаимоотношениях зрителя с современной кинематографией. Он прошел на многолюдной конференции Московского автозавода имени И. А. Лихачева.

Организовал этот интересный, содержательный вечер партийный комитет завода. Собрались не только коммунисты и комсомольцы: проблемы кино касаются всех! Люди хотели поделиться мыслями на волнующую тему, рассмотреть ее всесторонне — что называется, поговорить по душам! Предлогом для разговора послужило напечатанное в № 21 «Огонька» письмо рабочего тов. Строганова о «Ядовитой кинопище», но границы обсуждения в конечном счете оказались неизмеримо более широкими; сам же разговор — глубоко заинтересованный, принципиальный — серьезным и деловым.

Все участники встречи — и ораторы, выступавшие с трибуны, и те, кто в это время один за другим присылали в президиум конференции подробные записки, выражая в них свое мнение,— неизменно подчеркивали, что кино сегодня — это ДЕЛО ОБЩЕНАРОДНОЕ.

Открыл конференцию заместитель секретаря парткома завода Борис Яковлевич Сосков. Слово берет один из старейших работников завода, гравер Борис Петрович Орлов, ударник коммунистического труда. Он с любовью вспоминает о фильмах своей молодости: «Встречный», «Путевка в жизнь», «Цирк», «Веселые ребята»...

Грибной конвейер.

Рисунок И. Сычева.

В каменном веке.

— А все-таки Стрельцов был в офсайте!
Рисунок В. Воеводина.

— Простите, но я танцую только твист!..
Рисунок И. Сычева.

Рисунок В. Воеводина.

— А у меня вчера вот такая нянька ушла!
Рисунок Б. Боссарта.

— Они нам помогали во всех начинаниях, воодушевляли. Мы прошли с ними через всю жизнь. Неправильно, что сегодняшняя советская кинематография ни на молодых, ни на взрослых зрителей не имеет такого глубокого влияния.

Люда Соколинская, контролер ОТК, заместитель секретаря комитета комсомола, с возмущением говорит, что, несмотря на выступления печати, экраны кинотеатров и сейчас «захвачены» бессодержательными зарубежными фильмами. Куда ни пойди,— всюду «Разиня» или, для разнообразия, пошлая картина «Верная рука — друг индейцев». Кроме «Кавказской пленницы», советских кинокомедий нет! Почти все фильмы, выпущенные за последнее время нашими киностудиями, рассказывают о прошлом. А где же фильмы о нас, нынешних людях? — спрашивает комсомолка.— Мы работаем, строим жизнь, а себя в кино не видим! Наша советская, трудовая жизнь, неужто она перестала интересовать мастеров кино?!.

— Мы, сталелитейщики, люди горячей профессии, возможно, не до тонкостей разбираемся в киноискусстве. Но оно нужно нам повседневно,— говорит Константин Сергеевич Николаев, секретарь партийной организации литейного цеха № 1.— Нам нужна не столько «развлекающая», «забавляющая» нас кинематография, сколько серьезное и умное искусство, умеющее идти впереди, звать людей за собой; разговаривать с ними о том, что всерьез их волнует. А важнейшая тема искусства — это всегда тема сегодняшняя! Советский зритель воспитан в духе ВЫСОКОЙ ИДЕИ, большой ТРЕБОВАТЕЛЬНОСТИ. Поэтому мы и не можем принять то «направление», следуя которому создаются многие новые фильмы. Мы не видим в них не только РАБОЧИХ людей, но даже просто людей РАБОТАЮЩИХ! «Героями» становятся какие-то унылые тунеядцы, бездельники, потребители жизни... Время сейчас — неспокойное, бурное. А кино стоит в стороне от этих бурь, не откликается на наши настроения,— да как будто даже и не интересуется ими!..

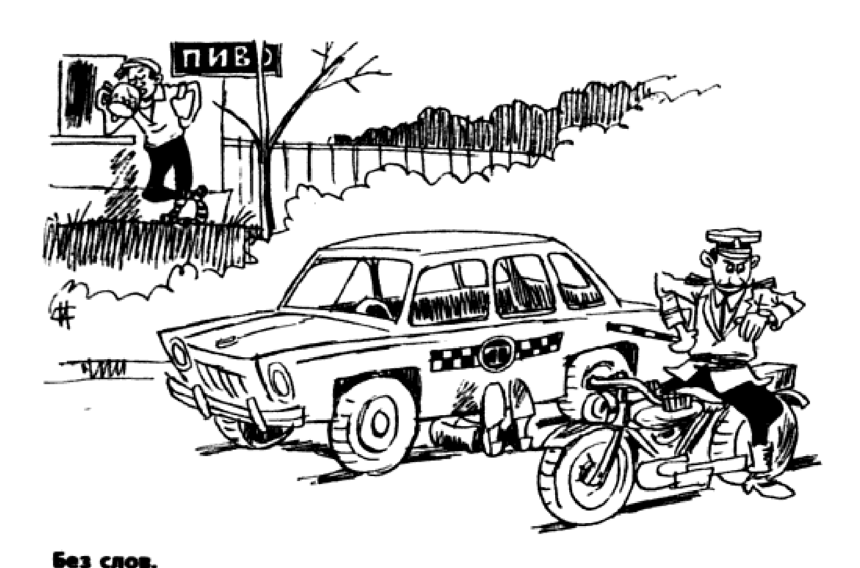
— Если вернуться к разговору о том, с чего мы хотели начать встречу,— с влияния кино на подростков, на юношество,— то этот вопрос надо, на мой взгляд, решать никак не путем обсуждений! — решительно заявляет заместитель директора завода Николай Павлович Кармазин, председатель Совета содействия семье и школе.— Следует самым решительным образом перестроить работу кинопроката, согласно с требованием народа: обезопасить подрастающее поколение от растленного влияния буржуазного кино!.. Вопросы же, которые здесь затронуты, ставят перед работниками кино гораздо более серьезные задачи. Тлетворному влиянию зарубежной макулатуры, выходящей на советский экран, необходимо противопоставить совершенно иное, ОБЛАГОРАЖИВАЮЩЕЕ ВЛИЯНИЕ хороших, нужных людям фильмов. А где они?..

Рабочий экспериментального цеха Владлен Ефимович Коротков, продолжая эту мысль, прямо говорит, что, по его мнению, кинематографистам пора выйти из состояния прорыва. Пусть деятели кино почаще встречаются с рабочими людьми. Пусть узнают их запросы, их точку зрения. И пусть, наконец, дадут нам то,— говорит он сердито,— что нам нужно, что мы сможем противопоставить «Фантомасу»!

— «Фантомас» не следует считать таким уж безобидным развлечением, всего лишь острой пародией на детективы, на безудержную фантастику,— сообщает собравшимся представитель Министерства охраны общественного порядка Николай Иванович Ветров.— Мы протестовали против этой картины,— говорит он,— предвидя ее недоброе влияние на подростков. И действительно, в ряде городов были случаи ограбления квартир, поджоги, нападения и т. п. ...Кое-где появились преступные группы, именующиеся «Шайкой бритоголовых». Тут тоже фильм дал подросткам толчок к свершению антиобщественных, противозаконных поступков. Зато можно привести совершенно противоположный пример. Когда в трудовой колонии показали нашу картину «Неуловимые мстители», педагоги сказали: «Этот фильм — дороже ста лекций!» Таково влияние кино!.. Молодежи нужен идеал!

— Долгий, постепенный «демонтаж коммунизма, коммунистических идей»,— таков наступательный план действий буржуазной идеологии,— сказал в своем выступлении народный артист СССР, кинорежиссер Гр. Александров.— Идет ожесточенный бой идей,— говорит он.— И в нем приходится так или иначе участвовать всем нам, в том числе и зрителям, которых вовлекают в этот «бой». Надо быть умнее, тоньше, догадливее!.. «Фантомас» — это грубая, топорная работа; она влияет на еще незрелую мысль, на детское воображение. А буржуазия готовит сейчас фильмы более тонкого и глубокого действия, будто бы чисто «пролетарского» содержания. В них проводится мысль, что куда лучше «договариваться» с капитализмом, чем бороться против него: тогда, мол, жизнь и станет хороша! Для скрытого «яда» таких фильмов еще трудней находить противоядие!..

— Не только противоядие надо искать, а продуманно отбирать фильмы, выходящие на советский экран,— решительно требует молодой рабочий, заместитель секретаря комитета комсомола Виктор Давыдов.— Не мысли о кассе должны лежать в основе работы прокатчиков, а забота о воспитании людей!

Без слов.

Рисунок И. Сычева.

— Не будет тебе нынче охоты — посидишь денек дома...

Рисунок Б. Боссарта.

Смотреть надо не на прибыли, а на тот вред, который за прибылью кроется!.. Говорят, будто «Фантомас» действует не на всех. Пусть на сто, даже на тысячу человек не подействует, а вдруг тысяча первый сделает глупость, совершит проступок. Но ведь нам и за этого одного человека надо бороться! Надо помешать ему стать преступником!.. И потом еще одно: знают ли в Комитете по кинематографии, как глубоко обижает нас, комсомольцев, что нет ни одного фильма к пятидесятилетию комсомола?!.

— Счет, предъявленный здесь кинематографии, справедлив,— искренне соглашается с аудиторией известнейший советский кинорежиссер Ефим Львович Дзиган.— Добивайтесь же упорнее решения всех тех вопросов, которые вас волнуют! Работать для вас, для народа — это и есть наше счастье!..

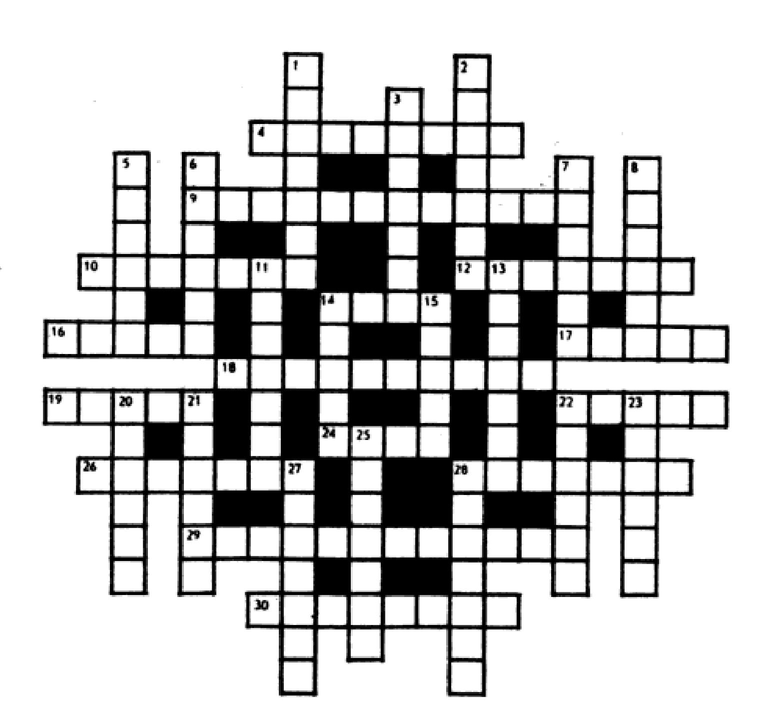
На конференции выступила Т. А. Соколовская, сотрудник Комитета по кинематографии. Она сообщила, что зарубежные фильмы закупает авторитетная комиссия; а многие недочеты, имеющиеся в работе советских киностудий, в большой мере можно объяснить тем огромным ростом выпуска фильмов на экраны, который, возможно, и сказывается на их качестве. Если раньше выходило 5—7 фильмов в год, то теперь выпускают 120 картин. А узнать, «получился» ли фильм, можно только после того, как он окончательно завершен производством.

Это сообщение вызвало самый резкий протест со стороны собравшихся... На трибуну вышел инструктор партийного комитета завода Никита Иванович Чепель.

— Наша рабочая аудитория — люди очень квалифицированные, и не только в вопросах выпуска автомобилей! Мы неплохо разбираемся в кино,— во всяком случае, умеем отличить дурное от хорошего,— говорит он.— К нам, например, привозили фильм «До свиданья, мальчики». Уговаривали нас, что это, мол, замечательная картина. Но мы решительно не приняли ее! И напрасно нас убеждали, что мыде в вопросах искусства люди некомпетентные. И не раз еще были такие попытки, но, повторяю, мы УМЕЕМ ОТЛИЧАТЬ БРАК не только в своей работе. Не зря нам кажется, что сейчас в работе кино как никогда много брака!.. Только мы свой брак исправляем сами, а в кино почему-то делают это ЗА СЧЕТ ЗРИТЕЛЯ... А, наверное, многие фильмы надо было бы сразу после выпуска отправлять в «тяжелый ремонт» — вот как это на рабочем языке называется!..

На этом выступлении, встреченном горячим одобрением, конференция закончила свою работу.

Гостями автозаводцев на встрече «КИНО И МЫ» были главный редактор журнала «Огонек» А. В. Софронов, заместитель главного редактора Б. В. Иванов, редактор отдела искусств Н. П. Толченова, зав. отделом писем Л. Г. Мурашова.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Вечнозеленое дерево. 9. Наука, изучающая биологическую природу человека. 10. Победитель в спортивном состязании. 12. Действующее лицо оперы И. И. Дзержинского «Тихий Дон». 14. Лестница на корабле. 16. Химический элемент. 17. Вулкан на острове Хонсю. 18. Река в Узбекской ССР. 19. Легкая упряжная лошадь. 22. Руководитель факультета. 24. Музыкальный инструмент. 26. Часть слова. 28. Наиболее яркая звезда в созвездии Скорпиона. 29. Прибор, указывающий величину ускорения движения автомобиля. 30. Актриса МХАТа, народная артистка СССР.

По вертикали:

1. Персонаж повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка». 2. Голландский философ XVII века. 3. Углубление между грядами. 5. Порт на берегу Адриатического моря. 6. Китобойный снаряд. 7. Ягода. 8. Рассказ М. Горького. 11. Помещение для зимовки пчел. 13. Венгерский композитор, автор оперетт. 14. Порода собак. 15. Древнее метательное оружие. 20. Мастерская художника, скульптора. 21. Старинная мужская одежда. 22. Занавеси со складками. 23. Птица семейства соколиных. 25. Краткое изложение научной работы. 27. Молочный продукт. 28. Город в Краснодарском крае.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 32

По горизонтали:

7. Отрадное. 8. Солонгой. 9. Ортоцентр. 12. Сказ. 13. Калар. 15. Пони. 18. Панова. 19. Тюрбан. 20. Николаи. 21. Ракита. 23. Лысуха. 25. Трио. 26. Уголь. 29. «Лорх». 32. «Нашествие». 33. Майолика. 34. Риторика.

По вертикали:

1. Фонарь. 2. Кремона. 3. Система. 4. Мальта. 5. Стамеска. 6. Роговица. 10. Гадолиний. 11. «Подросток». 14. Лукошко. 16. Канал. 17. Штиль. 22. Автограф. 24. Хохлатка. 27. Гренада. 28. Лотерея. 30. Ларина. 31. Синтез.

На обложке: Физкультурники на параде.

Фото Г. Копосова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 250-14-70; Юмора — 253-32-13; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-30-39.

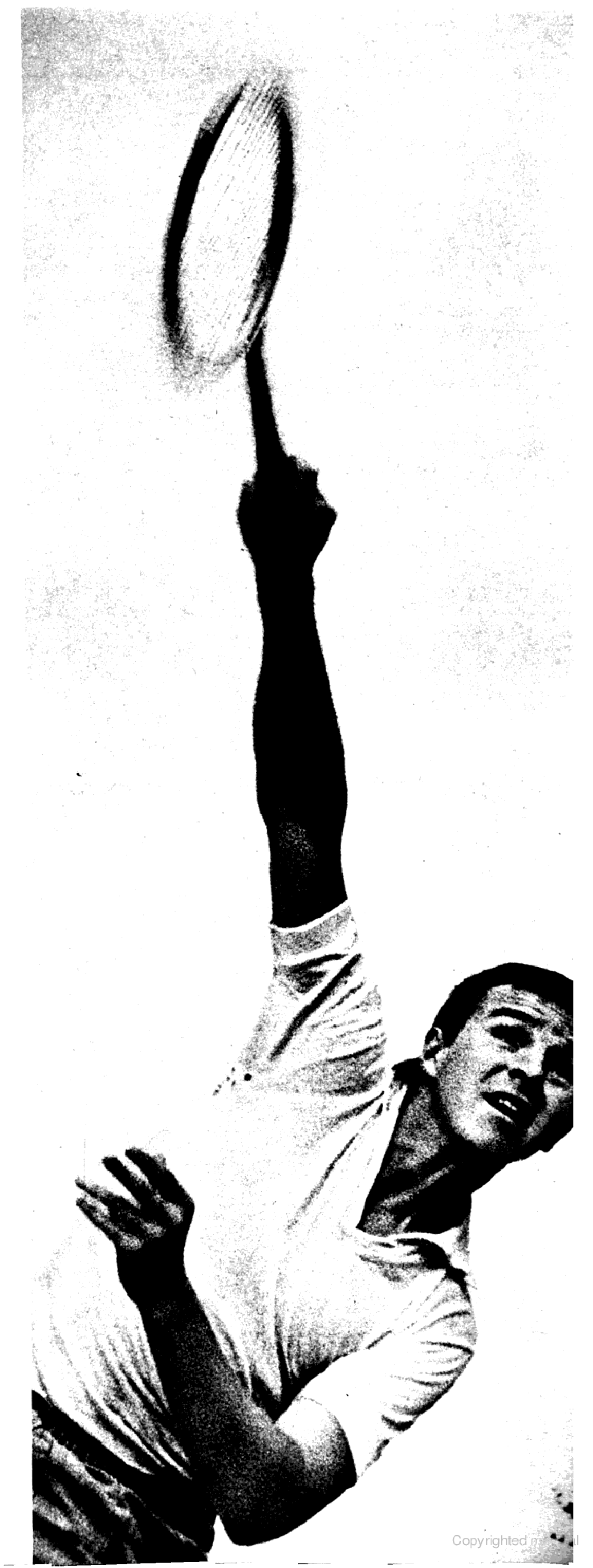
А 00461. Сдано в набор 23/VII-68 г. Подписано к печ. 6/VIII-68 г. Формат бумаги 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 050 000 экз. Изд. № 1417. Заказ № 2027.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

О ТЕННИСЕ БОЛЬШОМ И МАЛОМ

С. ИВАНОВ

Фото А. Бочинина.

Мяч, коварно подкрученный Лейусом, отскочил немного не так, как предполагал Йованович. От этого удар югославского теннисиста получился какой-то неуклюжий. Шерстяной теннисный зайчик описал в воздухе медленную неверную дугу и шлепнулся в «коридор», в аут: Йованович безнадежно махнул рукой и побежал к сетке — поздравить советского спортсмена. Так закончился матч СССР — Югославия, а зрители, в меру похлопав, неторопливо поднялись со своих мест и чинно отправились восвояси.

«Как это не похоже на футбол, на хоккей, на бокс»,— подумал я... И не только тем, что теннисные болельщики более спокойны, более бесстрастны. Главное различие в том, что редко на каком спортивном соревновании встретишь так мало ребят... Но почему? Может, билеты дороговаты? Да нет, детские билеты по гривеннику.

В чем же тогда дело? Я отправился на стадион «Шахтер», где занимается теннисная секция детской спортшколы общества «Труд». Ведь там есть возможность поговорить с опытным воспитателем, в прошлом неоднократным победителем многих турниров, человеком, 38 лет отдавшим теннису, имеющим более чем двадцатилетний стаж работы с юными теннисистами... Таков далеко не полный послужной список заслуженного тренера СССР, тренера детской сборной Москвы Галины Акимовны Кондратьевой.

— Популярен ли теннис среди детей? — переспрашивает Галина Акимовна.— Прямо скажу: нет, не популярен! Вернее, большинство ребят просто не знает, что это такое.

— Но все же в теннис играют очень многие?

— Да, но в основном это люди взрослые. Теннис очень бодрый, очень здоровый вид спорта, в него можно играть до глубокой старости, однако особенно благотворно он влияет именно на детский организм.

— В чем же тогда дело?

— По-моему, главная здесь виновница — школа, школьная программа. Там господствуют гимнастика, волейбол или баскетбол. А теннис остается за бортом.

Но и при таком небольшом интересе ребят к теннису площадок явно маловато. Особенно зимой. Их не хватает даже «Труду», хозяину зимних кортов «Шахтера». Получить корт для детского тенниса — довольно хлопотное занятие. Дело в том, что аренда их для детей стоит в два раза дешевле, чем для взрослых, а ведь теннисные стадионы на хозрасчете. Вот и не хотят хозяева кортов терпеть убытки и под тем или иным предлогом стараются уделить поменьше часов для ребячьей игры.

А детские теннисные школы очень нужны. И когда знакомишься с учениками Галины Акимовны, убеждаешься, что ее школа на правильном пути.

Появился перед нами парнишка лет тринадцати и, попросив извинения, спросил:

— Галина Акимовна, можно начинать соревнования в нашей подгруппе?

— А кто старший судья?

— Я.

— Так почему ты меня спрашиваешь?..

Приучаются ребята к самостоятельности. Для закалки характера смолоду это важно.

И еще один закон: спорт и учение — всегда вместе.

— Ну наконец-то! Андрей явился!— слышу я радостное восклицание Галины Акимовны.

Я оглядываюсь. Вроде никого — все заняты своим делом. Вот разве этот паренек лет десяти?.. Да, именно к нему обращается заслуженный тренер СССР. Выясняется, что мальчик пропустил несколько тренировок.

— Почему? — строго спрашивает Галина Акимовна.

— В школе...

— Двойку схватил?

— Не, тройку.

— По какому?

— По русскому.

— Очень мило. По диктанту?

— Да.

— Не люблю я тройки,— говорит Галина Акимовна,— тройка — посредственность, серятина. Правильно мама сделала, что не пускала. А еще тройку схватишь, так и я рассержусь.

— Больше не схвачу,— обещает Андрей.

— Это откуда же такая уверенность?.. Ах, да! Забыла — каникулы ведь начались!..

У Галины Акимовны более тридцати учеников, и каждого она помнит, за каждого болеет, как за маленького Андрея. И я уверен, что таких, как Кондратьева, Теплякова, Крее,— настоящих тренеров у нас немало. Не случайно советские теннисисты все более успешно выступают на международной арене. Надо только создать им, тренерам, условия для работы. А вот с условиями как раз не все в порядке.

Пушечная подача.

Старший судья соревнований Гена Жуков.

Петру Васильевичу Птицыну исполнилось 50 лет, когда родился его нынешний партнер Володя Черняк.

Будущие чемпионы!..

Г. А. Кондратьева.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663